This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

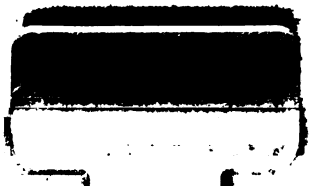
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DR
38
L37
V.1

YC 76904

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL N·MILIUKOV·



ПОСОБІЕ

КЪ

ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ ИСТОРІИ

КРИТИЧЕСКИМЪ МЕТОДОМЪ.

СОСТАВЛЕНО БЫВШ. ПРОФЕССОРОМЪ ЛИЦЕЯ КН. БЕЗБОРОДКО **Ив. В. Лашнюковымъ.**

Собственность сына покойнаго автора.

ВЫПУСКЪ I.

КІЕВЪ.

Въ типографіи М. П. Фрица, возлѣ памятника св. Ирины, д. № 224.

1870.

Дозволено Цензурою. Г. Кіевъ 20 марта 1870 г.

MILIUKOV LIBRARY

DK38
L37
v.1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе.	
I.	Судьба и бытъ Славянъ до половины IX в.	1
II.	Религія Славянъ.	27
III.	Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію	39
IV.	Призваніе Варяго-Руссовъ	47
V.	Внутреннее состояніе русскаго общества отъ призванія Варяго-Руссовъ до смерти Ярослава	54
VI.	Удѣльный періодъ	71
VII.	Внутреннее состояніе русскаго общества отъ Ярослава до половины XIII в.	89
VIII.	Новгородская община	106

M304449

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

1 2 1935

Изъ книгъ Е. К. Марковой

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое общественному вниманію сочиненіе принадлежитъ бывшему профессору лицея князя Безбородко Ивану Васильевичу Лашнюкову. Покойный принадлежалъ къ числу весьма замѣчательныхъ дѣятелей нашего провинціальнаго педагогическаго міра; въ небольшой сферѣ лицейской жизни онъ имѣлъ сильное и благотворное вліяніе. Его жизнь и исторія воспитанія представляетъ типическія черты, характеризующія наше недавнее печальное прошлое. Кто проходилъ такой путь, тотъ выносилъ одно пламенное желаніе—лучшей участи для грядущихъ поколѣній.

Иванъ Васильевичъ Лашнюковъ — сынъ бѣднаго сельскаго священника сосницкаго уѣзда черниговской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ черниговской духовной семинаріи, гдѣ онъ—по его собственнымъ разсказамъ—былъ на дурномъ счету за либеральныя наклонности. По окончаніи (1844) семинарскаго курса, Лашнюковъ уклонился отъ духовной карьеры и рѣшилъ продолжать образованіе въ свѣтскомъ высшемъ

училищѣ. Выборъ его палъ на лицей кн. Безбородко. Въ Нѣжинъ Лашнюковъ пришелъ пѣшкомъ и жилъ здѣсь въ первое время въ какомъ то амбарѣ, пока студентъ Мельниковъ, его товарищъ по первому курсу (сынъ купца-вольноотпущенника гг. Милорадовичевыхъ изъ м. Любеча), не далъ ему пріюта. Въ послѣдствіи Лашнюковъ былъ принятъ въ лицейскій пансіонъ стипендіатомъ князя Безбородко. Какъ въ лицеѣ, такъ въ послѣдствіи и въ университетѣ Лашнюковъ былъ очень замѣтнымъ и вліятельнымъ студентомъ. Вотъ что говоритъ, относительно періода пребыванія Лашнюкова въ лицеѣ, бывшій его товарищъ г. Троцина.

„Схоластическое образованіе въ семинаріи много способствовало развитію въ Лашнюковѣ силы мышленія, дѣлавшей его доступнымъ отвлеченнымъ понятіямъ права, тогда какъ для многихъ другихъ студентовъ, еще мало развитыхъ предшествующимъ воспитаніемъ, переходъ отъ круга гимназическихъ познаній въ область высшихъ идей философіи права былъ такъ рѣзокъ, что часто усилія памяти замѣняли усвоеніе мысли путемъ пониманія. Никто лучше его не объяснялъ трудныя мѣста философіи права. Гегель своею объективностью особенно затруднялъ молодые умы; но не большой кружокъ студентовъ-мыслителей, между которыми Лашнюковъ занималъ разумѣется первое мѣсто, не хотѣлъ отказываться отъ борьбы съ трудностью и принимать на вѣру мысль, не усвоенную сознаніемъ; смѣло и со всею силою логики встрѣчалъ

онъ непокорную идею, путемъ умозаключенія доходилъ до ея начала, преслѣдовалъ ее до тѣхъ поръ, пока не разоблачался внутренній ея смыслъ, и мы съ торжествомъ могли созерцать мысль въ той ея чистотѣ, въ какой она представлялась уму великаго мыслителя. Обладая силою діалектики, Лашнюковъ всегда сводилъ товарищескую бесѣду къ какому нибудь вопросу, становившагося предметомъ диспута. Такія бесѣды происходили обыкновенно въ лицейскомъ саду, гдѣ студенты, жившіе въ самомъ зданіи лицея, проводили большую часть свободнаго отъ занятій времени. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминается теперь это мѣсто, гдѣ высказываемо было столько мыслей, гдѣ свободно развивались самые отвлеченные вопросы изъ области философіи, гдѣ вмѣстѣ съ защитою того или другаго ученія объ идеѣ добра и правды сознаніе неизмѣнности этихъ началъ уже сроднялось съ внутреннею природою молодаго мыслителя. Иное совсѣмъ чувствовалось въ самомъ зданіи; тутъ все намъ говорило о дисциплинѣ и наружной формѣ, составлявшей въ тѣ времена первое условіе нравственности студента, и Лашнюковъ, имѣвшій обыкновенье ходить въ растегнутомъ сюртукѣ и съ прической нѣсколько въ безпорядкѣ, всегда считался, во мнѣніи блюстителей чистоты нравовъ лицея, чѣмъ то въ родѣ либерала.... Трехлѣтнее пребываніе Лашнюкова въ лицеѣ не осталось для него безъ пользы; здѣсь онъ освободился отъ нѣсколько односторонняго взгляда, сообщаемаго воспитаніемъ въ духов-

ныхъ училищахъ, и пріучился къ повѣркѣ разумомъ истинъ науки и явленій жизни."

Репутація либерала, о которой говоритъ г. Трошина, была вѣроятно причиною того, что Лашнюковъ окончилъ лицей (1847) съ аттестатомъ втораго разряда, хотя по познаніямъ и развитію заслуживалъ большаго.

Изъ лицея Лашнюковъ перешелъ въ историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра, гдѣ тоже нѣкоторое время сильно бѣдствовалъ, кое какъ перебиваясь уроками латинскаго и греческаго языковъ и составленіемъ сочиненій для слабыхъ филологовъ богачей.

Четырехлѣтнее пребываніе Лашнюкова въ кіевскомъ университетѣ было — не смотря на гнетъ тѣхъ же, что и въ лицеѣ, дисциплины и формалистики — самымъ плодотворнымъ временемъ въ исторіи его образованія. Кіевскій университетъ имѣлъ въ то время превосходныхъ профессоровъ по политическимъ наукамъ: гг. Павлова, Шульгина, Вернадскаго; подъ ихъ руководствомъ молодежь серьозно изучала классическія сочиненія западноевропейской науки: Гизо, Тьери, Кэтлэ, Сэя... Авторитетъ историко-филологическаго факультета въ концѣ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ былъ очень великъ; лучшіе студенты университета принадлежали историко-филологическому факультету; лекціи же его корифеевъ посѣщались студентами всѣхъ факультетовъ, такъ что обширныя аудиторіи кіевскаго университета съ трудомъ вмѣщали слушателей. Я живо помню, съ какимъ благоговѣніемъ

выслушивали мы—гимназисты—разсказы студентовъ, проѣзжавшихъ изъ Кіева на вакаціи и праздниками о лекціяхъ профессоровъ. Обаяніе вышеназваннымъ именемъ и общее стремленіе къ историческимъ знаніямъ увлекала на историко-филологическій факультетъ даже и такихъ молодыхъ людей, которые имѣли несомнѣнныя способности къ другимъ наукамъ.

Въ такой школѣ завершилось развитіе и образованіе Лашнюкова; въ ней окончательно окрѣпъ критическій природный его даръ, пробужденный, но неудовлетворенный семинарскою діалектикой; изъ нея онъ вынесъ тотъ широкій и гуманный взглядъ на жизнь и исторію, который никогда не допускалъ его до односторонности и мелочности, часто составляющихъ отличіе провинціальныхъ ученыхъ, и который помогъ ему навсегда сохранить въ борьбѣ съ уѣздною пошлостью ясность мысли и вѣру въ прогрессъ.

Подъ руководствомъ профессора Павлова Лашнюковъ началъ спеціально заниматься русскою исторіею. Г. Павловъ первый обратилъ молодежь къ *изученію русской исторіи въ ея источникахъ*, но съ сохраненіемъ связи съ исторіею человѣчества и подъ верховнымъ руководствомъ философіи исторіи. Лашнюковъ былъ изъ первыхъ и лучшихъ учениковъ г. Павлова. Усвоенные въ это время программа и методъ остались навсегда характеристическою особенностью Лашнюкова какъ преподавателя и изслѣдователя, именно: критика источниковъ

исторіи и воззрѣній на нее ученыхъ — какъ методъ изслѣдованія, крупные вопросы политической исторіи культуры — какъ главный предметъ изслѣдованія.

Еще въ университетѣ Лашнюковъ написалъ сочиненіе на тему: *о причинахъ усобицъ между русскими князьями и о вліяніи ихъ на современное общество въ періодѣ времени отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимина*, — сочиненіе, удостоенное награжденія золотою медалью. Вотъ отзывъ объ этомъ замѣчательномъ для своего времени сочиненія (помѣщенный въ отчетѣ университета за 1850 г.), изъ котораго можно имѣть понятіе о методѣ изслѣдованій, усвоенномъ школою г. Павлова.

„Сочиненіе это составлено авторомъ по источникамъ преимущественно лѣтописнымъ, по двумъ методамъ, тѣсно соединеннымъ — *критическому* и *повѣствовательному;* такъ что въ немъ отчетливо съ одной стороны раскрытъ смыслъ событій, а съ другой стороны изложены самыя событія. Авторъ весьма подробно изложилъ исторію междукняжескихъ усобицъ въ пространство времени отъ Рюрика до Андрея Боголюбскаго; отъ Андрея же Боголюбскаго до Ивана Калиты и Гедимина онъ представилъ наглядную и вѣрную характеристику усобицъ, не вдаваясь въ особенныя подробности. Это сочиненіе имѣетъ несомнѣнную цѣну для науки отечественной исторіи, ибо, соединяя въ себѣ результаты прежнихъ изслѣдованій по этой части гг. Устрялова, Погодина, Кавелина, Соловьева, вноситъ много совершенно новаго въ область

историческаго вѣдѣнія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ."

Такого же рода отзывъ о названномъ сочиненіи Лашнюкова былъ помѣщенъ въ 17 № „Москвитянина" за 1851 г.

Въ университетѣ же Лашнюковъ началъ заниматься исторіею и древностями западныхъ Славянъ, на чемъ воспиталъ въ себѣ любовь и уваженіе къ западному славянству—явленіе, считавшееся въ Кіевѣ, въ то время и еще гораздо позднѣе, страннымъ оригинальничаньемъ въ глазахъ господствовавшихъ тогда безусловныхъ поклонниковъ нѣмецкой науки. Въ послѣдствіи, во время своего путешествія за границу (1861—62 г.) въ бытность свою профессоромъ лицея кн. Безбородко, Лашнюковъ еще болѣе укрѣпился въ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе для Россіи западно-славянской науки и культуры. Въ краткомъ, но весьма замѣчательномъ — по самостоятельности мысли и тонкости наблюденія—отчотѣ, напечатанномъ въ циркулярѣ по управленію кіевскимъ учебнымъ округомъ Лашнюковъ высказалъ свое убѣжденіе о положительномъ превосходствѣ западнославянской исторической науки и педагогіи надъ русскими историческими сочиненіями и русскою системою воспитанія. Его постоянною мыслію было—что русскимъ молодымъ публицистамъ и педагогамъ слѣдуетъ ѣздить учиться въ Прагу.

„Наблюденія мои, говоритъ Лашнюковъ, привели меня

къ тому заключенію, что Чехи — самое развитое, даровитое и образованное славянское племя, и что русскій можетъ многому поучиться у чеховъ“.....

„Знакомство съ Палацкимъ и изученіе его исторіи принесло мнѣ большую пользу: я понялъ задачу славянской исторіи и сознялъ несостоятельность нашихъ воззрѣній на славянскую и отечественную исторію. Исторія Палацкаго, по полнотѣ, фактичности содержанія, по богатству историческаго матеріала, по глубинѣ критики и по искуству группировки и изложенія фактовъ, стоитъ выше извѣстныхъ исторій польскихъ и русскихъ. Въ трудѣ Палацкаго не замѣтно докринерства, которымъ отличаются многія наши историческія изслѣдованія; не видно въ немъ и узкихъ національныхъ тенденцій, въ чемъ сильно погрѣшаютъ польскіе историки. Трудъ Палацкаго вполнѣ самостоятеленъ; ни европейская наука, ни великіе образцы европейской исторіографіи, которыми руководствовался Палацкій, не лишили его труда оригинальности и не подавили въ авторѣ той объективности воззрѣнія, которую онъ вынесъ изъ изученія памятниковъ своей отечественной исторіи и жизни народной. Палацкаго нельзя назвать ни славянофиломъ, ни западникомъ; западная наука дала ему только средства сознать и изложить исторію своего народа; но не она внушила ему глубокую симпатію къ своему народу и то благородное патріотическое чувство, которымъ проникнута его исторія; патріотическое же чувство не омрачило разумнаго, свѣт-

лаго взгляда чешскаго историка на западную цивилизацію, на великія судьбы европейскаго міра“.....,

„Западные Славяне смотрятъ на свою современную исторію какъ на результатъ прошедшаго; они хорошо знаютъ свое современное положеніе и свою прошедшую жизнь и потому ихъ не ослѣпляютъ никакія теоріи, никакія воззрѣнія; они строго держатся факта. Историческая наука у нихъ не доктрина, а живое знаніе; она питаетъ патріотическое чувство народа и служитъ руководствомъ для передовыхъ людей. Какъ только пробудилось національное чувство у чеховъ, они прежде всего позаботились о томъ, чтобы имѣть исторію своего народа и съ великимъ трудомъ выхлопотали Палацкому титулъ исторіографа чешской земли. Палацкій 40 лѣтъ трудился надъ исторіею своего народа. Я слышалъ отъ Палацкаго, что самый интересный періодъ чешской исторіи — время Подибрада обработанъ его трудами; по его словамъ, онъ не имѣлъ и двухъ страницъ подъ рукою изъ трудовъ своихъ предшественниковъ. Онъ долженъ былъ собрать и обработать матеріалъ, составившій огромный томъ“.....

„Западные славянскіе историки видятъ въ начальномъ быту славянства животворныя начала для своего возрожденія, и потому древняя исторія имѣетъ для нихъ важное значеніе. Лучшіе труды западныхъ историковъ и изслѣдователей посвящены всестороннему изученію древностей и народной жизни по памятникамъ, преданіямъ, пѣснямъ и легендамъ старины. У насъ только недавно

начались эти работы. Мы создавали, или, лучше сказать, принимали чужія воззрѣнія на исторію и цѣликомъ прилагали ихъ къ русской исторіи. Наша историческая наука богата теоріями, воззрѣніями и очень скудна критическими изслѣдованіями. Мы рано пренебрегли такъ называемою фактическою исторіею и рано начали сочинять прагматическія и философическія исторіи. Мы можемъ сказать, что наша начальная исторія еще мало разработана. Имѣя богатые матеріалы, какихъ не имѣетъ ни одинъ народъ славянскій, мы ограничились передачею историческаго матеріала на современномъ языкѣ и называемъ это повтореніе лѣтописей исторіею. Такъ называемый удѣльный періодъ и до сихъ поръ остается темнымъ и совершенно недоступнымъ для большинства. *Родовыя, гражданскія и государственныя отношенія; уклады: удѣльно-вѣчевой и государственный, теорія федеративная и теорія государственной централизаціи* — вотъ результаты нашихъ изслѣдованій по древней русской исторіи. Ясно, что всѣ эти воззрѣнія мы создали подъ вліяніемъ чужой для насъ исторической науки; мы приложили результаты западной исторической науки къ нашей жизни и пока ограничиваемся этой безплодной догматикой. Палацкій пришелъ въ негодованіе, когда я сказалъ ему, какими теоріями руководятся наши историки. Не одинъ Палацкій считаетъ безплодными наши историческія воззрѣнія; и другіе западные славянскіе ученые, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, высказали

то же мнѣніе. Заблужденія наши они приписываютъ нашему рабскому подчиненію въ научномъ отношеніи исключительно нѣмцамъ. Западные ученые, интересующіеся исторіею Славянъ, находятъ единственное сочиненіе для изученія этой малоизвѣстной исторіи—знаменитый трудъ Шафарика. Такою же извѣстностью пользуется на западѣ и трудъ Палацкаго. Воззрѣніе Палацкаго на исторію и судьбу чешскаго народа принято западною историческою наукою и сдѣлалось національнымъ воззрѣніемъ чеховъ....“

Но особенно замѣчательны, по моему мнѣнію, находящіяся въ названномъ отчетѣ Лашнюкова наблюденія и заключенія его относительно чешской педагогіи. Здѣсь онъ указываетъ на образцы, которые дѣйствительно заслуживаютъ подражанія, и на принципы, которые и у насъ ждутъ признанія, и которые одни могутъ сообщить дѣлу воспитанія жизнь и силу. Для характеристики Лашнюкова какъ мыслителя и наблюдателя и имѣя намѣреніе собрать около издаваемаго мною нынѣ его труда все, что есть замѣчательнаго въ другихъ его сочиненіяхъ, я перепечатываю изъ отчета интересныя наблюденія надъ чешскими и швейцарскими школами.

„Австрійскія школы организованы по образцу старыхъ прусскихъ школъ; организація эта, введенная министромъ Туномъ еще въ 1849 году, удержалось досихъ поръ. Школы идутъ въ такомъ порядкѣ: приходскія школы (Pfarrschule), состоящія изъ 3 классовъ; главныя школы

(Hauptschule,)—изъ 4 классовъ и наконецъ гимназіи—изъ 8 классовъ. Гимназическій курсъ раздѣляется на низшій и высшій; низшія гимназіи состоятъ изъ 4 классовъ. Реальныя школы раздѣляются на два разряда: подреальныя школы (Unter-Realschule) и полныя реальныя школы изъ 6 Класовъ (vollständige Realschule). По мнѣнію лучшихъ чешскихъ педагоговъ, съ которыми я имѣлъ случай говорить, эта организація школъ не соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ. Такъ называемыя главныя школы совсѣмъ лишни. Школы эти прежде назывались нѣмецкими школами, потому что всѣ предметы преподавались въ нихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Галиціи и теперь эти школы называются: „главныя нѣмецкія школы.“ Школы эти учреждены собственно для того, чтобы удобнѣе германизировать негерманскія племена, и дѣйствительно чехъ выходилъ изъ этой школы нѣмцемъ, забывалъ свой отечественный языкъ, не умѣлъ ни читать, ни писать по чешски. Почти все старое поколѣніе, воспитывавшееся въ этихъ школахъ, плохо знаетъ по чешски. По мнѣнію извѣстнаго педагога Ржезаца (Řezac), слѣдовало бы поднять приходскія школы и замѣнить ими главныя школы; тогда дѣти поселянъ не имѣли бы надобности оставлять семейства и отправляться въ города въ школы; ученіе и воспитаніе стоило бы дешевле и было бы болѣе народное. Гимназіи должны бы состоять изъ 7 классовъ: 4 низшихъ и 3 высшихъ. Одни изъ воспитанниковъ гимназій, по окончаніи 4 классовъ, могли бы

идти въ реальныя или промышленныя школы; другіе могли бы продолжать курсъ въ высшихъ классахъ гимназіи и потомъ поступать въ университетъ. Такимъ образомъ реальное образованіе было бы тѣснѣе связано съ гуманнымъ. Въ настоящее время въ Богеміи гуманное образованіе преобладаетъ надъ реальнымъ. Въ Прагѣ и другихъ чешскихъ городахъ числится 23 гимназіи, между которыми 6 низшихъ изъ 4 классовъ, и 43 реальныя школы изъ которыхъ 7 только высшихъ (полныхъ) изъ 6 классовъ.

Я посѣщалъ чешскія школы и потому могу сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о способѣ обученія. У чеховъ очень рано начинаютъ учить дѣтей; дѣти поступаютъ въ школу 5, 6 и 7 лѣтъ. Въ классахъ недостаточныхъ домашнее образованіе не существуетъ,—дѣти безъ всякаго приготовленія поступаютъ въ школу. Въ школѣ цѣлый мѣсяцъ дѣтямъ не даютъ книги въ руки; учитель занимаетъ дѣтей разговорами о разныхъ предметахъ, болѣе или менѣе уже извѣстныхъ дѣтямъ, показываетъ имъ картинки — изображенія разныхъ предметовъ и самые предметы. Я видѣлъ одну приходскую школу, въ которой учитель любитель своего дѣла, на собственный счетъ, составилъ разнообразную коллекцію картинъ и предметовъ изъ царствъ: растительнаго, минеральнаго и животнаго. Чего тамъ нѣтъ? Камни, куски дерева, мѣховъ, кожъ, фабричныхъ издѣлій, разныя сѣмена и растенія, модели разныхъ орудій и инструментовъ, изображенія

животныхъ, историческія картины и тому подобное—все это выставлено въ шкапѣ.

Школа представляетъ интересное зрѣлище, особенно для русскаго. Дѣвочки и мальчики учатся вмѣстѣ, только сидятъ отдѣльно. Учитель ни на одну минуту не спускаетъ съ дѣтей глазъ, постоянно обращается къ нимъ съ вопросами; дѣти или отвѣчаютъ на вопросы учителя, или поднимаютъ руки вверхъ, въ знакъ того, что они понимаютъ разсказъ учителя. Учитель занимается не только обученіемъ, но и воспитаніемъ дѣтей, пріучаетъ ихъ къ школьной дисциплинѣ, обращаетъ вниманіе на каждое ихъ дѣйствіе, слѣдитъ за каждымъ ихъ движеніемъ. Дѣти съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ разсказъ учителя и и охотно выполняютъ его приказаніе. Учитель, напр., скажетъ дѣтямъ: руки положить на скамью, руки поднять вверхъ, руки сложить на груди, встать, сѣсть; дѣти немедленно выполняютъ приказаніе учителя. Такимъ образомъ дѣти находятся въ постоянномъ движеніи и привыкаютъ къ школьной дисциплинѣ. Они не сидятъ мрачно, не дѣлаютъ глупостей подъ скамьями, не толкаютъ другъ друга, не ведутъ разговоровъ на пантоминахъ, не занимаются *созерцаніемъ личности учителя* опоздавшій ученикъ не садится, а останавливается у дверей, пока учитель не позволитъ ему сѣсть; за шалость и особенно за невниманіе также лишаютъ мѣста и ставятъ на колѣни—послѣднее наказаніе случается очень рѣдко. Если учитель замѣтитъ шалуна или невнимательнаго ученика

то не называетъ провинившагося по имени, а говоритъ; нѣкоторые между вами невнимательны, дурно ведутъ себя: я позову ихъ сюда (на средину класса). Если такое предостереженіе не подѣйствуетъ, учитель называетъ провинившагося мальчика, дѣлаетъ ему выговоръ, ставитъ отмѣтку въ своей записной книгѣ. Замѣчанія учителя очень дѣйствуютъ на дѣтей. При этой дисциплинѣ, въ школѣ не существуетъ ригоризма; учитель обращается съ дѣтьми гуманно—отечески, онъ говоритъ имъ: ditecki, dejte pozor (дѣти, слушайте, будьте внимательны). Дѣти съ величайшимъ вниманіемъ слушаютъ каждое слово учителя и одинъ передъ другимъ спѣшатъ повторить его разсказъ. Дѣйствительно, они смотрятъ на учителя какъ на своего наставника. Я былъ свидѣтелемъ въ школѣ такихъ сценъ. Учитель зоветъ ребенка къ доскѣ; ребенокъ (6 лѣтъ) не могъ тотчасъ выйти изъ-за скамьи; учитель взялъ его на руки и вынесъ изъ-за скамьи. Другой ребенокъ захотѣлъ ѣсть, досталъ изъ кармана кусокъ хлѣба и кушалъ преспокойно. (Это было во время короткаго отдыха). Учитель не сказалъ ни слова мальчику, онъ какъ будто не видѣлъ этого, дѣти также не смотрѣли на нарушителя порядка, не указывали на него пальцами, не дѣлали шуму. Я спросилъ одну дѣвочку, сколько ей лѣтъ; она отвѣчала очень солидно: 5 и 4 мѣсяца; давно ли ходитъ въ школу? 3 мѣсяца. Я говорилъ и съ другими дѣтьми; они отвѣчали на мои вопросы очень развязно, безъ робости и безъ гримасъ. Учитель послѣ сказалъ мнѣ,

что дѣти были очень довольны тѣмъ, что могли отвѣчать Руссу. Въ другой школѣ, куда я обѣщалъ придти, дѣти все спрашивали учителя, когда придетъ Руссъ? У насъ учителя жалуются, что ученики непочтительны къ нимъ, при встрѣчѣ не снимаютъ фуражекъ. Чешскія дѣти, выходя изъ школы, говорятъ учителю: прощайте (z panem Bohem), дѣвочки дѣлаютъ книксенъ. Учитель не выходитъ изъ класса, пока не выйдутъ всѣ ученики и потомъ провожаетъ ихъ за ворота училища. Нужно замѣтить, что въ чешскихъ приходскихъ школахъ и въ первыхъ классахъ главныхъ школъ не бываетъ менѣе 100 дѣтей; есть школы, въ которыхъ приходится по 120, 140 и 150 учениковъ. Такое множество дѣтей дѣйствительно обременяетъ учителя; учитель, по истинѣ, работаетъ какъ волъ и между тѣмъ получаетъ самое ничтожное вознагражденіе. Въ школу приходятъ дѣти, которымъ нѣтъ пристанища, дѣти нищихъ, которымъ приходится жить на улицѣ.

Когда дѣти привыкнутъ къ школѣ, ихъ начинаютъ учить чтенію, письму, ариѳметикѣ, закону Божію и пѣнію. Въ чешскихъ школахъ, прежде чѣмъ начнутъ учить дѣтей грамотѣ, учатъ ихъ говорить, т. е. правильно, ясно и отчетливо выражать свои понятія, свои мысли. Дѣти приучаются опредѣлять, описывать знакомые предметы. Такимъ образомъ они на дѣлѣ, на практикѣ узнаютъ пользу ученія; имъ не приказываютъ учиться, а стараются завлечь, заохотить ихъ къ школѣ. Одинъ чешскій

поселянинъ жаловался, что въ нынѣшнихъ школахъ дурно учатъ; его дочь цѣлый мѣсяцъ ходитъ въ школу и еще не умѣетъ ни читать, ни писать. Что же она дѣлаетъ въ школѣ? спросили его. Она слушаетъ разные разсказы, и когда придетъ домой и начнетъ разсказывать, то мать бросаетъ работу и слушаетъ ее. Какъ видите, и у чеховъ есть еще рутинеры, которые не могутъ понять, въ чемъ должна состоять грамотность. Учителя не обращаютъ вниманія на невѣжество стараго поколѣнія и съ любовью, съ энергіею стараются учить и воспитывать молодое поколѣніе по новой раціональной методѣ. Чехи не преслѣдуютъ рутинеровъ насмѣшками, считаютъ безполезнымъ обращать ихъ на путь истины только наставленіями, а стараются на дѣлѣ показать имъ пользу знанія и науки. Можетъ быть, ни въ одной странѣ передовые люди не сдѣлали столько для народа, какъ чехи. Многіе извѣстные ученые чешскіе работали цѣлую жизнь, не получая ни отъ кого вознагражденія за свои труды; многіе изъ нихъ умирали въ крайней нуждѣ. Только въ настоящее время начинаютъ оцѣнивать заслуги великихъ тружениковъ, и только теперь имена великихъ чешскихъ людей дѣлаются извѣстными народу. Между чехами можно найти людей, которые безкорыстно работали не только для своего народа, но для всего славянскаго міра. (Остальной міръ до сего времени не признаетъ славянъ народомъ мыслящимъ, и потому не считаетъ нужнымъ знать труды славянскихъ ученыхъ, особенно если эти труды написаны

на варварскомъ славянскомъ языкѣ,) Знаменитый Ганке не только не получалъ ничего за чтеніе русскаго языка. но еще, говорятъ, платилъ за право преподаванія русскаго языка. Этотъ почтенный славянофилъ оставилъ въ народѣ чешскомъ самое прекрасное воспоминаніе. Его портретъ выставленъ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и магазинахъ съ прекрасною надписью: „Narody ne hasnou. pokud jazik żye“ (народы не угасаютъ, пока живетъ языкъ). Но возвратимся къ школѣ.

Когда дѣти узнаютъ азбуку, ихъ учатъ различать буквы: гласныя, согласныя, мягкія, твердыя и т. п. Когда узнаютъ склады, ихъ учатъ различать слова односложныя, двусложныя и т. д. Дѣтей учатъ не механической грамотѣ, а языку. Нужно замѣтить, что преподаваніе такого рода чисто практическое; дѣтей не заставляютъ заучивать, затверживать уроки, а объясняютъ имъ все наглядно, примѣрами. Если дѣтямъ говорятъ о какомъ нибудь животномъ, то показываютъ имъ картинку — изображеніе животнаго; если говорятъ объ извѣстномъ орудіи, то показываютъ модель этого орудія. Въ первыхъ классахъ приходскихъ и главныхъ школъ преподаютъ четыре дѣйствія ариѳметики, употребляя числа только до 100. Я посѣщалъ школу въ ноябрѣ, слѣдовательно прошло два мѣсяца со времени открытія школы, и между тѣмъ изъ ариѳметики было пройдено только до 9. Учитель показывалъ дѣтямъ 9 шариковъ на проволокѣ, въ видѣ счетовъ, и такимъ образомъ наглядно училъ ихъ сложенію

и вычитанію, приводя примѣры изъ практики. Дѣти не дѣлаютъ задачъ на доскѣ, не заучиваютъ таблицъ. Во второмъ классѣ дѣти повторяютъ пройденное, но уже гораздо полнѣе и обширнѣе съ числами до 1000 и рѣшаютъ задачи на доскѣ. Я нахожу такой способъ преподаванія ариѳметики самымъ практичнымъ и разумнымъ. Ариѳметика не каждому равно дается и между тѣмъ каждому необходима, а потому только при медленномъ и постепенномъ преподаваніи возможны успѣхи дѣтей въ этой наукѣ. Какъ извѣстно, ариѳметика въ нашихъ школахъ считается самымъ труднымъ предметомъ; большинство дѣтей встрѣчаютъ затрудненія именно въ этомъ предметѣ. Нужно замѣтить, что чешскія школы очень бѣдны средствами и учебными пособіями; правительство нисколько не заботится о школахъ, а если и заботится, то чисто отрицательно. Школами руководятъ умные, практическіе педагоги; учителя совершенно понимаютъ своихъ руководителей, стараются на практикѣ выполнять ихъ педагогическіе совѣты и совершенствовать способъ. Методъ преподаванія совершенно зависитъ отъ учителя, отъ его умѣнья, способности преподавать. Въ наукахъ гуманныхъ методъ даетъ языкъ, живое слово, въ наукахъ реальныхъ—самый предметъ. Предлагайте какой хотите методъ—не улучшите преподаванія, пока учителя сами не поймутъ своего дѣла, своего назначенія. Учителя же тогда только поймутъ свое дѣло, когда ими будутъ руководить умные, практическіе педагоги, а не отвлеченные мыслители и

бюрократы. Въ чешскихъ школахъ учитель не связанъ официальною программою, не стѣсненъ росписаніемъ учебныхъ часовъ и предметовъ; онъ можетъ преподавать въ одинъ часъ разные предметы: можетъ заставлять дѣтей читать, писать, пѣть, и т. п. Начальство обращаетъ вниманіе не на *процессъ, или порядокъ обученія, а на результаты.* Въ концѣ года учитель даетъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ, обыкновенно печатаетъ учебную книгу, т. е. печатаетъ о томъ, что и какъ онъ преподавалъ. Книга эта принимается въ руководство, если компетентные люди найдутъ ее дѣльною. Нужно замѣтить что чехи—превосходные практическіе педагоги, и, какъ народъ артистическій, умѣютъ очень кстати пользоваться мимикою въ преподаваніи.

Скажемъ, что и какъ преподается въ такъ называемыхъ главныхъ чешскихъ школахъ. Въ 3 классѣ ученики читали извѣстную, принятую въ школѣ для чтенія книгу. Учитель заставлялъ читать нѣсколькихъ учениковъ; каждый читалъ по нѣскольку словъ; все это дѣлалось шибко, бойко; учитель не останавливаясь, безъ всякихъ разговоровъ, подыскалъ по списку учениковъ, а не осматривалъ ихъ предварительно, *выбирая жертву.* Каждый ученикъ внимательно слѣдилъ за чтеніемъ, ожидая очереди быть спрошеннымъ. Чтеніе продолжалось не болѣе 20 минутъ; потомъ послѣдовалъ разборъ; анализъ прочитаннаго. Учитель заставлялъ учениковъ раздѣлять слова на слоги, слоги на буквы; ученики приводили примѣры словъ одно-

сложныхъ, двусложныхъ и т. д. Потомъ разбирали буквы гласныя, согласныя, твердыя, мягкія и т. д. Все это поясняло́сь примѣрами. Почти всѣ ученики были спрошены. Потомъ учитель заставлялъ учениковъ искать значенія словъ, значенія не грамматическаго, а предметнаго, т. е. что такое извѣстный предметъ, или какое понятіе означаетъ извѣстное слово? Напр., что такое столъ, изъ чего столъ дѣлается, кѣмъ дѣлается, какіе инструменты употребляетъ столяръ? Потомъ ученики соединяли слова, составляли краткія предложенія. Подобный разборъ развиваетъ соображеніе и самостоятельность мышленія; дѣти привыкаютъ опредѣлять, описывать предметы, привыкаютъ къ точности и отчетливости въ выраженіяхъ. Когда дѣти были утомлены, учитель велѣлъ имъ спѣть національную чешскую пѣсню; дѣти пѣли съ большимъ чувствомъ и съ большою охотою. Послѣ пѣнія послѣдовалъ короткій отдыхъ. Потомъ учитель велѣлъ ученикамъ написать въ своихъ тетрадкахъ собственныя имена: имена людей, народовъ, горъ, рѣкъ и т. п. Ученики писали, что знали; учитель исправлялъ потомъ написанное ими. Одинъ ученикъ перечислилъ всѣхъ славянъ, не пропустилъ и руссовъ; замѣтьте, что ученикъ этотъ имѣлъ не болѣе 10 лѣтъ; я думаю, что у насъ и многіе взрослые ученики не перечислятъ славянскихъ народовъ. Въ IV классѣ учитель преподавалъ ариѳметику; учитель напислъ на доскѣ $^3/_4$, потомъ провелъ линію и разбилъ ее пополамъ, провелъ другую и раздѣлилъ ее на 4 части, нако-

нецъ третью, которую раздѣлилъ на 8 частей, и такимъ образомъ наглядно объяснялъ сложеніе и вычитаніе дробей, приводя примѣры изъ жизни, изъ практики; ученики спокойно повторяли объясненія учителя, приподнимаясь съ мѣста и поднимая руку вверхъ, въ знакъ того, что они понимаютъ объясненіе. Учитель не спускалъ глазъ съ учениковъ и постоянно обращался къ нимъ съ вопросами. Сначала учитель вызвалъ къ доскѣ нѣсколькихъ лучшихъ учениковъ, которые удовлетворительно повторяли его объясненіе; потомъ спросилъ слабѣйшихъ учениковъ и вновь повторилъ свое объясненіе. Пожалуй, наши педагоги сочтутъ такой способъ преподаванія слишкомъ школьнымъ, дѣтскимъ; мы съ своей стороны, считаемъ такой методъ самымъ практическимъ и разумнымъ. Учитель умѣлъ снизойти до дѣтскихъ понятій; онъ не писалъ на доскѣ, оборотясь спиной къ ученикамъ, многосложныхъ задачъ, не показывалъ разныхъ ариѳметическихъ фокусовъ, не обременялъ памяти дѣтей сухими вычисленіями, а приводилъ имъ примѣры изъ окружающаго ихъ міра, совершенно понятные дѣтямъ; словомъ—учитель поступалъ гуманно съ учениками, старался передать имъ свои знанія въ понятной для нихъ формѣ; онъ не пугалъ ихъ воображеніе глубиною своей мудрости, не поставлялъ ихъ въ рабскую зависимость отъ своей особы. Потомъ учитель объяснялъ ученикамъ начальныя основанія физики, говорилъ имъ о тѣлахъ и ихъ свойствахъ, объяснялъ наглядно, приводя

самые понятные, общедоступные примѣры. Часъ прошелъ не замѣтно; учитель не садился ни на одну минуту; все время урока онъ ходилъ между скамьями. Ученики спокойно повторяли его объясненіе и также находились въ постоянномъ движеніи: то приподнимались съ мѣста, то поднимали руку вверхъ. Нужно замѣтить, что эти движенія учениковъ не дѣлали шума, не безпокоили учителя, не мѣшали самимъ ученикамъ слушать объясненіе. Во время урока учитель дѣлалъ замѣчанія ученикамъ, которые вели себя неприлично, невнимательно слушали объясненіе, но ни одному не сказалъ грубаго слова; учитель обдумывалъ не только свои слова, но, можно сказать, и свои движенія.

Скажемъ нѣсколько словъ о наружномъ видѣ школы и о распредѣленіи учебнаго времени. Въ классахъ полы, скамьи, столы — не крашенные; скамьи изъ простаго еловаго дерева, запачканныя чернилами и изрѣзанныя ножами—на это, какъ видно; не обращаютъ вниманія. Окна большія съ свѣтлыми, чистыми стеклами, стѣны и потолки выкрашены сухими красками. Ученики сидятъ густо, по 6 человѣкъ на скамейкѣ. Ученики входятъ въ классъ въ верхнемъ платьѣ и тамъ вѣшаютъ его, равно какъ и свои шляпы, на деревянныхъ гвоздяхъ. Поэтому корридорныхъ служителей тамъ нѣтъ, воровства никогда не случается; платье не остается въ холодномъ корридорѣ. Платье, висящее въ классѣ, никому не мѣшаетъ, не безобразитъ классной комнаты. Уче-

ники, выставляя на видъ свою одежду, стараются о чистотѣ и опрятности. Я не видалъ разорваннаго платья на ученикахъ; они одѣты просто, но очень опрятно; многіе сидятъ въ классѣ безъ галстуховъ и безъ жилетовъ. Платье разнообразно: одинъ въ чумаркѣ, другой въ курткѣ, иной въ пальто. Любо смотрѣть на этихъ милыхъ, бойкихъ дѣтей, одѣтыхъ просто, но удобно, опрятно и легко. Я полагаю, что эти подробности, относящіяся до внѣшняго вида школы, очень важны для насъ, а потому и обратилъ на нихъ вниманіе. Каждый мальчикъ имѣетъ всѣ школьныя принадлежности и всегда въ порядкѣ; каждый имѣетъ сумку для вещей. У насъ это считается роскошью.

Въ главныхъ чешскихъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: законъ Божій, чтеніе, чистописаніе, чешская грамматика (грамматика преподается чисто практически и притомъ въ краткомъ объемѣ), ариѳметика, черченіе, пѣніе и нѣмецкій языкъ. Кромѣ того, знакомятъ учениковъ съ начальными основаніями физики и геометріи. Во всѣхъ австрійскихъ школахъ учатся до обѣда и послѣ обѣда. Въ приходскихъ и главныхъ школахъ уроки начинаются въ 8 часовъ и продолжаются до 10; послѣ обѣда — отъ 2 до 4 часовъ; въ гимназіяхъ утромъ отъ 8 до 11 и отъ 2 до 4 послѣ обѣда. Чешскіе педагоги не одобряютъ существующаго у насъ распредѣленія учебныхъ часовъ только до обѣда — до $2^1/_2$ часовъ. Незнаемъ, чѣмъ руководствовалась наша учебная

администрація, вводя такое распредѣленіе учебныхъ часовъ. Должно быть, имѣлось въ виду сбереженіе времени и устраненіе перерыва занятій? Но время не сберегается, перерывъ занятій причиняетъ вредъ и учащимъ и учащимся. У насъ бываетъ нѣсколько перемѣнъ во время уроковъ: передъ каждымъ урокомъ 5 минутъ, большая перемѣна — 30 минутъ,—что составитъ 40 минутъ; пока ученики усядутся и водворится порядокъ, проходитъ 2 или 3 минуты; словомъ почти цѣлый часъ проходитъ даромъ. Во время перемѣнъ ученики шумятъ, дерутся и т. п. Нуженъ особый чиновникъ, даже два или три, которые бы усмиряли учениковъ и слѣдили за ихъ поведеніемъ во время перемѣнъ. Въ чешскихъ школахъ уроки идутъ безъ всякаго перерыва: одинъ учитель выходитъ, другой входитъ; надзирателей нѣтъ и не нужно ихъ, такъ какъ ученики все время остаются въ классахъ; не пропадаетъ ни одной минуты времени. Перерывъ занятій для обѣда приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вреда; ученики гуляютъ, освѣжаются чистымъ воздухомъ и приходятъ въ школу съ новыми силами. Что касается суровости климата, грязи, непогоды, то эти неудобства не могутъ быть устранены такимъ распредѣленіемъ времени; дѣти одинаково страдаютъ отъ холода и грязи, идутъ ли они въ школу до обѣда или послѣ обѣда. Можно, пожалуй, нѣсколько уменьшить зло: чтобы освободить дѣтей отъ хожденія въ школу въ темные осенніе и зимніе вечера, можно назначить уроки послѣ обѣда отъ 1½

до 3½, утромъ отъ 8 до 10 въ народныхъ школахъ и въ низшихъ классахъ гимназій. Мы знаемъ по опыту, что послѣдній урокъ у насъ пропадаетъ даромъ; дѣти до того бываютъ утомлены и голодны, что рѣшительно не въ состояніи слушать объясненія учителя, при томъ же долгое сидѣніе имѣетъ дурное вліяніе на развитіе организма.

Трудно разсказать весь процессъ обученія и воспитанія въ чешскихъ школахъ; успѣхъ преподаванія совершенно зависитъ отъ личности учителя; умный учитель находитъ разные способы, чтобы съ успѣхомъ сообщать дѣтямъ самыя разнообразныя свѣдѣнія. Чешскія школы заслуживаютъ особеннаго вниманія; чехи очень заботятся объ образованіи народа и притомъ въ національномъ духѣ; они имѣютъ уже свою терминологію, что очень важно, особенно при первоначальномъ обученіи, имѣютъ прекрасныя руководства для народныхъ школъ. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ одни только чехи успѣли освободиться изъ подъ ферулы нѣмцевъ въ научномъ отношеніи; они давно уже не вѣрятъ въ непогрѣшимость догматовъ германской науки и въ непреложность законовъ германской цивилизаціи. Чехи хорошо знаютъ, въ какой мѣрѣ была полезна для нихъ общечеловѣческая германская культура.

Въ педагогическій институтъ (для приготовленія учителей народныхъ школъ) поступаютъ молодые люди, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ главныхъ школахъ (Haupt-Schule) и въ низшихъ гимназіяхъ. Курсъ ученія

продолжается два года. Преподаются слѣдующіе предметы: законъ божій, языки чешскій и нѣмецкій, калиграфія, рисованіе, черченіе, ариѳметика, геометрія, объясненія школьныхъ книгъ (книгъ, принятыхъ для чтенія въ школахъ), географія, исторія, церковное пѣніе и музыка (игра на органѣ), краткая естественная исторія, садоводство, пчеловодство. Въ первомъ году воспитанники проходятъ всѣ поименованные предметы, исключая всеобщей и естественной исторіи, и знакомятся съ теоріей или, вѣрнѣе, съ методомъ и пріемами обученія и воспитанія. Во второмъ году воспитанники слушаютъ остальные предметы курса и посѣщаютъ школу; они обязаны присутствовать въ классахъ на урокахъ, по семи часовъ въ недѣлю, въ главной школѣ, находящейся при педагогическомъ институтѣ. Я бывалъ на урокахъ въ этомъ заведеніи, и потому нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о способѣ преподаванія. Учитель преподавалъ чешскій языкъ, говорилъ объ употребленіи временъ; слушатели записывали существенное изъ его чтеній. Потомъ онъ говорилъ объ описаніи; въ примѣръ описанія прочелъ составленное имъ самимъ *описаніе коня*. Учитель подробно описалъ тѣлесныя, по нашему физическія, примѣты коня и его характеристическія черты, показалъ значеніе этого животнаго въ народной экономіи, и наконецъ, сказалъ о разныхъ породахъ лошадей у разныхъ народовъ. Ученики замѣтили учителю, что онъ ничего не сказалъ о чешскихъ лошадяхъ. На справедливое замѣ-

чаніе слушателей учитель отвѣчалъ, что предметъ, требующій болѣе подробнаго описанія, слѣдуетъ оставить къ концу, и описалъ имъ подробно чешскаго коня. Это описаніе мнѣ показалось оригинальнымъ, не похожимъ на тѣ описанія, какія составляютъ ученики въ нашихъ школахъ, да я и не слыхалъ, чтобы учителя предлагали ученикамъ подобные предметы для описанія. Въ нашихъ школахъ до сего времени господствуютъ реторическія описанія предметовъ отвлеченныхъ, или предметовъ изъ природы изящной, напр. описаніе сада, ручья, величественной рѣки, водопада, луны, замка, добродѣтели, надежды и пр. Я увѣренъ, что ни одному учителю не приходило въ голову предложить ученикамъ, напр. описаніе вола, овцы, собаки и т. п. Если бы учитель и предложилъ подобный предметъ, то навѣрное ученикъ не зналъ бы, съ какой стороны приступить къ описанію предложеннаго предмета,—навѣрное онъ воспользовался бы извѣстнымъ стихотвореніемъ „конь:“ „въ степи необозримой, хвостъ по вѣтру распустивъ... конь ретивый“ и пр. Вотъ почему я счелъ нужнымъ передать въ моемъ разсказѣ способъ описаній, принятый въ чешскихъ школахъ. Чешскіе педагоги именно посредствомъ описаній знакомятъ дѣтей съ предметами. Этотъ наглядный способъ преподаванія принятъ во всѣхъ западно-европейскихъ народныхъ школахъ.

Потомъ учитель перешелъ къ ариѳметикѣ, объяснялъ на доскѣ разные способы умноженія и чрезвычайно легко

и просто изложилъ основныя правила умноженія; онъ бралъ самыя простыя задачи, состоявшія изъ двухъ трехъ цифръ. Учитель постоянно обращался къ слушателямъ съ вопросами и тогда только оканчивалъ объясненіе, когда видѣлъ, что слушатели его поняли. Лекція продолжалась два часа; учитель, такъ сказать, бесѣдовалъ съ учениками, совершенно понимая степень ихъ развитія и степень познаній. Онъ не употреблялъ витіеватыхъ выраженій, не излагалъ туманныхъ теорій о преподаваніи и воспитаніи, не поражалъ слушателей глубиною своихъ свѣдѣній; напротивъ онъ старался показать имъ, что слѣдуетъ просто и ясно сообщать свои свѣдѣнія, слѣдуетъ упрощать науку и низводить ее до обыкновеннаго житейскаго знанія. Надобно сказать, что Чехи отличные педагоги; они хорошо владѣютъ своимъ богатымъ, образнымъ языкомъ, избѣгаютъ научныхъ чужеязычныхъ терминовъ, стараются составить свою терминологію. При этомъ Чехи съ большимъ успѣхомъ пользуются мимикой. Они умѣютъ дать значеніе своимъ словамъ, своему разговору, умѣютъ наглядно, образно передавать самыя отвлеченныя понятія. Я полагаю, что одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ школьнаго преподаванія — это сухая, мертвящая рѣчь, не оживленная ни мимикой, ни картинностью въ разсказахъ. Удачно употребленное описаніе сильнѣе дѣйствуетъ на дѣтей, нежели всякое резонерство, сухой анализъ..... Не знаю, отчего въ нашихъ школахъ вообще

замѣтна мертвенность въ преподаваніи, жестокость въ обращеніи съ дѣтьми, холодность къ дѣлу; словомъ у насъ ученіе — настоящая мука и для дѣтей и для учителя. Ничего подобнаго я не замѣтилъ въ западныхъ школахъ: тамъ и дѣти внимательнѣе, живѣе, развязнѣе, и учителя съ любовью и энергіею выполняютъ свое великое дѣло. У Чеховъ нѣтъ учителя, который бы не составилъ руководства по своему предмету. Я полагаю не безъ основанія, что у насъ — не столько жизнь и среда, сколько школа убиваютъ человѣка: вотъ отчего нашъ людъ иногда обнаруживаетъ враждебность къ школѣ. Въ западныхъ школахъ воспитываютъ человѣка, пріучаютъ его къ разумной дѣятельности самыми кроткими мѣрами; у насъ школа или совсѣмъ не дѣйствуетъ на человѣка, или, пожалуй, и портитъ его. Подавленіе человѣка въ дѣтствѣ остается на всю жизнь,—отсюда происходитъ наше не нормальное развитіе, наше озлобленіе, враждебность ко всему, насъ окружающему, и исканіе чего-то лучшаго.

Въ нашихъ возникающихъ народныхъ школахъ принятъ иной способъ обученія: дѣтямъ даютъ читать разные анекдоты, сказки, басни, повѣсти и проч., гдѣ обильно растилаются моральныя сентенціи. При этомъ дѣтямъ объясняютъ непонятныя для нихъ вещи и слова, такъ сказать—переливаютъ литературный книжный языкъ на языкъ народный; или даютъ дѣтямъ повѣсти и разсказы изъ народной жизни, написанные языкомъ будто бы на-

роднымъ. Въ повѣстяхъ этихъ изображается народный бытъ, а чаще ничего не изображается. Такимъ путемъ желаютъ развить ребенка, вызвать въ немъ самостоятельность мысли. Я думаю, что методъ этотъ не лучше стараго. Прежде учили въ школахъ механически, а теперь, хотя и сознательно, но насилуютъ человѣка; учатъ его не тому чему слѣдуетъ. Школа прежде всего должна сообщить дѣтямъ извѣстныя понятія доступныя—возрасту, ихъ душевнымъ силамъ; они должны осмыслить окружающіе ихъ предметы; все это должно быть сдѣлано на языкѣ понятномъ имъ и въ формѣ болѣе имъ доступной. Отчего не говорить ребенку о предметахъ близкихъ ему? Отчего не говорить ему о землѣ, на которой онъ живетъ, о животныхъ которыя его окружаютъ, о произведеніяхъ земли, которыми онъ питается, наконецъ о жилищѣ, объ одеждѣ и даже о небѣ, которое онъ видитъ ежечасно? При этомъ нѣтъ надобности искусственно осмысливать предметы, пріучать дѣтей къ резонерству; достаточно показать имъ хорошую картину, изображеніе предмета и объяснить картину или предметъ. При такомъ методѣ обученія имѣютъ мѣсто самыя разнообразныя сближенія, напр. сравненіе одеждъ разныхъ народовъ, жилищъ, произведеній природы и проч. Ребенокъ будетъ думать, глядя на картину, и выводить такія заключенія, какія можетъ быть, и самому учителю не приходили въ голову. Дайте дѣтямъ средства учиться, сообщайте имъ самыя необходимыя знанія, предлагайте имъ факты, а остальное

ное продоставьте времени, предоставьте дѣтямъ. Такое обученіе, разумно направленное, принесетъ пользу человѣку и обществу. Мнѣ, пожалуй, замѣтятъ, что я предлагаю учить дѣтей астрономіи и физикѣ. Я сказалъ, что нужно разсказывать дѣтямъ о небѣ. Извѣстно, что народъ связываетъ судьбу человѣка съ звѣздами;—падаетъ звѣзда — значитъ умеръ человѣкъ; народъ думаетъ, что на лунѣ Каинъ держитъ убитаго имъ Авеля на вилахъ и проч. Послѣ этого не должна ли школа сообщать настоящія понятія о видимомъ небѣ?

Странно! мы задаемъ себѣ вопросъ—какъ развить, образовать нашъ народъ и, нисколько не думая о томъ, что онъ ровно ничего не знаетъ, требуемъ отъ него того, что пока еще не доступно и большинству нашего полуобразованнаго общества“.....

„Въ Женевѣ—я осмотрѣлъ Collége classique и нѣкоторыя элементарныя школы. Отличное состояніе швейцарскихъ школъ, по словамъ тамошнихъ педагоговъ, поддерживается строгостью школьной дисциплины и экзаменовъ, прекраснымъ домашнимъ воспитаніемъ, либеральными учрежденіями страны и совершенно обезпеченнымъ содержаніемъ учителей. Въ элементарныхъ швейцарскихъ школахъ экзамены производятся два раза въ году: въ іюнѣ и декабрѣ; изъ трехъ учениковъ обыкновенно одинъ переходитъ въ высшій классъ. Педагогической дѣятельности учителя въ школѣ предоставляется полная свобода; онъ не стѣсненъ ни программами, ни непосредственнымъ

надзоромъ и руководствомъ начальства. Учитель—лицо совершенно самостоятельное; занятія его повѣряются строгими экзаменами учениковъ. Начальство даетъ учителю всѣ средства съ успѣхомъ исполнять свои обязанности: снабжаетъ школу прекрасными, дешевыми руководствами, въ педагогическихъ сочиненіяхъ и программахъ предлагаетъ руководящіе начала и совѣты, но не требуетъ отъ учителя точнаго, буквальнаго выполненія своихъ наставленій. *Начальство смотритъ не на процессъ обученія, а на результаты.*"

По окончаніи курса наукъ въ университетѣ (1851) и послѣ двухгодичнаго преподаванія словесности во 2-й одесской гимназіи, Лашнюковъ былъ назначенъ (1853) въ лицей князя Безбородко, въ которомъ преподавалъ русскую исторію и статистику до 1868 г., когда перешелъ доцентомъ русской исторіи въ университетъ св. Владиміра. Такимъ образомъ большая часть преподавательской дѣятельности Лашнюкова была посвящена лицею кн. Безбородко.

Лашнюковъ, какъ авторъ, не ознаменовалъ себя особенными учеными сочиненіями (хотя имѣлъ основательное образованіе и очень большія дарованія), но какъ преподаватель онъ долженъ занять мѣсто въ ряду лучшихъ дѣятелей своего времени по огромному воспитательному вліянію, которое онъ имѣлъ на молодежь. Въ лицеѣ кн. Безбородко Лашнюковъ занималъ первенствующую роль. Вліяніе его не было результатомъ практи-

ческаго искусства устраивать свои дѣла (въ этомъ отношеніи покойный страдалъ большими недостатками), но вытекало единственно изъ его огромныхъ преподавательныхъ дарованій. Лашнюковъ не былъ краснобаемъ, но онъ одаренъ былъ силою пробуждать къ мысли даже опустившіеся и лѣнивые умы. Вступивъ въ лицей въ то время, когда въ немъ господствовалъ казарменный режимъ, Лашнюковъ много содѣйствовалъ возрожденію заведенія какъ характеромъ своего преподаванія, такъ еще болѣе своею несравненною критикой пошлости и самодурства, которыя опутывали и опутываютъ провинціальную жизнь. Въ худшія времена лицея Лашнюковъ, своею ученою критикой и своимъ блестящимъ юморомъ, поддерживалъ въ массѣ молодежи стремленія, которыя дѣлали его хоть сколько нибудь похожимъ на высшее учебное заведеніе. Страхъ сдѣлаться предметомъ юмористическихъ замѣчаній Лашнюкова заставлялъ дѣлать хоть видимыя уступки наукѣ даже такихъ лицъ, которыя ничего другаго не боялись; и на оборотъ, люди даровитые, но бѣдные и преслѣдуемые всегда пользовались поддержкой Лашнюкова, которая выражалась — не взирая на всегдашнюю его бѣдность — не столько нравственнымъ участіемъ, но и вполнѣ существенными услугами. Какъ Лашнюковъ пользовался своими талантами для обезпеченія личнаго своего благосостоянія, можемъ показать слѣдующій фактъ. Н. И. Пироговъ, въ бытность свою попечителемъ кіевскаго учебнаго округа, желая почтить таланты и благо-

родную дѣятельность Лашнюкова, представилъ его на мѣсто директора ровенской гимназіи; но когда уже состоялось утвержденіе, Лашнюковъ отказался отъ начальническаго поста, не желая разставаться съ профессорскою дѣятельностью и боясь формализма, сопряженнаго съ административною ролью. Вступивъ въ историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра (1868), Лашнюковъ имѣлъ въ немъ полный успѣхъ; но разстроенное еще въ прежнее время здоровье отказалось ему служить, и Лашнюковъ въ 1869 г. долженъ былъ выйти въ отставку, а 25 октября того же года скончался въ г. Борзнѣ черниговской губерніи.

Издаваемая мною нынѣ книга составляетъ первый выпускъ критическаго курса русской исторіи, который былъ составляемъ Лашнюковымъ для бывшихъ своихъ слушателей-студентовъ лицея кн. Безбородко; второй выпускъ имѣетъ появиться въ непродолжительномъ времени. Этотъ второй выпускъ будетъ заключать въ себѣ разсказы о характерахъ и дѣятельности Ивана III, Василія III, Елены, Ивана Грознаго, Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова и критическій обзоръ содержанія и значенія, такъ называемыхъ источниковъ русской исторіи. Этимъ ограничивается содержаніе издаваемаго курса. Въ моемъ распоряженіи находится груда замѣтокъ, относящихся къ русской исторіи, писанныхъ рукою покойнаго; но эти замѣтки находятся въ такомъ безпорядкѣ, что я сомнѣваюсь въ возможности воспользоваться ими.

Изданіе поручено мнѣ вдовою автора въ пользу малолѣтняго наслѣдника. Настоящій выпускъ издается съ пособіемъ отъ лицея кн. Безбородко.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать, что быстрымъ приготовленіемъ этой книги къ печати я обязанъ помощи студентовъ лицея кн. Безбородко и въ особенности студенту Оголѣвцу.

Ѳ. Вороной.

Нѣжинъ.
1870 г., мая 23 дня.

I.

Судьба и бытъ славянъ до половины IX вѣка.

Славяне принадлежатъ къ группѣ индо-европейскихъ народовъ, вмѣстѣ съ Греками, Римлянами, Галлами и Нѣмцами—въ Европѣ, Мидянами и Индійцами—въ Азіи.

На пространствѣ отъ Балтійскаго до Адріатическаго морей и до предѣловъ Азіи, въ продолженіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, обитали разные народы, рѣзко отличавшіеся другъ отъ друга наружнымъ видомъ, языкомъ и нравами; между ними съ незапамятныхъ временъ сильнѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ народомъ были Славяне. Страна эта была мало извѣстна древнимъ—Грекамъ и Римлянамъ. Сами себя Славяне называли Сербами; а у западныхъ своихъ сосѣдей, Римлянъ и Нѣмцевъ, они извѣстны были подъ именемъ Венедовъ.

Тацитъ, въ описаніи нравовъ Германцевъ, упоминаетъ между прочимъ о Славянахъ и Венедахъ.

Незнаю, говоритъ онъ, къ какимъ племенамъ причислить Венедовъ: къ сарматскимъ или къ германскимъ? Нравами они походятъ на Сарматовъ, хотя строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши: все это отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткахъ и на лошадяхъ.

Готскій историкъ VI вѣка Іорнандъ раздѣляетъ Венедовъ на два народа: Славянъ, живших отъ верховья Вислы на востокъ до Днѣстра, и Антовъ, которые жили въ странахъ припонтійскихъ отъ Днѣстра до Днѣпра и были сильнѣе первыхъ.

Прокопій, византійскій историкъ VI вѣка, считаетъ Славянъ и Антовъ однимъ народомъ, извѣстнымъ въ древности подъ общимъ названіемъ Споровъ, отъ того, думалъ онъ, что жили они въ своихъ селахъ разсѣянно (σπωραδην.)

На основаніи этого извѣстія, Шафарикъ предполагаетъ, что сами Славяне называли себя Сербами.

Въ половинѣ IV вѣка по р. Хр. Славяне были покорены Готѳами. Въ 376 году являются Гунны и разрушаютъ державу, созданную Готѳомъ Германрихомъ, и подчиняютъ себѣ племена германскія и славянскія. Могущество Гунновъ разрушилось по смерти Аттилы (въ 453 году); съ этого времени начинается движеніе народовъ, которые на время были соединены подъ властью Готѳовъ и Гунновъ: германскіе народы двинулись къ западу и югу, а Славяне остались одни въ своихъ первоначальныхъ жилищахъ.

Господство Гунновъ надъ Славянами не осталось безъ послѣдствій. Славяне, послѣ нашествія Гунновъ, являются воинственными, начинаютъ нападать на другіе народы и подчинять ихъ своей власти. Такимъ образомъ они нападаютъ на Византію, вступаютъ въ борьбу съ Болгарами и Аварами, переходятъ Дунай, Балканы и достигаютъ Пелопонеса. Впрочемъ, движеніе Славянъ не было такъ стремительно и шумно, какъ движеніе дру-

гихъ народовъ, но за то было благодѣтельнѣе для странъ, куда они вторгались. Скиѳы, Сарматы, Гунны, Авары не имѣли другихъ жилищъ кромѣ шатровъ, въ которыхъ жили ихъ жены и дѣти, и другаго имущества кромѣ стадъ; переходя съ мѣста на мѣсто, съ одной страны въ другую, эти народы не оставляли послѣ себя другихъ слѣдовъ кромѣ опустошенія. Славяне, напротивъ, были трудолюбивые земледѣльцы, въ каждой странѣ, гдѣ являлись, дѣлались хозяевами, утверждали прочныя жилища и прочную власть.

О движеніи Славянъ къ западу нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; но есть достовѣрныя извѣстія объ обратномъ ихъ движеніи. Такъ, нѣкоторыя тѣтви Славянъ, съ древнихъ временъ жившія на Дунаѣ и на Адріатическомъ поморьѣ, были вытѣснены оттуда (въ началѣ II вѣка по р. Хр.) Римлянами или, какъ полагаетъ Шафарикъ, Кельтами (Волхами, по Нестору) и ушли за Карпаты. Объ этомъ обратномъ движеніи Славянъ съ юга на сѣверъ и востокъ мы находимъ свидѣтельства у нашего лѣтописца. Онъ же говоритъ, что дунайскіе Славяне подвергались и другимъ нападеніямъ, пока явились къ нимъ отъ Синеовъ («рекше отъ Коваръ») Болгаре, сѣли на Дунаѣ и и были «насельници» Славянамъ, т. е., заняли ихъ земли; потомъ пришли Угры Бѣлые; потомъ явились Обры, или Авары. По словамъ Нестора, Обры напали на Славянъ, примучили Дулѣбовъ («сущая Словѣны») и звѣрски поступали съ ихъ женами. Когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни вола, ни коня, а приказывалъ впрягать по три, по четыре и по пяти

женщинъ. Въ половинѣ VII вѣка могущество Аваръ начинаетъ упадать, послѣ пораженія, нанесеннаго имъ Карломъ Великимъ въ Панноніи.

Въ IX в. Славяне западные освобождаются отъ ига Аваръ, образуютъ государства Чешское и Велико-Моравское и борятся съ Нѣмцами; Славяне же восточные являются данниками Казаръ и Варяговъ.

По изслѣдованіямъ г. Палацкаго, Славяне искони вели осѣдлую жизнь, усердно занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлею, рубили избы изъ тесаннаго дерева, строили города найболѣе въ лѣсахъ, въ мѣстахъ неприступныхъ: у рѣкъ, озеръ и болотъ, гдѣ менѣе могли подвергаться непріятельскимъ нападеніямъ, и гдѣ удобнѣе было защищаться. Города строились для обороны окрестнаго народонаселенія на случай опасности, для общественныхъ сходокъ, общенароднаго богослуженія, суда и торга. Особенно много городовъ было у балтійскихъ Славянъ.

Древнѣйшее государственное устройство у Славянъ, по словамъ г. Палацкаго, является такимъ, какое было сродно народу спокойному, земледѣльческому и неразвитому въ политическомъ отношеніи. Отличительная черта его—отсутствіе центральной власти и сословной раздѣльности. Не имѣя владыки надъ собою, Славяне не знали и тѣхъ связей и отношеній, которыя соединяютъ народъ въ одно политическое цѣлое. У всѣхъ славянскихъ племенъ видимъ множество общинъ то малыхъ, то большихъ, которыя только въ случаѣ опасности составляли союзы, но союзы непрочные, непродолжительные; къ внѣшнимъ дѣламъ не было у нихъ ни охоты, ни умѣнья. Не заботясь о поко-

ренія и господствѣ надъ другими народами, Славяне сами не терпѣли подчиненія чужой власти. Первоначально Славяне не знали ни наслѣдственныхъ князей, ни сословій. Верховная власть возникла у нихъ изъ религіи и изъ старѣйшинства родоваго, физическаго; поэтому первыми владыками и правителями были у нихъ жрецы и старосты. Жрецы были истолкователями воли божественной, старосты обладали знаніемъ общественныхъ дѣлъ. Старостамъ поручена была забота объ общемъ благѣ, правдѣ и справедливости. Земля, какъ достояніе цѣлаго народа, дѣлилась на общины и дѣдины, т. е. на земли общія и наслѣдственныя. Горы, лѣса, озера и рѣки находились въ общемъ пользованіи; поля и сады были наслѣдственны, и потому дѣлились между собственниками. Перевѣсъ имущества и умѣнья, по самому ходу вещей, былъ причиною вліянія въ обществѣ. Владѣвшіе большимъ количествомъ земли назывались лепами, шляхтичами. Семейства, пользовавшіяся наслѣдственнымъ шляхетствомъ и обладавшія знаніемъ таинствъ религіи, сдѣлались семействами жреческими; а нѣкоторыя изъ нихъ, съ теченіемъ времени, достигли достоинства княжескаго, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Эти выводы г. Палацкаго о начальномъ бытѣ западныхъ Славянъ основаны на свидѣтельствахъ современныхъ писателей греческихъ и латинскихъ.

Прокопій, писатель VI вѣка, говоритъ, что Славяне не имѣютъ надъ собою одного начальника и искони живутъ демократически. Тоже подтверждаетъ и императоръ Маврикій, говоря, что Славяне очень дорожатъ

своею свободою и не желаютъ имѣть надъ собою одного владыки.

Императоръ Константинъ Багрянородный говоритъ, что народы славянскіе не имѣютъ надъ собою другихъ владыкъ, кромѣ старшинъ и жупановъ.

Свидѣтельства Византійцевъ о бытѣ древнихъ Славянъ подтверждаютъ нѣмецкіе писатели, знавшіе Славянъ во время язычества.

Видукиндъ говоритъ, что Славяне готовы переносить всѣ бѣдствія, нежели потерять свободу; и сколько Нѣмцы заботились о распространеніи своихъ владѣній, столько Славяне о сохраненіи свободы. Диттмаръ Мерзебургскій свидѣтельствуетъ о Лутичахъ, что они не имѣли надъ собой господина, и всѣ общественныя дѣла рѣшались у нихъ на общихъ вѣчахъ большинствомъ голосовъ.

Древній польскій лѣтописецъ Богухвалъ говоритъ о старыхъ Полякахъ, что они были братья, происходя отъ одного отца, не имѣли надъ собою никакого господина, но избирали изъ среды себя 12 разумнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ мужей, которые заботились объ общемъ благѣ.

Греки и Нѣмцы съ похвалою отзываются о нравахъ, обычаяхъ и образѣ жизни Славянъ. Славяне, по ихъ свидѣтельству, были народъ спокойный, трудолюбивый, добродушный и черезчуръ гостепріимный. Прокопій говоритъ, что они не были ни злы, ни льстивы, напротивъ откровенны и просты. Маврикій свидѣтельствуетъ, что они были ласковы къ иноземцамъ, заботились объ ихъ безопасности и съ усердіемъ провожали ихъ съ одного

мѣста на другое. Тѣже писатели хвалятъ обращеніе Славянъ съ плѣнными, которымъ они оставляли жизнь. Кромѣ того, у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но назначенъ былъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны были или возвратиться на родину, давши окунъ, или оставаться жить между Славянами въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Славяне всѣ, отъ верховнаго начальника страны до простаго поселянина, пользовались на родинѣ своей одинаковой свободой даже и тогда, когда явились у нихъ высшія сословія. Рабство и невольничество перешло къ Славянамъ западнымъ отъ Нѣмцевъ, къ южнымъ— отъ Грековъ и Римлянъ. Къ древнѣйшимъ уставамъ славянскихъ народовъ принадлежало то прекрасное правило, что славянинъ, взятый въ плѣнъ, лишь только какимъ бы то нибыло образомъ вступалъ на славянскую землю, тотъ часъ переставалъ быть невольникомъ, и уже никто болѣе не имѣлъ права надъ его лицемъ.

Древніе Славяне, по свидѣтельству греческихъ и латинскихъ писателей, превосходили всѣ прочіе европейскіе народы въ пѣніи, музыкѣ и пляскѣ.

Иностранные писатели удивлялись вѣрности и привязанности славянскихъ женъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. Славяне допускали многоженство, бывшее обыкновеннымъ въ то время. Впрочемъ не только вѣроятно, но и подтверждено свидѣтельствами иноземныхъ писателей, что у простолюдиновъ было по одной женѣ, и только у правителей и вельможъ было ихъ большее число.

Древніе писатели замѣтили и многія дурныя стороны въ нравахъ Славянъ. По свидѣтельству императора Маврикія, славянскія племена, ненавидя другъ друга, жили въ безпрестанномъ несогласіи и разъединеніи. Будучи раздроблены на безчисленныя малыя общины, они проводили жизнь свою безпечно, не заботясь о настоящемъ и грядущемъ, о славѣ своей и своего потомства, и потому никогда не могли возвыситься до политическаго духа, до соглашенія личныхъ интересовъ и страстей для собственнаго блага и противодѣйствія чужеземцамъ. Другой, не менѣе важный недостатокъ въ характерѣ Славянъ, замѣченный иноземцами—необыкновенное пристрастіе къ иноземному. Все чужое всегда казалось имъ лучшимъ, чѣмъ свое родное; чужой языкъ и образъ жизни были имъ пріятнѣе, чѣмъ свой отечественный. Еще Тацитъ замѣчаетъ о Венедахъ, что нравы свои они смѣшали съ сарматскими.

Отсюда произошло то, что славянское племя, столь многочисленное и такъ далеко распространенное, постоянно находилось подъ властью какого нибудь малочисленнаго, но согласнаго народа, напримѣръ: Кельтовъ, Скиѳовъ, Готѳовъ, Аваровъ, Казаръ, Болгаръ. Перессорясь между собою Славяне за лучшее считали призывать себѣ властителей извнѣ: отъ Варяговъ, Болгаръ, Франковъ и проч.

Прокопій не хвалитъ Славянъ за неопрятность. Онъ говоритъ, что Славяне жили въ дрянныхъ избахъ и, подобно Массагетамъ, всегда были покрыты грязью и всякою нечистотой. О наружности Славянъ современники говорятъ, что всѣ они похожи другъ на друга: высоки

ростомъ статны; кожа у нихъ была не совершенно бѣлая, лице красноватое, глаза темно-голубые, волосы темно-русые. Непогоду, колодъ и зной, голодъ и жажду они сносили съ большимъ терпѣніемъ.

Такъ изображаютъ бытъ Славянъ западные слависты—Палацкій и Шафарикъ. Въ этомъ изображеніи и вообще въ изслѣдованіяхъ западныхъ славистовъ о бытѣ древнихъ Славянъ нельзя не замѣтить національныхъ и политическихъ тенденцій — желанія выдвинуть задавленное, униженное славянское племя, дать ему мѣсто въ ряду историческихъ народовъ и въ ряду современныхъ европейскихъ національностей. Въ изслѣдованіяхъ чешскихъ историковъ начальный бытъ Славянъ противополагается быту Нѣмцевъ, среди которыхъ, съ незапамятныхъ временъ, жили Славяне - Чехи, и, разумѣется, бытъ Славянъ, въ ихъ изображеніи, является привлекательнѣе быта древнихъ Германцевъ.

Основываясь на свидѣтельствѣ древнихъ писателей и принимая въ соображеніе дальнѣйшую историческую судьбу Славянъ среди народовъ германскихъ, чешскій историографъ г. Палацкій находитъ рѣзкое различіе между политическимъ и общественнымъ бытомъ древнихъ Германцевъ и древнихъ Славянъ. Славяне—народъ осѣдлый, земледѣльческій; Германцы—народъ воинственный. Эти, повидимому, слишкомъ общія черты характеризуютъ и политическій и общественный бытъ обоихъ народовъ. Историческое призваніе Германцевъ — покореніе, порабощеніе другихъ народовъ; при этомъ, само собою, являются среди нихъ поработители и порабощенные; первые

образуютъ привилегированную касту — дворянство съ разными подраздѣленіями, вторые — холопство, также съ разными подраздѣленіями. Среди Славянъ, живущихъ отдѣльными, разрозненными земледѣльческими общинами, незнавшихъ центральной власти, не могли образоваться касты; не было у нихъ ни порабощенныхъ; ихъ бытъ и общественный строй носятъ характеръ демократическій.

Славянская этнографія преп. Нестора въ изслѣдованіяхъ гг. Соловьева, Костомарова и Бѣляева.

Теперь обратимся къ извѣстіямъ нашего лѣтописца о первоначальныхъ жилищахъ и разселеніи Славянъ.

«Но многѣхъ же временѣхъ (послѣ столпотворенія) сѣли суть Словени по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а другіи Чеси нарекошася. А се ти же Словени: Хровате Бѣлыи, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словени на Дунайскія, сѣдшемъ въ никъ и насилящемъ имъ, Словени же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове другіи — Лутичи, иніи Мазовшане, иніи Поморяне. Такоже и ти Словене пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарѣкошася Поляне, а другіи — Древляне, заяше сѣдоша въ лѣсѣхъ; а другіи сѣдоша между Припетью и Двиною и нарѣкошася Дреговичи; иніи сѣдоша на Двинѣ и нарѣкошася Полочане, рѣчки ради, яже втечеть въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане. Словени же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша

градъ и нарекоша и Новгородъ; а друзіи сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Тако разидеся словенскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася словѣньская».

Изслѣдователи различно понимаютъ приведенныя извѣстія Нестора.

По мнѣнію Шафарика, Несторъ признаетъ, что Славяне, въ древнѣйшую эпоху, обитали въ краяхъ дунайскихъ, названныхъ имъ Иллюрикъ (именно, въ нынѣшней Венгріи и въ странахъ сосѣднихъ); оттуда были вытѣснены Волхами (Кельтами, по мнѣнію Шафарика), удалились за Карпаты и уже оттуда разселились въ нынѣшней Польшѣ и Россіи.

Г. Соловьевъ изъясняетъ указанія Нестора такъ, будто Морава и Чехи, когда Волхи появились среди дунайскихъ Славянъ, оставили свои жилища и поселились по рѣкѣ Вислѣ; Хорваты же Бѣлые, Сербы и Хорутане ушли къ Днѣпру. Но это истолкованіе не можетъ быть принято. Извѣстіе лѣтописца очень ясно. Изъ него видно, что когда на Славянъ, оставшихся на Дунаѣ, напали Волхи и начали тѣснить ихъ, тогда часть ихъ выселилась изъ дунайскихъ странъ: одни двинулись на сѣверозападъ, поселились на Вислѣ и прозвались Ляхами и другими частными и мѣстными именами (Полянами, Лутичачи, Мазовшанами и Поморянами); другіе двинулись на сѣверо-востокъ, разселились въ нынѣшней Россіи и образовали 5 главнѣйшихъ группъ: Полянъ съ Древлянами, Дреговичей, Полочанъ, Славянъ, Сѣверянъ. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи говорится, что у Полянъ было

свое княженіе, у Древлянъ свое, у Дреговичей свое, у Славянъ свое въ Новгородѣ, у Полочанъ свое. Отъ нихъ же (т. е. отъ Полочанъ) Кривичи, которые сидятъ по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра; у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Потомъ перечисляются всѣ славянскія племена, имѣвшія образовать русское государство въ такомъ порядкѣ: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, съ прибавкою Бужанъ, называвшихся такъ по р. Бугу и прозванныхъ послѣ Волынянами. Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ, говоря о Полянахъ и Древлянахъ и подтверждая, что они племени славянскаго, лѣтописецъ говоритъ о Радимичахъ и Вятичахъ, именно—что они происходятъ отъ Ляховъ. Были, говоритъ преп. Несторъ, 2 брата у Ляховъ: Радимъ и Вятко. Радимъ пришелъ и сѣлъ на рѣкѣ Сожи, а Вятко на Окѣ. Въ этомъ же мѣстѣ лѣтописи прибавлены Хорваты, потомъ Дулѣбы, жившіе по Бугу, гдѣ во времена лѣтописца были уже Волыняне, наконецъ—Уличи и Тиверцы.

По мнѣнію г. Костомарова, еще въ незапамятныя времена, послѣ пришествія Славянъ съ Дуная, на всемъ русскомъ материкѣ жили 2 рода Славянъ: одни—старые, другіе — пришлые. Къ Славянамъ новопришлымъ г. Костомаровъ относитъ Полянъ, Древлянъ, Славянъ ильменскихъ, Вятичей и Радимичей. Г. Костомаровъ полагаетъ, что югозападныя племена—Уличи, Тиверцы и Дулѣбы, въ древнѣйшія времена, составляли одно тѣло, союзъ южно-русскихъ народцевъ, извѣстныхъ древнимъ подъ общимъ названіемъ Антовъ (великановъ). По сло-

вамъ нашей лѣтописи, древнее названіе Бужанъ и Дулѣбовъ замѣнилось названіемъ Велынянъ. Извѣстіе это и древнее южно-русское преданіе о томъ, что въ Украйнѣ въ древности жили люди исполинскаго роста—«велетни», т. е. великаны, повели г. Костомарова къ предположенію, что Велыняне (отъ велинный=великій) значитъ то же, что древнѣйшіе Анты. А какъ подъ именемъ Антовъ разумѣли не какой нибудь частный этнографическій признакъ, но большой отдѣлъ славянскаго племени, то, вѣроятно, и подъ Велынянами разумѣлся не одинъ какой нибудь народъ, а союзъ южно-русскихъ народовъ. Къ Славянамъ—аборигенамъ въ Россіи г. Костомаровъ причисляетъ и Кривичей на томъ основаніи, что лѣтописецъ, перечисляя собственно народы славянскіе, т. е. пришлые съ Дуная, не упоминаетъ о Кривичахъ. Племя Кривичей, по словамъ г. Костомарова, было многочисленно; оно заходило въ нынѣшнія губерніи Псковскую и Новгородскую; оно, вѣроятно, составляло важный элементъ въ образованіи великорусской народности. Между Кривичами поселилась колонія пришлыхъ—Полочане и Дреговичи. Г. Костомаровъ утверждаетъ, что Славяне ильменскіе принадлежали первоначально къ той народности, которая была родоначальною для Малорусовъ; а потому древніе Новгородцы и Малороссы состоятъ между собою въ болѣе близкомъ сродствѣ, нежели тѣ и другіе съ бѣлорусскою и великорусскою вѣтвями.

Г. Бѣляевъ иначе изъясняетъ этнографію Нестора. Онъ полагаетъ, что славянство сохранилось во всей чистотѣ на сѣверѣ. На основаніи лѣтописнаго извѣстія, что

ильменскіе Славяне не приняли никакого мѣстнаго видоваго названія, а назвались просто Славяне, г. Бѣляевъ приписываетъ именно ильменскимъ Славянамъ колонизацію восточной, западной и даже южной областей нынѣшней Россіи: береговъ Двины, всею Поволожья до устья Оки, а также береговъ Десны и Днѣпра.

Лѣтописецъ такъ изображаетъ бытъ и нравы русскихъ Славянъ. Поляне, говоритъ онъ, жили особо и владѣли родами своими. «И до сее братьѣ (Кія, Щека и Хорива) бяху Поляне и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Тутъ же онъ разсказываетъ объ основаніи Кіева. Были три брата: одинъ назывался Кіемъ, другой—Щекомъ, третій—Хоривомъ, а сестра ихъ—Лыбедью. Кій сидѣлъ на горѣ, гдѣ теперь увозъ Боричевъ, а Щекъ—на другой горѣ, которая теперь зовется Щекавицей, Хоривъ же на третьей горѣ, отъ чего она прозвалась Хоревицей. Эти братья построили городъ, и назвали его Кіевомъ, во имя старѣйшаго брата. Около города былъ лѣсъ и боръ великій, гдѣ жители Кіева ловили звѣрей. Послѣ этихъ братьевъ родъ ихъ держалъ княженіе у Полянъ; у Древлянъ же было свое княженіе, у Дреговичей свое, у Славянъ въ Новгородѣ свое, у Полочанъ также свое».

На основаніи этихъ немногихъ свидѣтельствъ лѣтописи о бытѣ восточныхъ Славянъ гг. Кавелинъ и Соловьевъ такъ реставрируютъ этотъ бытъ. По словамъ г. Кавелина, восточные Славяне жили небольшими поселеніями. Поселеніе—это разросшаяся, размножившаяся семья. Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ, подъ

управленіемъ старшаго рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти, и между собою были соединены родственными узами и отношеніями. Въ этомъ чисто семейномъ быту лежали уже зачатки его будущаго разрушенія. Кровныя связи слишкомъ непрочны, чтобы поддержать общественный бытъ; скоро началась разрозненность, какъ въ племенахъ, которыя, разростаясь все болѣе и болѣе, расходились между собою, такъ, наконецъ, при томъ же процессѣ нараженія, и внутри поселеній. Слѣдствіемъ этого внутренняго раздѣленія явилось то, что старшина сдѣлался лицемъ избирательнымъ, ибо старшинство физическое было невозможно опредѣлить. Съ тѣмъ вмѣстѣ власть старшины возрасла. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждаетъ племена прибѣгать, при несогласіи, къ собственному главѣ—старшинѣ; они отдаются на его судъ и приговоръ; онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьею въ поселеніи, лицомъ необходимымъ и еще болѣе важнымъ, чѣмъ прежде. Возрастающее значеніе старѣйшины служитъ признакомъ возрастающей разрозненности семей. Въ каждой семьѣ, имѣющей своего старѣйшину, начинаются тѣ же явленія, какія происходили въ поселеніяхъ. Связью служатъ общія дѣла, о которыхъ старѣйшина поселенія совѣщается со старѣйшинами семействъ. При ослабленіи единства поселенія, послѣдніе являются наконецъ его полными представителями. Такъ начинается власть вѣча. Наконецъ исчезаетъ власть старшины поселенія, и начинаются распри родовъ. Тоже самое, въ большемъ раз-

мѣрѣ, повторяется въ жизни племенъ, у которыхъ племеноначальники—князья не вездѣ удерживаются. Въ такомъ состояніи застало славянскія племена въ Россіи появленіе варяжской дружины.

Взглядъ г. Соловьева на бытъ восточныхъ Славянъ до основанія варяжскаго государства заключается въ слѣдующемъ. Предки наши не знали семьи; они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и отдаленныхъ. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ. Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, пока родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ или дѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддерживается единство рода? Оно поддерживается возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старѣйшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать—гадать объ этомъ, имѣть своихъ родичей какъ душу. Права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему младшіе: къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось; онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды; онъ судилъ и наказывалъ. Но всѣ эти распоряженія получали силу только съ общаго согласія: власть и сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ. Общественное устройство восточныхъ Славянъ до призванія князей, по словамъ г. Соловьева, не переходило еще родовой грани; Кіевъ, по словамъ лѣтописца, былъ жилищемъ рода.

При описаніи междоусобій, предшествовавихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что родъ возсталъ на родъ. Первымъ признакомъ общенія между родами долженствовали быть общія сходки—вѣча. На этихъ вѣчахъ мы видимъ впослѣдствіи однихъ только старцевъ. Что эти вѣча, сходки старшинъ родоначальниковъ, не могли удовлетворить возникшимъ общественнымъ потребностямъ, не могли создать связей между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, доказательствомъ служатъ родовыя усобицы, кончившіяся призваніемъ князей.

Воззрѣніе г. Соловьева на родовой бытъ въ сущности сходно съ воззрѣніемъ г. Кавелина. Г. Соловьевъ, подобно г. Кавелину, видитъ въ родовомъ бытѣ невозможность дальнѣйшаго развитія, видитъ разложеніе родовъ, усобицы между родами, необходимымъ результатомъ которыхъ было призваніе князей.

Изслѣдователи, принимая родовое начало исходною точкою органическаго развитія исторической жизни русскаго народа, видятъ въ начальномъ быту русскихъ Славянъ одни родовыя отношенія. По ихъ словамъ, домашній и общественный бытъ Славянъ, ихъ нравы, обычаи, религія все проникнуто родовымъ характеромъ. Города-это обиталища родовъ; въ городахъ живутъ старшіе роды; изъ городовъ выселяются младшіе роды и образуютъ младшіе города и села; отсюда между городами и селами является родовая связь, родовое подчиненіе младшихъ старшихъ. Человѣкъ въ родѣ не имѣлъ ни правъ личныхъ, ни правъ вещныхъ; онъ былъ не рабъ и не свободный;

онъ былъ домочадецъ, милый ближникъ. Имущество было родовою принадлежностью. Женщина также принадлежала роду; каждый родъ берегъ ее для себя, для своихъ домочадцевъ; и если члену одного рода понравилась дѣвушка изъ другого рода, то чтобы имѣть ее женою, ему нужно было похитить ее. Боги, подобно людямъ, связаны узами родства: твердь небесная съ солнцемъ и звѣздами* являлась Славянину однимъ огромнымъ семействомъ.

Въ такой искуственно очерченной рамкѣ заключенъ нашими изслѣдователями древнѣйшій бытъ Славянъ; изображеніе этаго быта является у нихъ гипотезой, искуственной реставрировкой старины. Существенная ошибка изслѣдователей въ изображеніи родоваго быта состоитъ въ томъ что они не раздѣляютъ семьи отъ рода и смѣшиваютъ семейныя, домашнія отношенія съ общественными и политическими. Родовой, или патріархальный бытъ существовалъ у всѣхъ народовъ въ доисторическія времена; съ дальнѣйшимъ развитіемъ обществъ, родовое, кровное начало уступаетъ мѣсто началу личному, съ тѣмъ различіемъ, что у однихъ народовъ, преимущественно у народовъ воинственныхъ, какъ, напримѣръ, Германцевъ, личность рано пріобрѣтаетъ права, и отношенія общественныя основываются болѣе на договорѣ, на взаимномъ соглашеніи, чѣмъ на кровныхъ узахъ; у народоеъ же земледѣльческихъ кровное начало дѣйствительно удерживается долѣе. Такимъ образомъ они долго живутъ отдѣльными родами, или большими семьями; но при дальнѣйшемъ развитіи общественныхъ отношеній роды соединяются въ общины, общины—въ племенные союзы.

Исторія застаетъ Славянъ въ общинномъ быту. Древніе писатели говорятъ, что Славяне жили разсѣянно, раздѣляясь на безконечное множество малыхъ общинъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова нашего лѣтописца: жили они родами, каждый на своемъ мѣстѣ съ родомъ своимъ. Въ тоже время лѣтописецъ говоритъ, что у Полянъ было свое княженіе, у Полочанъ свое, у Новгородцевъ свое. Подъ княженіемъ лѣтописца надобно разумѣть племенный союзъ—союзъ общинъ съ ихъ старшинами и подъ верховною властью племеннаго князя. Мы находимъ ясныя указанія въ лѣтописи, что у Славянъ русскихъ до прихода Варяго-Руссовъ, были князья и выборные старшины—нарочитые мужи, державцы земли, по выраженію лѣтописца. Гг. Кавелинъ и Соловьевъ видятъ противоположный сейчасъ изображенному ходъ общественныхъ отношеній у Славянъ русскихъ. Сначала они живутъ поселеніями—общинами; общины управляется вѣчами; но потомъ, не извѣстно отъ чего, по какому-то фатальному разложенію этого патріархальнаго быта, общины разрушаются, выдѣляются роды, и начинаются сумятица, анархія, кончившаяся призваніемъ князей. Невозможно признать такого фатализма въ исторіи. Изъ того, что славянская вѣчевая община была создана природою, т. е., что въ основаніи ея лежали кровныя связи, не возможно дѣлать заключенія, что она необходимо должна была разрушиться. Усобицы видимъ и въ позднѣйшей Новгородской исторіи: конецъ возстаетъ на конецъ, улица на улицу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что община Новгородская разлагалась, приходила къ без-

выходной анархіи. Смуты, несогласія,, борьба партій характеризуютъ народное правленіе у всѣхъ народовъ. Равнымъ образомъ народоправленіе славянское не исключало власти княжеской. Новгородцы не могли жить безъ князя; но въ тоже время никогда не отказывались отъ самоуправленія, не хотѣли признать князя государемъ, т. е. господиномъ земли и народа. По ихъ понятіямъ, князь былъ только былъ миротворцемъ, третьимъ судьею, предводителемъ войска, выборнымъ лицомъ долженствовавшимъ княжить на извѣстныхъ условіяхъ. Что же касается до понятія »старцевъ«, и »старѣйшины«, то въ славянскихъ общинахъ оно означало и старшихъ рожденіемъ и лѣтами и выборныхъ старшинъ, главъ семей или родовъ. Въ пѣсни о судѣ Любуши говорится: когда умретъ владыка дома, то родичи избираютъ себѣ старѣйшину, который бы ходилъ на сеймы, и владѣютъ имуществомъ сообща. У Древлянъ, по Нестору, существовали власти: вѣче, князь и старшины державцы земли. Въ разсказахъ тогоже Нестора старѣйшины являются и людьми пожилыми и вліятельными. Именно такое значеніе имѣютъ старцы, о которыхъ часто говорится въ лѣтописи: «созва Володимеръ боляры своя и старцы градскіѣ . . . .»

Лѣтописецъ заключаетъ свой разсказъ о Славянахъ изображеніемъ ихъ обычаевъ. Имѣли они обычаи свои и законы отцевъ своихъ, преданія и свои нравы. Поляне обычаемъ тихи и кротки, имѣли стыдѣніе къ снохамъ своимъ и сестрамъ, къ матерямъ и родителямъ. Брачный обычай у нихъ былъ такой: зять не ходилъ за невѣ-

стой, а ее приводили къ нему вечеромъ, а на завтра приносили, что за ней давали (т. е. вѣно или приданное). А Древляне жили звѣрскимъ образомъ, какъ животныя, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и браковъ у нихъ не было, они уводили или похищали дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинъ обычай; жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, ѣли все нечистое, не имѣли стыда предъ родителями и снохами, и браковъ у нихъ не было, а сходились между селами на игрища, на плясанія и тамъ похищали женъ; имѣли по двѣ и по три жены. Надъ мертвыми совершали тризну; мертвеца клали на большую колоду и сожигали ее, а послѣ, собравши кости, клали ихъ въ сосудъ малый и ставили на столбахъ при дорогахъ.

Г. Соловьевъ, приводя извѣстія иностранныхъ писателей о нравахъ Славянъ, дѣлаетъ такой выводъ: иностранные писатели снисходительно смотрятъ на нравственность Славянъ и даже съ похвалой отзываются объ ихъ нравахъ и обычаяхъ; это потому, что они противополагали натуральную нравственность варварскихъ народовъ испорченнымъ нравамъ тогдашнихъ образованныхъ народовъ. Вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ славянскимъ нравамъ нашъ начальный лѣтописецъ духовный христіанскій, который потому съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, нравы остальныхъ племенъ описаны у него черными красками.

Г. Соловьевъ несправедливо приписываетъ лѣто-

писцу изображеніе черными красками нравовъ Славянъ—язычниковъ на томъ только основаніи, что лѣтописецъ—монахъ не могъ безъ омерзѣнія смотрѣть на все, что напоминало о язычествѣ. На этомъ же основаніи г. Костомаровъ утверждаетъ, что повѣствованіе о древнѣйшихъ событіяхъ въ эпоху язычества не принадлежитъ Нестору: монахъ лѣтописецъ не могъ, по его мнѣнію, выразить сочувствія къ Святославу — язычнику въ его борьбѣ съ православной Греціей. Въ повѣствованіи нашего лѣтописца о временахъ языческихъ вовсе не видно религіознаго фанатизма; онъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ говоритъ о князьяхъ—язычникахъ и князьяхъ христіанскихъ и съ одинаковымъ патріотическимъ чувствомъ относится къ Руси языческой и къ Руси христіанской. Изображая нравы нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ дѣйствительно черными красками, лѣтописецъ понималъ, что приноситъ патріотическое чувство въ жертву исторической правдѣ, и потому счелъ нужнымъ привести въ подтвержденіе своего разсказа, изображеніе нравовъ разныхъ языческихъ народовъ азіатскихъ и африканскихъ, взятое имъ изъ византійской хроники Амартола. Въ описаніи Амартола нравы этихъ народовъ далеко грубѣе нравовъ Славянъ—язычниковъ, и дѣйствительно изображены лѣтописцемъ — Грекомъ черными красками. Представивъ описаніе нравовъ разныхъ языческихъ народовъ и современныхъ ему кочевниковъ—Половцевъ въ параллель съ нравами Славянъ—язычниковъ, лѣтописецъ находитъ, что нравы и обычаи очень сходны у всѣхъ языческихъ народовъ и совершенно справедливо замѣчаетъ, что христіанство смягчило эти дикіе и грубые нравы.

Лѣтописецъ вѣрно передаетъ характеристическія черты нравовъ славянскихъ племенъ, которыя легко объясняются мѣстностью, на которой они жили, и другими условіями ихъ быта. Поляне, жившіе на большой рѣкѣ, въ центрѣ торговыхъ сношеній съ Византіей и сѣверной Европой, стояли, по развитію, выше другихъ племенъ; нравы ихъ были мягче, общественный и домашній бытъ развитѣе. Древляне, Вятичи, Радимичи и Сѣверяне, живя въ лѣсахъ, не имѣя сношеній съ другими народами, долго стояли на низшей ступени развитія; ихъ бытъ и нравы, въ изображеніи лѣтописца, представляютъ черты, характеризующія бытъ и нравы народовъ—звѣролововъ.

При описаніи нравовъ русскихъ Славянъ, лѣтописецъ обращаетъ особенное вниманіе на брачный союзъ и семейныя отношенія, и въ этомъ поставляетъ существенное различіе между племенами. У нѣкоторыхъ племенъ, по его свидѣтельству, брака не было—женъ себѣ похищали. Подъ выраженіемъ «брака не имѣли» нужно разумѣть, говоритъ г. Соловьевъ, что они не совершали брака какъ должно, по взгляду лѣтописца, то есть—съ согласія родственниковъ невѣсты, какъ было у Полянъ. По предположенію г. Соловьева, бракъ, совершавшійся съ согласія родственниковъ невѣсты, имѣлъ мѣсто въ городахъ, гдѣ болѣе были развиты общественныя отношенія, гдѣ роды жили неразрознено, а вмѣстѣ, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ; похищеніе (умычка) женщинъ могла происходить въ селахъ, гдѣ роды жили разсѣянно, каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ и не хотѣлъ уступать ея чужеродцамъ; и

если члену одного рода нравилась дѣвушка изъ чужаго рода, то, чтобы имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе, естественно, производило вражду между родами. Родъ, оскорбленный похищеніемъ, могъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія; это самое вело уже къ продажѣ: похититель могъ тотъ часъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе; отсюда явилось вѣно, какъ плата за похищенную дѣвицу; такимъ образомъ, *вѣно* находится въ тѣсной связи съ похищеніемъ, а *приданое*— съ выдачею за мужъ.

По мнѣнію г. Шульгина, *похищеніе* женщинъ было первымъ обще-славянскимъ способомъ заключенія браковъ. »Самъ по себѣ въ высшей степени несовершенный, бракъ посредствомъ умычки былъ, быть можетъ, переходнымъ шагомъ отъ общенія женъ,—совершавшагося въ видѣ вакханалій на религіозныхъ языческихъ празднествахъ, — къ нѣсколько опредѣленному браку«. Обычай болѣе совершенный *веденія женъ*, который встрѣчается у Полянъ, по предположенію г. Шульгина, могъ перейти изъ Греціи вмѣстѣ съ водвореніемъ христіанства и приписанъ Полянамъ Несторомъ, который смотрѣлъ на прошедшее глазами своего времени. Веденіе женъ было сначала образомъ совершенія брака, говоритъ г. Шульгинъ, только у князей, бояръ и дружинниковъ, потомъ сдѣлалось господствующимъ и вытѣснило древнѣйшій бракъ посредствомъ похищенія.

Мы полагаемъ, что оба эти способа заключенія браковъ: посредствомъ *умычки* и *веденія*, могли существо-

вать одновременно, и оба коренные обычаи славянскіе. Несторъ ясно отличаетъ браки въ языческія времена отъ браковъ по обряду христіанскому. У Владиміра, я говоритъ онъ, были *жены водимыя* и *наложницы*. Въ Болгаріи и Сербіи и теперь, по словамъ Караджича, молодежь охотно идетъ на похищеніе невѣстъ. Въ Черногоріи обычай этотъ сохранился до нынѣ. Похитить женщину всегда считалось геройскимъ подвигомъ и потому способъ заключенія брака посредствомъ умычки былъ, по понятіямъ Славянъ—язычниковъ, лучшимъ способомъ. Дѣвопохищеніе есть обыкновенное явленіе въ обществахъ грубыхъ, гдѣ женщина лишена свободы выбора мужа. Лѣтописецъ говоритъ, что похищеніе дѣвицъ происходило на игрищахъ, по взаимному согласію между мущиной и женщиной, слѣдовательно при похищеніи не было насилія. Въ Малороссіи, по свидѣтельству Боплана, обычай похищенія дѣвицъ существовалъ въ его время (XVII).

Женщина у Славянъ, по мнѣнію г. Шульгина, не была въ такой строгой зависимости отъ отца и мужа, въ какой она находилась въ семьѣ римской и германской. Дочь не была рабой, вещью, бытіемъ которой отецъ могъ располагать по произволу. При древнѣйшемъ образѣ браковъ, говоритъ г. Шульгинъ, не столько согласіе родителей, сколько собственная воля располагала судьбою дочери при выборѣ мужа. У Чеховъ языческихъ, по словамъ Косьмы Пражскаго, не мущины выбирали себѣ невѣстъ, но дѣвушки сами выбирали себѣ жениховъ. Несторъ говоритъ: »умыкаху собѣ жены, съ нею же кто съвѣщается«. Доказательствомъ того, что дочь не была

безотвѣтной рабой въ домѣ отца, г. Шульгинъ принимаетъ приданое, съ которымъ она входила въ чужой родъ. Приданое, по его словамъ, показываетъ, что женщина переходила изъ дома отца въ домъ мужа, какъ лицо самостоятельное, имѣющее собственность; а посредствомъ вѣна личность и самостоятельность ея признавалась и обезпечивалась мужемъ отъ всякаго со стороны его нарушенія. Подъ вѣномъ, по словамъ г. Шульгина, должно разумѣть не плату, даваемую женихомъ отцу невѣсты, но состояніе, предлагаемое имъ въ обезпеченіе будущей жены своей. Ясно, что г. Шульгинъ переноситъ современный взглядъ на брачныя отношенія въ древнѣйшую эпоху, и вообще онъ слишкомъ идеализируетъ славянскую женщину.

Послѣ брачнаго обычая лѣтописецъ описываетъ другой, не менѣе важный обычай, именно—погребеніе, въ которомъ выражается, обыкновенно, понятіе народа о загробной жизни.

По свидѣтельству лѣтописца, Радимичи, Вятичи, Сѣверяне, и Кривичи совершали *тризну* надъ покойникомъ, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ сосудъ малый и ставили на столбахъ при дорогахъ [1]). Подъ именемъ тризны разумѣлись вообще поминки; съ помин-

[1]) По свидѣтельству иноземныхъ писателей, у Славянъ русскихъ существовалъ обычай сожигать мертвыхъ. Ибнъ—Фоцланъ передаетъ слѣдующія слова одного Русина: «вы, Арабы, очень глупы. Человѣка, который былъ вамъ милѣе всѣхъ, зарываете въ землѣ; а мы въ одно мгновеніе сожигаемъ его, чтобы онъ тотъ часъ же перешелъ въ рай». Сказаніе Ибнъ — Фоцлана подтверждается Львомъ Діакономъ. По его словамъ, воины Святослава сожгли убитыхъ своихъ товарищей вмѣстѣ съ множествомъ плѣнныхъ мущинъ и женщинъ.

ками соединялся веселый, пьяный пиръ, также рѣзаніе и царапаніе лица въ знакъ печали. Одновременно съ обычаемъ сожиганія и поставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столбахъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, которыя посыпали холмами.

II.

Религія Славянъ.

Языческія вѣрованія у всѣхъ народовъ имѣютъ свою исторію; они создаются не вдругъ, а постепенно, съ развитіемъ народной жизни, съ медленнымъ усвоеніемъ уму и памяти внѣшнихъ явленій природы. Первоначально религіозныя вѣрованія создаются одинаковымъ образомъ у различныхъ народовъ, потому что все основывается въ этомъ процессѣ на непосредственныхъ, чисто естественныхъ условіяхъ; въ послѣдствіи приходятъ рѣзкія отличія вслѣдствіе мѣстныхъ особенностей и разныхъ историческихъ условій и явленій.

Обожаніе природы, какъ единой высшей силы, имѣющей могущественное вліяніе на существованіе человѣка, было первой степенью естественной первобытной религіи. Вся природа представлялась цѣльною; вся она являлась однимъ великимъ чудомъ, и божество обнимало собою все богатство

и все разнообразіе образовъ и силъ, составляющихъ природу. Поэтому языческая миѳологія начинается съ *единобожія*, и, божествомъ вслѣдствіе отсутствія анализа, является недѣлимая природа. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ ума, когда человѣкъ знакомится съ многоразличіемъ силъ природы, понятіе о божествѣ дробится: отдѣльные силы природы отдѣлялись и обоготворялись въ особенныхъ божествахъ. При такомъ раздробленіи, общее понятіе о божествѣ, воплотившее въ себѣ всю природу, какъ единственную силу, мало помалу затемнялось. Могущество, благотворное вліяніе, соединявшееся съ этимъ понятіемъ, переносилось на другихъ главныхъ боговъ, которыхъ язычникъ представлялъ человѣко-подобными. Съ этимъ воплощеніемъ явленій и силъ природы въ живыя человѣкоподобныя божества, язычество вступаетъ въ новую эпоху развитія—является *антропоморфизмъ*. Дальнѣйшее развитіе первоначальнаго антропоморфизма состоитъ въ томъ, что божества перестаютъ быть олицетвореніемъ силъ и явленій природы и становятся воплощеніемъ нравственныхъ, философскихъ и политическихъ идей: вмѣсто природы, боги выражаютъ внутренній міръ человѣка. Наука и философія впослѣдствіи обработываютъ этотъ матеріалъ, придаютъ ему искуственную систему и единство: является новая философическая миѳологія, или философія въ миѳологическихъ образахъ. Такова судьба греческой и римской миѳологіи.

Древнѣйшія религіозныя вѣрованія Славянъ и ихъ богослуженіе указываютъ на обожаніе природы. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что славянское языче-

ство началось *монотеизмомъ* (единобожіемъ). Г. Соловьевъ тоже раздѣляетъ этотъ взглядъ. Онъ полагаетъ, что у Словянъ, при поклоненіи различнымъ явленіемъ природы, подъ разными именами божествъ, имѣло мѣсто поклоненіе единому верховному божеству къ которому остальныя находились въ подчиненномъ отношеніи: Это божество молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Перунъ, по мнѣнію г. Соловьева, назывался еще у Славянъ Сварогомъ. Это верховное божество (Сварогъ, Перунъ) породило двухъ Сварожичей: солнце и огонь. Солнце представлялось въ женскомъ полѣ и носило названіе: Ладо или въ мужескомъ съ названіемъ Дажьбогъ, Хорсъ и Волосъ.

Г. Афанасьевъ не раздѣляетъ мнѣнія г. Соловьева касательно тождества Перуна съ Сварогомъ. Сварогъ, по мнѣнію г. Аѳанасьева, есть общій источникъ небеснаго свѣта, Дажьбогъ—свѣтъ солнечный, Перунъ свѣтъ молніи. Какъ Даждьбогогъ различенъ отъ Сварога, такъ и Перунъ: тотъ и другой—особенныя проявленія силъ природы и составляли отдѣльныя ихъ олицетворенія.

По мнѣнію г. Срезневскаго, между языческими догматами древнихъ Славянъ первое мѣсто занималъ догматъ о единомъ верховномъ богѣ, родоначальникѣ всѣхъ другихъ божествъ. Древнѣйшія извѣстія о единобожіи славянскомъ принадлежатъ Прокопію Кессарійскому. На основаніи этихъ и другихъ свидѣтельствъ, г. Срезневскій утверждаетъ, что у Славянъ богъ боговъ былъ обожаемъ отдѣльно, и что понятіе о немъ Славянъ приближалось болѣе къ понятію о Богѣ христіанскомъ, чѣмъ къ ихъ собственному понятію о другихъ божествахъ. Въ немъ

видѣли они владыку міра, который правитъ его судьбами, котораго промыслъ недопускалъ никакой случайности, никакой слѣпой судьбы; его почитали владыкою неба источникомъ божественной силы, его называли великимъ богомъ, богомъ боговъ, старымъ богомъ, прабогомъ; другіе боги въ отношеніи къ нему были, по выраженію Лужичанъ, прибогами, полубогами.

По понятію Славянъ, божество жило въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, на поляхъ, въ жилищахъ человѣческихъ, на небѣ, въ громѣ, молніи, вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ и звѣздахъ.

Творческая оплодотворяющая сила приписывалась Славяниномъ Дажьбогу (солнце), безъ животворящихъ лучей котораго невозможно никакое развитіе. Какъ лучамъ солнца приписывалась сила, возбуждающая плодородіе, такъ таже сила приписывалась и молніи. И Дажьбогу, и Перуну языческія вѣрованія приписывали одинаковое вліяніе на дѣторожденіе. Душа человѣческая почиталась животворною искрою огня, а жизнь даромъ свѣтлыхъ боговъ; поэтому Дажьбога преданіе называетъ дѣдомъ всѣхъ людей.—Та же плодотворяющая сила, которую народная фантазія относила къ Перуну и Дажьбогу, приписывалась и звѣздамъ, оплодотворяющее вліяніе которыхъ простиралось преимущественно на животныхъ. Тѣсную связь съ божествами свѣта и тепла имѣлъ, по мнѣнію гг. Аѳанасьева и Срезневскаго, Волосъ или Велесъ, называемый въ лѣтописи скотнымъ богомъ.

Въ лѣтописи Нестора исчислены слѣдующія божества, которымъ покланялись русскіе Славяне: *Перунъ*,

Хорсъ, Дажьбогъ, Стрибогъ, Симъ, Регль и *Мокошь*. Въ древнихъ памятникахъ упоминаются еще божества *Рода* и *Роженицты*.

Хорсъ, Дажбогъ и Стрибогъ были, по истолкованію г. Аѳанасьева, олицетвореніемъ солнца; Симъ и Регль — божества до сихъ поръ непонятныя; Мокошь—божество однознаменательное съ Ярилой и означало женскій полъ, а Ярило мужескій: эти послѣднія божества выражали плодотворную силу солнца, возбуждавшую естественныя пожеланія.

Трудно рѣшить, какого происхожденія были русскія божества. По замѣчанію г. Кавелина, русскій Олимпъ едва началъ слагаться около временъ Владиміра, и вѣроятно, потому не удержался въ народной памяти. Въ западной Руси и въ Новгородѣ помнится Перунъ, у Бѣлоруссовъ и Великоруссовъ сохранилось воспоминаніе о Волосѣ; всѣ же прочіе боги, которымъ, по лѣтописи, поклонялись въ Руси, не удержались въ народной памяти да и зашли, по мнѣнію г. Кавелина, отъ другихъ славянскихъ и не славянскихъ народовъ, вѣроятно поэтому и исчезли безъ слѣда. У русскихъ и другихъ славянъ, языческая религія оставалась, по взгляду г. Кавелина, на степени неопредѣленнаго обожанія силъ природы, не достигшаго антропоморфизма, не связаннаго съ храмами и особенною кастою жрецовъ.

У западныхъ Славянъ извѣстны были слѣдующіе божества: *Перунъ, Прове, Радегость, Святовидъ, Яровитъ, Триглавъ, Ладо, Жива* или *Сива*.

Святовидъ балтійскихъ Славянъ, назывался бѣлбо-

гомъ, а также Сварожичемъ, т. е. былъ богомъ свѣта и добра, дающимъ своимъ поклонникамъ обиліе плодовъ земныхъ и побѣду надъ врагами, которыхъ онъ поражалъ носясь на священномъ конѣ, нарочно для того содержавшемся жрецами при храмѣ. Его изображали о 3-хъ или 4-хъ головахъ. Жива—богиня плодородія; Радегость — богъ веселія и мира; Яровитъ — божество воинственное. Особенно развита была миѳологія у Славянъ прибалтійскихъ. Примѣръ Скандиновъ, Нѣмцевъ и Пруссовъ былъ, несомнѣнно, причиною того что балтійскіе Славяне выработали себѣ цѣлую религіозную систему съ храмами и человѣкообразными кумирами, съ человѣческими жертвами, съ кастою жрецовъ и съ установленнымъ богослуженіемъ.

Чешскіе слависты—Шафарикъ, Колларъ и Янушъ находятъ соотвѣтствіе между божествами славянскими, индійскими и персидскими. Такъ, индійскому тримурти (троебожіе) соотвѣтствуетъ славянскій Триглавъ, обособленіемъ котораго были: Прове (Браша) Радегость (Вишну), Жива (Сива). Персидскому дуализму—Оршузду и Ариману—соотвѣтствуетъ Бѣлбогъ и Чернобогъ. Нѣкоторые полагаютъ, что Прія, или Ладо (Венера) и Жива (Церера) перешли къ Славянамъ отъ Грековъ; Туръ, или Святовидъ—отъ Норманновъ или Готтовъ.

Въ такихъ образахъ покланялся Славянинъ творческой силѣ жизни которая главнымъ образомъ, обнаруживалась для него въ видѣ свѣта и тепла. Обоготворивъ все благое, связанное съ развитіемъ, съ жизнію, славянинъ долженъ былъ почувствовать инстиктивный

страхъ предъ явленіями противоположными благимъ силамъ природы. Это злое начало природы выражалось для него въ видѣ мрака, холода; съ мракомъ соединялся сонъ, образъ смерти, вѣчная тьма, вредная для произрастительности. Вотъ почему эти физическія явленія (мракъ и холодъ) для Славянина были выраженіемъ силы не доброй, нечистой. За темнотою до сихъ поръ остается въ народѣ представленіе чего-то таинственнаго, страшнаго. Такъ возникъ дуализмъ у западныхъ Славянъ. Такой дуализмъ прямо выразился въ божествахъ—Бѣлъ-богъ и Чернобогъ. Подобное выраженіе дуализма существовало и у Славянъ восточныхъ. Боги свѣта и тепла, какъ представители жизни, были олицетворены народною фантазіей въ юныхъ прекрасныхъ образахъ; съ ними соединялось понятіе о высшей справедливости и благѣ; напротивъ, съ черными божествами было соединено понятіе всего безобразнаго, злаго, холода, тьмы. Главнымъ олицетвореніемъ нечистой силы была *Морана* (отъ моръ, морить). Божества свѣтлыя и темныя имѣли свои особенныя жилища, соотвѣтственно своему различному характеру, и находились между собою въ постоянной борьбѣ. Жилище свѣтлыхъ боговъ, по преданіямъ западныхъ Славянъ, находилось на востокѣ, откуда восходитъ солнце: здѣсь то, вмѣстѣ съ своимъ родомъ, живетъ оно въ чертогахъ и отсюда отправляется гулять по небу; здѣсь страна вѣчнаго лѣта. Противуположно жилищу свѣтлыхъ боговъ, жилище нечистыхъ духовъ представлялось на безплодныхъ горахъ, гдѣ царствуетъ вѣчный холодъ и вѣчная тьма.

Какъ свѣтъ и связанную съ нимъ теплоту, Славяне обожали и другія стихіи: землю, воздухъ и воду, которую признавали искони сущею, и изъ которой явилась земля.—

Славянинъ—язычникъ, обоготворяя силу свѣта и тепла, какъ высшую, благотворную силу въ природѣ, какъ условія всякой жизни, естественно долженъ былъ перенести поклоненіе этой силѣ и въ домашнюю сферу, въ кругъ семьи; поэтому очагъ, доставлявшій человѣку свѣтъ и тепло, обожался какъ домашнее божество, охранявшее домашнее счастье. Съ развитіемъ язычества, это божество олицетворено въ *дѣдушкѣ домовомъ*, что подтверждаетъ обрядъ, имѣющій мѣсто при переходѣ на новосельѣ. Въ связи съ огнемъ, домовой жилъ подъ печкою, и ему приносили въ жертву пѣтуха.

Поклоненіе источникамъ и рѣкамъ наглядно выразилось въ образѣ *водянаго дѣдушки*, которому посвященъ былъ гусь. Преданія о водяномъ находились въ тѣсной связи съ вѣрованіемъ въ *русалокъ* и *мавокъ*.

Богослуженіе Славянъ было тѣсно связано съ развитіемъ ихъ языческихъ вѣрованій; съ ними оно измѣнялось, отъ нихъ заимствовало характеръ и особенности. При непосредственномъ обожаніи природы, богослуженіе было невозможно: обожаніе состояло въ нѣмомъ благоговѣніи къ грубой силѣ, дѣйствовавшей помимо сознанія и воли человѣка. Съ олицетвореніемъ божествъ въ человѣческихъ образахъ, языческое богослуженіе получаетъ болѣе правильную форму: являются жилища боговъ, кумиры и храмы; въ нихъ сосредоточивается пок-

лоненіе, съ самаго начала, не имѣвшее опредѣленнаго мѣста и происходившее подъ открытымъ небомъ, въ лѣсахъ и рощахъ, у рѣки, источниковъ, на поляхъ, горахъ и возвышенностяхъ, освященныхъ обычаемъ и народными вѣрованіями. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ, богослуженіе становится искусственнѣе, образуется сословіе храмовыхъ служителей, жрецовъ. Они, естественно, становятся посредниками между богами и людьми, органами божескихъ велѣній, хранителями въ тайнѣ того, что пріятно или непріятно божествамъ. Жрецами сперва являются родоначальники, съ образованіемъ общинъ и союзовъ—выборные изъ знатнѣйшихъ родовъ и старѣйшинъ; наконецъ у нѣкоторыхъ племенъ должности жрецовъ становятся наслѣдственными.

О храмахъ русскихъ Славянъ, или требищахъ, мы находимъ извѣстія въ новгородской лѣтописи; о капищахъ упоминаетъ митрополитъ Иларіонъ въ словѣ »о законѣ«; о капищахъ и идолахъ въ Ростовской и Суздальской областяхъ упоминается въ кіевскомъ патерикѣ. Всего болѣе извѣстны храмы балтійскихъ Славянъ. Адамъ Бременскій описываетъ знаменитый городъ *Ретру* столицу идолопоклонства, и храмъ посвященный Редегостю; Гельтмольдъ упоминаетъ о храмѣ *плонскомъ* въ землѣ Вагровъ и о храмѣ *Арконскомъ* на островѣ Рюгенѣ. Саксонъ грамматикъ подробно описываетъ Арконскій храмъ, посвященный Святовиту. По словамъ Титмара Мерзебургскаго, въ городѣ Редегостѣ находилось капище, художественно сооруженное изъ дерева. Стѣны его были украшены изображеніями боговъ и богинь; внутри сто-

яли боги рукотворенные; на каждомъ изъ нихъ вырѣзано было его имя. Боги были изображены съ свирѣпыми лицами, въ шлемахъ и латахъ. Составляли-ль жрецы у Славянъ касту, совершенно отдѣльную отъ народа—неизвѣстно. Не знаемъ и о томъ, кто выбирался въ достоинство жреца. Извѣстно, впрочемъ, что жрецы принадлежали къ высшему сословію, предсѣдали въ судахъ вмѣстѣ съ князьями, владѣли большими имѣніями. Особенно почитаемы были жрецы на островѣ Рюгенѣ, гдѣ имъ подчинены были не только народъ, но и самый князь.

Такъ-какъ божества Славянъ были олицетвореніемъ свѣта и тепла, то и праздники и религіозные обряды преимущественно относились къ солнцу.—Главная мысль, которая болѣе или менѣе таится во всѣхъ простонародныхъ праздникахъ, сохранившихъ и до настоящаго времени много языческаго, можетъ быть выражена такъ: смерть природы зимою, и обновленіе или воскресеніе весною. Такъ, напримѣръ, Славяне праздновали въ концѣ Декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, и дни начинаютъ увеличиваться. Этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ рождества Христова, носитъ преимущественно названіе коляды. Другой праздникъ имѣлъ мѣсто въ началѣ весны. Встрѣча весны и проводы зимы праздновались у всѣхъ славянскихъ народовъ почти съ одинаковыми обрядами. Третій праздникъ имѣлъ мѣсто 23 Іюня и извѣстенъ подъ именемъ купалы. Праздникъ этотъ сопровождался собираніемъ цѣлительныхъ травъ, купаньемъ въ водѣ и прыганьемъ черезъ костры.—Изъ обрядовъ этихъ видно, что онъ относится къ солнцу.

Въ это время солнце достигаетъ высшей силы, даетъ жизнь растеніямъ и возбуждаетъ плотскія вдеченія у человѣка и животныхъ; оттого праздникъ купалы былъ соединенъ съ праздникомъ Ярилы; оттого водѣ, деревьямъ и травамъ въ то время приписывалась чудодѣйственная сила. Души усопшихъ, по представленію Славянъ, сообщались съ загробнымъ міромъ посредствомъ воды, рѣкъ, источниковъ, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ и являлись живымъ въ разныхъ образахъ—русалками, оборотнями, лѣшими и упирями. Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія и потому представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній бѣлаго свѣта; думалъ, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то превращается и ночной сонъ для душъ, которыя возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе, естественно, проистекало изъ поклоненія физическимъ божествамъ: солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь видимый міръ. По вѣрованію Славянъ, въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые вставали изъ гробовъ, и странники живыхъ; отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія душъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминальная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ. Съ началомъ весны, живые здоровались съ усопшими, посѣщали ихъ могилы, праздникъ красной горки соединялся съ радуницею, праздникомъ свѣта для умершихъ. Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души

умершихъ встаютъ для наслажденія новой жизнью природы, находится праздникъ русалокъ и русальная недѣля По мнѣнію г. Соловьева, русалки суть ни что иное, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленной природой; имя ихъ происходитъ не отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный.) По народному повѣрью, русалки появляются со страстнаго четверга, какъ только луга покроются весеннею водою и распустятся вербы. Если онѣ и являются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ блѣдности и безжизненности. У всѣхъ языческихъ народовъ водяной путь считался проводникомъ въ подземное царство и обратно; поэтому русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ. Съ Тройцына дня до Петрова поста русалки живутъ на землѣ: въ лѣсахъ, на деревьяхъ—любимомъ мѣстѣ пребыванiи душъ по смерти. Русальныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживанье, маски—обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимою принадлежностью праздниковъ тѣнямъ умершихъ. У русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ было самикъ—великъ день русалокъ. Въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ. Конецъ русальной недѣли — Тройцынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки, по повѣрью, падаютъ уже съ деревьевъ, такъ какъ прекращается для нихъ пора весенникъ удовольствій.

III.

Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію.

П. Г. Соловьевъ первый изъ нашихъ историковъ попробовалъ указать отношеніе территоріи Россіи къ ея первоначальной исторіи. Основная мысль г. Соловьева заключается въ слѣдующемъ:

Такъ-какъ русская государственная область, есть обширная равнина, непересѣкаемая горами, которыми разъединяются народы, но орошаемая громадными рѣками, которыя, напротивъ соединяютъ ихъ, то рано или поздно здѣсь должно было образоваться обширное государство. По рѣкамъ, говоритъ г. Соловьевъ, сѣли племена, на нихъ явились первые города; и такъ-какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юго-востокъ, то этимъ условливалось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону.

Мысль, проведенная г. Соловьевымъ, въ сущности вѣрна. Дѣйствительно, на обширной русской равнинѣ быстро перемѣшались разнохарактерныя племена и составили одно большое государство. Водные пути также имѣли въ нашей начальной исторіи важное значеніе; по рѣкамъ разселялись племена; по рѣкамъ варяжская дружина распространяла свои владѣнія; по нимъ же завязались первыя торговыя и международныя сношенія русскихъ Славянъ съ Византіей, Арабами и западной Евро-

пой. Но при всемъ томъ нельзя не замѣтить, что г. Соловьевъ даетъ, уже слишкомъ большое значеніе водному пути и рѣчнымъ системамъ.

Рѣки, говоритъ онъ, много содѣйствовали единству народному и государственному, и при этомъ особыя рѣчныя системы опредѣлили въ началѣ особыя системы областей—княжествъ. Такъ, по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ русская земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части, при чемъ величина области соотвѣтствовала величинѣ рѣчной системы; характеръ области зависѣлъ отъ того, въ какую сторону течетъ ея главная рѣка. Область Волги есть преимущественно область Московскаго государства; а такъ—какъ эта область больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, то и область Московскаго государства должна была быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи. Равнымъ образомъ, такъ какъ меньшимъ частямъ естественно принадлежать къ большей, то и понятно, почему Новгородская озерная область, Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

Это большое преувеличеніе. Дѣленія русской земли на области, или части, по вліянію рѣчныхъ системъ мы не видимъ въ древней нашей исторіи. Это дѣленіе условливалась не рѣками, а скорѣе племенными особенностями населенія. Рѣки послужили средствомъ опредѣленія мѣстности и предѣловъ славянскихъ поселеній для начальной этнографіи и для позднѣйшей географической систематики, но дѣленія земли на части по рѣкамъ не было ни въ древности, ни въ позднѣйшія времена. Такъ, напр.,

область верхней Волги и область средняго Днѣпра-Суздальская и Кіевская земли составляли волость Мономаховичей; области Десны и верхней Оки-земли сѣверскія и земли Вятичей-были вотчиною Святославичей. Между областью Волги—по преимуществу областью Московскаго государства—и областью средняго Днѣпра—областью Малороссіи—не было ни географическихъ, ни торговыхъ связей, и слѣдовательно не было естественной необходимости примкнуть къ Москвѣ въ силу естественнаго тяготѣнія меньшей части къ большей. Слiяніе Новгорода, Малой и Бѣлой Россіи съ Московскимъ государствомъ явилось вслѣдствіе хода исторической жизни, т. е. различныхъ обстоятельствъ, давшихъ перевѣсъ Москвѣ надъ остальными частями русской земли. Вообще государственное объединеніе русскаго міра не было слѣдствіемъ условій природы. Мы знаемъ, съ какими трудностями сопряжено сообщеніе разныхъ областей громадной Русской имперіи въ настоящее время, и въ какой степени установилась политическая и соціальная связь между разными отраслями русской народности. Можетъ-быть, желѣзныя дороги довершатъ объединеніе русскаго міра, создадутъ связи экономическія, политическія и соціальныя, которыхъ не могла создать государственная централизація, не смотря на всѣ ея усилія установить однородныя формы жизни подавленіемъ природныхъ особенностей. Такимъ образомъ ясно, что природа не слишкомъ благопріятствовала сближенію отдѣльныхъ частей русскаго міра, если правительственныя мѣры оказались безсильными побѣдить эти преграды. Въ глубокой древности, равно какъ

и въ новое время, сѣверо-западъ Россіи страдалъ отъ голода въ то время, когда южныя хлѣбородныя земли не знали что дѣлать съ излишкомъ своего хлѣба; Великороссія, больше оказавшая успѣхи въ промышленности, не имѣетъ рынковъ для сбыта своихъ произведеній; югозападная половина Россіи представляетъ совершенно иной міръ, не похожій на восточную половину: двѣ главныя русскія народности и теперь сохраняютъ рѣзкія особенности въ бытѣ, нравахъ, языкѣ и даже въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ.

Далѣе, разпространеніе русскихъ владѣній, по словамъ г. Соловьева, также слѣдовало по теченію рѣкъ. По теченію рѣкъ сѣверные князья ищутъ политическаго центра, переносятъ свои резиденціи—изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владиміръ, подвигаясь все ближе и ближе къ Москвѣ. Москва, говоритъ историкъ, впадаетъ въ Оку, также-какъ и Клязьма, съ тѣмъ однако различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала финскому сѣверо-востоку, тогда-какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей—странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ издавна примыкавшей къ южной Руси и потому болѣе на нее похожей.

Не понимаетъ, отъ чего въ естественныхъ условіяхъ земли Вятичей—«въ этой переходной странѣ, примыкавшей къ южной Руси и на нее похожей»—не было крѣпкихъ государственныхъ основъ, какія находились на сѣверѣ. Ясно, что историкъ передаетъ свои воззрѣнія временамъ отдаленнымъ, ищетъ въ естественныхъ условіяхъ и особенностяхъ страны основанія своимъ заранѣе составленнымъ выводамъ, т. е. ставитъ разультатъ на мѣсто причины.

Наконецъ вліяніе природы страны, по взгляду г. Соловьева, отразилось даже на характерѣ народа и опредѣлило не только образъ его жизни и занятія, но и самую его политическую роль.

Такимъ образомъ великорусское племя обязано своимъ политическимъ могуществомъ, своимъ преобладаніемъ надъ остальными племенами, бѣдной, скудной на дары природѣ. Такая природа пріучила его къ труду; среди такой природы человѣкъ работаетъ умомъ и неуклонно стремится къ своей цѣли. Понятно, заключаетъ историкъ, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія государственныя основы, подчинить своему вліянію племена съ противуположнымъ характеромъ. Характеръ общественной и домашней жизни великорусскаго народа, по мнѣнію г. Соловьева, опредѣлился вліяніемъ природы, отсюда произошли—относительная грубость нравовъ великороссовъ и затворничество женщинъ.

Односторонность такихъ выводовъ очевидна. Какъ ни могущественно вліяніе внѣшней природы въ исторіи

народовъ, но не она подѣлила ихъ на группы, народности и государства. Природа задерживала или способствовала развитію народовъ, опредѣлила ихъ занятія и образъ жизни; но при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи природныя условія далеко подчиняются дѣятельности и вліянію людей; человѣкъ овладѣваетъ дарами и силами природы, дѣлаетъ изъ никъ то или другое употребленіе, смотря по своей изобрѣтательности, находчивости, творчеству. По словамъ Бокля, дѣйствительный прогрессъ зависитъ не отъ щедрости природы, но отъ энергіи человѣка. Безъ всякаго сомнѣнія, естественные дѣятели, какъ климатъ, почва и общій видъ страны, имѣли сильное вліяніе на каждый народъ, но не менѣе сильное вліяніе на его судьбу оказывали — религія, литература и правленіе. По возрѣнію же г. Соловьева, историческою дѣятельностью народовъ исключительно управляютъ внѣшнія силы природы, какая то судьба. Такимъ образомъ, славянскія племена и князья, по указанію природы, тянутся на востокъ къ предѣламъ Азіи. Въ этомъ движеніи на востокъ и состоитъ, по мнѣнію историка, историческая роль русскаго народа. Онъ призванъ цивилизовать варварскій востокъ, населить безплодныя степи на предѣлахъ Азіи съ Европой. Такимъ образомъ въ русской исторіи говоритъ г. Соловьевъ, мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя выводитъ поселенія свои все далѣе

и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать населенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени, славянскому—сухимъ путемъ.

Русская колонизація, въ связи съ этнографіею, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ нашей наукѣ. По недостатку свѣдѣній о древнѣйшихъ временахъ, трудно рѣшить, когда началось разселеніе славянскаго племени въ восточной половинѣ русской равнины; когда образовалась восточная отрасль русскаго племени, и откуда шла колонизація. Въ X вѣкѣ, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, въ Суздальской области, населенной финскими племенами, существовали славянскія поселенія. Это даетъ намъ право думать, что колонизація востока первоначально шла съ сѣверозапада — изъ озерной (новгородской), западно-двинской и днѣпровской (кривскихъ) областей. Но кромѣ движенія на востокъ, мы замѣчаемъ въ древнѣйшей нашей исторіи, у князей и народа, стремленіе на югъ.

Первые русскіе князья начинаютъ свою историческую дѣятельность походами на Византію, въ богатыя страны южной Европы; Святославъ думалъ завоевать Болгарію, сдѣлать Переяславль болгарскій средоточіемъ своей земли: «то есть среди земли моей, туда сходятся всѣ блага».

Кіевляне, въ XI вѣкѣ напуганные нашествіемъ Половцевъ и не находя защиты у князей—а также и тогда,

когда не имѣли возможности собственными силами отразить Поляковъ, которыхъ велъ на нихъ Изяславъ,—думали сжечь городъ и отправиться въ Греческую землю, т. е. въ придунайскія страны, свою древнюю родину. Въ XI—XII вѣкахъ возникаютъ колоніи галицкихъ русскихъ въ нынѣшней Молдавіи, Валахіи и по берегамъ Чернаго моря. Но въ XII вѣкѣ является иное направленіе въ государственномъ строѣ и въ колонизаціи русской земли. Сильнѣйшіе князья, поборники государственнаго начала, утверждаются на сѣверѣ, строятъ тамъ новые города, опустошаютъ старые, населяя жителями послѣднихъ Московское княжество, и такимъ образомъ постепенно централизуютъ русскую землю и утверждаютъ государственную власть. Съ 15 и 16 вв., вслѣдствіе закрѣпленія земледѣльческаго населенія, начинается движеніе народныхъ массъ въ южныя привольныя степи одновременно изъ Московскаго и Литовскаго государствъ. Переселенцы переносятъ туда свой древній общинный бытъ и живутъ независимо отъ государства. Такъ образовались казацкія поселенія на Дону и въ нынѣшней Малороссіи по Днѣпру и его притокамъ. Какъ видно, и въ позднѣйшее время иныя стремленія были у правительства, а иныя у народа: князья создавали политическое могущество, постепенно распространяли предѣлы государства на сѣверовостокъ; народъ искалъ приволья, свободы въ южныхъ степяхъ, гдѣ земля была плодоноснѣе, климатъ теплѣе, и гдѣ, слѣдовательно, было болѣе средствъ къ жизни.

IV.

Призваніе Варяго-Руссовъ.

Въ 859 году сѣверныя славянскія и финскія племена: Новгородцы, Чудь, Кривичи и Меря давали дань Варягамъ; Поляне, Сѣверяне и Вятичи давали дань Казарамъ; въ 862 году племена первой группы прогнали Варяговъ и начали владѣть сами собою, но не было у нихъ правды, говоритъ лѣтописецъ; родъ всталъ на родъ, и начали они воевать между собою. Для избѣжанія дальнѣйшихъ бѣдствій безначалія, племена собрались и порѣшили искать себѣ князя: «рѣша сами въ себе: «поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Порѣшивши такимъ образомъ, они отправили пословъ за море къ Варягамъ—Руси съ такою рѣчью: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ»; на призывъ собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю Русь и пришли къ призвавшимъ ихъ племенамъ.

Кто же были Варяги, и откуда они пришли? Вопросы эти были рѣшаемы различно. Байеръ, Шлецеръ, Карамзинъ, гг. Погодинъ и Соловьевъ признаютъ Варяговъ Норманами; Тредьяковскій и Ломоносовъ—Славянами; Татищевъ и Болтинъ—Финами; Эверсъ—Хозарами. Г. Костомаровъ высказалъ мнѣніе о жмудскомъ происхожденіи нашихъ князей. Мнѣніе г. Костомарова построено главнымъ образомъ на двухъ основаніяхъ: во первыхъ, онъ утверждаетъ, что нашелъ народъ, называвшійся Русью, при устьяхъ Нѣмана, въ странѣ, которая

тоже называлась Русью. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Костомаровъ приводитъ слѣдующія свидѣтельства: историка (XIV в.) тевтонскаго ордена, Петра Дюисбургскаго который будто бы помѣщаетъ страну Руссію на побережьѣ Нѣмана, при его устьѣ; Адама Бременскаго и Титмара Мерзерургскаго, у котораго Пруссія представляется граничащею съ страною Руссіею. Кромѣ, того г. Костомаровъ признаетъ имена нашихъ первыхъ князей, а также именаословъ, записаныя въ договорахъ Олега и Игоря съ Греками, литовскими, или потому что они до сихъ поръ сохранились въ литовскомъ языкѣ, или—какъ имена нарицательныя и прилагательныя—легко объясняются литовскими корнями. Къ этимъ двумъ важнымъ доказательствамъ литовскаго, или жмудскаго, происхожденія князей г. Костомаровъ присоединяетъ еще нѣкоторыя другія, не столь важныя, но которыя всѣ, по его мнѣнію, согласно говорятъ въ пользу того, что наши первые князья пришли изъ Жмуди.

Мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ сдѣлалось господствующимъ въ наукѣ. Оно утверждается на неоспоримыхъ доказательствахъ: во первыхъ, на свидѣтельствѣ нашего начальнаго лѣтописца. Говоря о племенахъ, населявшихъ Русь, Несторъ перечисляетъ и сосѣдніе имъ народы; «Ляхове же, Пруси, Чудь присѣдять къ морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова; по тому же морю къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьски.» Потомъ, перечисляя европейскіе народы, принадлежащіе къ племени Іафета, называетъ слѣдующія племена:

«Варязи, Свеи, Урмане, Готѣ, по нѣкоторымъ спискамъ Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдицы, Фрягове, и прочіи, даже присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ.» Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что лѣтописецъ подъ именемъ Варяговъ разумѣлъ народы, живше по Балтійскому морю, по восточной («сѣмо ко въстоку до предѣла Симова»=на сей сторонѣ, на востокѣ до земель Симовыхъ) и по западной его сторонамъ («по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошьской»). Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи говорится, что послы отъ соединенныхъ славянскихъ и финскихъ племенъ пошли за море къ Варягамъ—Руси: «еще бо ся зваху тьи Варязи—Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си.» Сѣдовательно, Варяги лѣтописца одноплеменны со Шведами и Норвежцами—народомъ, извѣстнымъ средневѣковой западной Европѣ подъ именемъ Норманновъ.

Свидѣтельство нашего лѣтописца подтверждается извѣстіемъ иностранныхъ писателей: Лунтпранда, еп. Кремонскаго (тождество Руссовъ съ Норманнами), арабскихъ путешественниковъ (нетождество Варяговъ—Руси и Славянъ), Константина Багрянороднаго, который, описывая сосѣдственныя съ имперіею земли, говоритъ о порогахъ днѣпровскихъ и приводитъ названія семи порогомъ на языкахъ славянскомъ и русскомъ: русскія названія этихъ порогонъ могутъ быть объяснены только языкомъ скандинавскимъ. Равнымъ образомъ о скандинавскомъ происхожденіи Варяго—Руссовъ свидѣтельствуютъ имена

первыхъ князей и дружинниковъ, также нѣкоторыя слова, вошедшія въ древнерусскую рѣчь, напримѣръ: тіунъ, вира. Наконецъ, обычаи нашихъ Варяго—Руссовъ, сходные съ обычаями скандинавскихъ народовъ, ясно говорятъ, откуда пришли Рюрикъ и его родъ. Что же касается до предположенія г. Костомарова о литовскомъ происхожденіи первыхъ русскихъ князей, то г. Щегловъ подвергнулъ критикѣ его доводы и пришелъ къ заключенію, что указываемая г. Костомаровымъ жмудская Русь есть ничто иное какъ наша Русь западная; сходство же нѣкоторыхъ варяжскихъ именъ съ литовскими словами есть случайное звуковое совпаденье, возможное между словами какихъ угодно языковъ.

О значеніи названія Варяги — Русь существуютъ различныя мнѣнія.

Названіе варягъ, говоритъ г. Соловьевъ, образовалось на западѣ, у племенъ германскихъ; на востокѣ у племенъ славянскихъ и финскихъ, у Грековъ и Арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для сѣверныхъ авантюристовъ было русь (росъ). По мнѣнію г. Костомарова, варягъ есть составленное по—славянски скандинавское слово væringiar; у скандинавовъ же это слово явилось какъ переводъ греческаго слова φοιδερατον, что значитъ союзники, или точнѣе—присяжные воины. Этимъ именемъ назывались составленныя изъ иноземцевъ наемныя дружины, служившія у римскихъ, а потомъ у византійскихъ императоровъ. Съ IX в. начали появляться въ Византійской имперіи, въ рядахъ этихъ служилыхъ иноземцевъ, Скандинавы или Норманны, и перевели на свой языкъ греческое слово φοιδερατον словомъ væringiar. Восточнымъ Славянамъ они сдѣлались извѣст-

ны потому, что проходили чрезъ Россію водянымъ путемъ, по Днѣпру и Двинѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи. Подъ Варягами у насъ разумѣли не одинъ какой нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ по берегамъ моря, которое у Русскихъ получило названіе Варяжскаго.

Вопросъ — отчего Славяне рѣшились призвать на княженіе чужеземцевъ, которыхъ сами же незадолго предъ тѣмъ изгнали, вѣроятно, за притѣсненія — также рѣшаемъ былъ различно.

Миллеръ и Шлецеръ полагаютъ, что Варяги были призваны союзными племенами для защиты границъ, но потомъ сдѣлались завоевателями, подчинили себѣ призвавшія ихъ племена и ввели феодализмъ.

Мнѣніе Шлецера, что Варяги были призваны съ цѣлью охраненія границъ, не лишено основанія. По извѣстіямъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ, Рюрикъ жилъ сначала не въ Новгородѣ, а въ Ладогѣ, пограничномъ городѣ, и только на четвертомъ году своего княженія перешелъ въ Новгородъ. Нельзя отвергать и того предположенія Шлецера, что сѣверныя союзныя племена рѣшились призвать Варяго-Руссовъ вслѣдствіе опасенія, чтобы изгнанные не возвратились, и что они поступили въ этомъ случаѣ точно также, какъ Бритты, призвавшіе Саксовъ.

Г. Соловьевъ объясняетъ фактъ призванія Варяговъ несостоятельностью родоваго самоуправленія у славянскихъ племенъ, вызвавшею потребность въ княжеской власти. Роды, устремившіеся къ гражданской жизни, къ

*

опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ; должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній; безпристрастнаго посредника въ спорахъ; однимъ словомъ—третьяго судью, а такимъ могъ быть только князь изъ чужого рода. Къ этому г. Соловьевъ присоединяетъ предположеніе, что призванные князья скоро ославянились и заступили мѣсто славянскихъ племенныхъ патріархальныхъ князей.

По мнѣнію г. Костомарова, князья явились третьими въ дѣлѣ домашнихъ неурядицъ союзныхъ народовъ, и съ этимъ значеніемъ остались во всей послѣдующей русской исторіи. Призвавшіе князей народы не отдались имъ безъусловно, но пригласили ихъ «княжить и владѣть по праву.» Прежняя племенная независимость и самоуправленіе, выражавшіяся понятіемъ о землѣ, не уничтожились отъ призванія третьяго судьи. Отсюда-то и возникло то двоевластіе, то существованіе, одна о бокъ другой, двухъ политическихъ силъ—земской, или вѣчевой и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя русская исторія вообще и Новгорода въ особенности. Развивая свой взглядъ, г. Костомаровъ приходитъ къ заключенію, что начальная наша исторія представляетъ союзъ (федерацію) племенъ. По его мнѣнію, сѣверныя племена сознали необходимость союза, но не власти центральной. Такъ какъ они не составляли одного народа, а нѣсколько союзныхъ народовъ, то, сообразно съ этимъ, и призвали не одного правителя, а 3-хъ братьевъ, да еще съ ихъ родомъ. Какъ народы союзные связаны

были между собою сознательно племеннымъ родствомъ, такъ и призванные князья, пришедшіе къ нимъ, могли править каждый въ одномъ изъ народовъ, но были связаны между собою сознательно единствомъ рода. Такимъ образомъ г. Костомаровъ создаетъ федеративную теорію, въ противоположность теоріи государственной централизаціи (Карамзинъ, г. Соловьевъ), а государство, основанное Варягами, онъ называетъ русскою федеративною державою. По предположенію г. Костомарова, Весь, Меря, народы финскаго происхожденія, участвовали вмѣстѣ съ Славянами въ призваніи князей только по имени; на самомъ же дѣлѣ на нихъ уже тогда лежала власть Славянъ. Кромѣ того, г. Костомаровъ полагаетъ, что и Поляне участвовали въ призваніи князей. Предположеніе свое онъ основываетъ на томъ фактѣ, что Кіевляне добровольно покорились Олегу.

Явленія, указанныя въ начальномъ періодѣ нашей исторіи какъ г. Соловьевымъ, такъ и г. Костомаровымъ, могли имѣть мѣсто, но противъ сдѣланныхъ ими обобщеній говорятъ лѣтописныя извѣстія. Русскіе князья, по извѣстіямъ, сохранившимся въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (Никоновская), притѣсняли Новгородцевъ и вызвали сопротивленіе съ ихъ стороны, подъ предводительствомъ Вадима. Дальнѣйшая исторія Новгорода въ древнѣйшемъ періодѣ подтверждаетъ мнѣніе, высказанное Шлецеромъ, что варяжскіе князья, призванные для установленія наряда, нарушеннаго усобицами, и для защиты земли отъ внѣшнихъ враговъ, сдѣлались завоевателями, самовластными владѣтелями надъ призвавшими ихъ племенами.

Мнѣнія прочихъ изслѣдователей русской страны распредѣляются по изложеннымъ выше теоріямъ. Такимъ образомъ, взглядъ г. Бѣляева, съ нѣкоторымъ различіемъ въ частностяхъ, примыкаетъ къ теоріи г. Костомарова; воззрѣнія же г. Погодина, Эверса и г. Кавелина однородны съ теоріею, которая изложена выше подъ именемъ г. Соловьева.

Полевой и г. Чечеринъ видятъ феодализмъ въ нашей древней исторіи.

V.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ призванія Варяго-Руссовъ до смерти Ярослава.

Власть княжеская.

До сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ—какой характеръ имѣла власть княжеская въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи?

Карамзинъ называетъ эту власть монархическою. Слова Новгородцевъ, говоритъ онъ, и союзныхъ съ ними народовъ: «хотимъ князя, да владѣетъ и правитъ по закону», были основаніемъ перваго государственнаго устава въ Россіи, т. е. монархическаго. Но потомъ Карамзинъ прибавляетъ, что власть княжеская была ограничена участіемъ народа въ правленіи. «Самый народъ

славянскій, хотя покорился князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя вольности, и въ дѣлахъ важныхъ и въ опасностяхъ государственныхъ сходился на общій совѣтъ. Бѣлгородцы, тѣснимые Печенѣгами разсуждали на вѣчѣ, что имъ дѣлать. Сіи народныя собранія доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли дать имъ смѣлость, неизвѣстную въ державахъ строго неограниченнаго правленія. На войнѣ права государя были ограничены корыстолюбіемъ воиновъ; онъ могъ брать только часть добычи, уступая имъ прочее.»

По мнѣнію г. Соловьева, призванные князья замѣнили племенныхъ князей, или старшинъ. Племена, по словамъ г. Соловьева, призывая князей, не могли съ этимъ именемъ соединить другое какое либо новое значеніе, кромѣ значенія родоначальника, старшаго въ родѣ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть, по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьею во время мира, онъ наказывалъ преступниковъ; его дворъ — мѣсто суда, его слуги — исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякій новый уставъ проистекалъ отъ него. Такимъ образомъ всѣ права и обязанности представителей родовъ (старѣйшинъ) и представителей племенъ (князей племенныхъ) перешли къ призванному князю, и такимъ образомъ власть сосредоточилась въ одномъ лицѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ роды и племена соединились въ одно цѣлое, въ одно государство. Выборныя земскія власти и старѣйшины родовъ потеряли участіе въ судѣ и правленіи; князь

имѣлъ дѣло непосредственно съ народомъ, собиралъ общенародное вѣче, когда надобно было что нибудь объявить или предложить общинѣ. Мѣсто князя, во время его отсутствія, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ не жилъ князь, заступалъ посадникъ — мужъ изъ дружины княжеской. Такимъ образомъ изъ кореннаго смысла теоріи г. Соловьева вытекаетъ, что автономія племенъ исчезла, будучи поглощена властью призванныхъ князей.

Совершенно противоположное воззрѣніе на власть княжескую въ древнемъ періодѣ нашей исторіи имѣетъ г. Костомаровъ. По его воззрѣнію, славянскіе народы призывали себѣ князей на основаніи того общеславянскаго начала, по которому спорящіе между собою стороны отдаютъ свой споръ на обсужденіе посторонними лицамъ, наблюдая, чтобы эти лица были непричастные всему, что подавало имъ самимъ поводъ къ взаимной враждѣ. Это — третейскій судъ, столь обычный у русскаго народа во всѣ времена. Призвавшіе князей не отдались имъ безусловно, а только пригласили ихъ княжить и владѣть по праву. Прежняя племенная независимость и самоуправленіе не уничтожились этимъ призваніемъ; отсюда возникло то двоевластіе, то существованіе, одна о бокъ другой, двухъ верховныхъ политическихъ силъ — земской, или вѣчевой, и княжеской, чѣмъ такъ отличается древняя исторія Руси вообще и В. Новгорода въ особенности.

По нашему мнѣнію, первые русскіе князья являются, главнымъ образомъ, съ характеромъ вождей дружины и завоевателей; въ ихъ личностяхъ и дѣйствіяхъ

ясно обнаруживается норманскій характеръ. Силою оружія и административными мѣрами они соединяютъ славянскія племена, дѣлаютъ набѣги на Византію единственно съ цѣлью грабежа и полученія дани; вводятъ систему областнаго управленія, раздавая города своимъ сподвижникамъ, лучшимъ мужамъ изъ дружины, и вообще управляя землями посредствомъ намѣстниковъ — посадниковъ. Славянскія племена насильно подчиняются варяжскимъ князьямъ, платятъ имъ дань, участвуютъ въ ихъ походахъ; ихъ прежнія власти не принимаютъ никакого участія въ управленіи; вся власть сосредоточивается въ рукахъ князей и ихъ дружины. Въ послѣдствіи, когда родъ княжескій размножился, князья замѣняютъ мужей — подручниковъ дѣтьми или братьями и поручаютъ имъ города въ управленіе тоже на правахъ подручниковъ. Такъ Ярославъ, сидя въ Новгородѣ, обязанъ былъ давать въ Кіевѣ каждый годъ двѣ тысячи гривенъ, а тысячу раздавать въ Новгородѣ гридямъ [1]). Изъ словъ лѣтописца видно, что Ярославъ занималъ мѣсто посадника княжескаго въ Новгородѣ и не хотѣлъ платить отцу дани, которую исправно давали прежніе новгородскіе посадники, не хотѣлъ выполнять обязанности посадника, унизительной для члена княжескаго рода. Къ подобному поступку, можетъ быть, побудили Ярослава Новгородцы, которые также были недовольны

[1]) Ярославу же сущю Новѣгородѣ, и уроконъ дающю Кыеву двѣ тисячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; а тако даяху посадници новъгородьстіи, а Ярославъ сего недаяше отцю своему. И рече Володимеръ: «требите путь и мостите мостъ», хотяшетъ бо на Ярослава ити, на сына своего, но разболѣся. См. Лавр. лѣт., 1014 г.

зависимостью отъ Кіева и давно высказывали свое стремленіе къ самостоятельности [1]). И такъ, если несомнѣнно въ первыхъ нашихъ князьяхъ стремленіе къ завоеваніямъ и единовластію, то несомнѣнно одновременное существованіе и оппозиціонныхъ—говоря современнымъ языкомъ—силъ и стремленій, которыя проявились въ сопротивленіи младшихъ князей и славянскихъ общинъ, тяготившихся самовластительствомъ князей и зависимостью отъ Кіева. Отсюда вытекли усобицы между старшими и младшими князьями и борьба Новгорода съ Кіевомъ.

Для болѣе точнаго выясненія вопроса о характерѣ княжеской власти въ начальномъ періодѣ нашей исторіи, по *тогдашнимъ ея функціямъ*, обратимся къ лѣтописнымъ извѣстіямъ и послушаемъ, что они говорятъ.

Варяго-русскіе князья были призваны сѣверными союзными племенами: Новгородцами, Чудью, Мерею и Кривичами; въ призваніи князей не участвуютъ остальныя племена: и вотъ Олегъ и его потомки идутъ войною на оставшихся независимыми; одни изъ нихъ безъ сопротивленія признаютъ надъ собою власть варяжскихъ князей, другія покоряются оружіемъ. Подчиненіе славянскихъ племенъ подъ одну власть продолжается до Ярослава: Олегъ покоряетъ Кривичей, Сѣверянъ, По-

[1]) См. Лавр. лѣтопись, время княженія Святослава (970 г.). Святославъ посади Ярополка въ Кіевѣ, а Ольга въ Деревѣхъ. Въ сеже время придоша людье ноугородьстіи просяще князя собѣ; «аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ:» И рече къ нимъ Святославъ: «абы пошелъ кто въ вамъ.» И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ, и рече Добрыня: «просите Володимера.» И рѣша Ноугородьци Святославу: «въздай ны Володимера.» Онъ же рече имъ: «вото вы есть.» И пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею, уемъ своимъ Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

лянъ, Древлянъ и Радимичей, облагаетъ ихъ данью и вводитъ систему областнаго помѣстнаго управленія; Ольга упрочиваетъ завоеванія Олега введеніемъ болѣе опредѣленнаго порядка въ собираніи дани и въ управленіи покоренными племенами, подавляетъ возстаніе Древлянъ, уничтожаетъ ихъ прежнее земское устройство и вводитъ новый порядокъ въ управленіи Древлянскою землею. Въ чемъ состоялъ этотъ порядокъ — мы не знаемъ. Лѣтопись говоритъ, что Ольга, сжегши главный городъ Древлянъ Искоростень, велѣла схватить старѣйшинъ городскихъ, а прочихъ людей—однихъ велѣла перебить, а другихъ отдала въ работу своимъ мужамъ; на тѣхъ же, которые остались въ городѣ, возложила тяжкую дань. За тѣмъ Ольга объѣхала древлянскую землю съ сыномъ и дружиной и установила уставы и уроки. Такой же порядокъ въ управленіи и собираніи дани Ольга ввела въ новгородской области; прочія покоренныя племена остались при дани, наложенной на нихъ Олегомъ. Ясно, что изъ всѣхъ покоренныхъ племенъ только у Древлянъ и Новгородцевъ введенъ новый порядокъ въ управленіи и платежѣ дани. Въ Новгородской области, говоритъ лѣтопись, Ольга учредила погосты и опредѣлила оброки и дани. Соображая эти извѣстія, мы полагаемъ, что только Древляне и Новгородцы обнаружили сопротивленіе Варяго-русскимъ князьямъ, хотѣли удержать свое старинное устройство, имѣя, вѣроятно, болѣе развитую и установившуюся общественную организацію; оттого на нихъ преимущественно обращается правительственная дѣятельность русскихъ князей. Такимъ образомъ, еще

Олегъ установилъ, чтобы Новгородцы давали дань ежегодно по тысячѣ гривенъ въ Кіевъ, а триста гривенъ платили бы Варягамъ-гридямъ, которые были оставлены въ новгородской землѣ для охраненія внутренняго спокойствія. Дань съ покоренныхъ племенъ собираема была или непосредственно самими князьями, которые для этого отправлялись, при наступленіи Ноября мѣсяца, на полюдье, или князья поручали собирать ее своимъ дружинникамъ. Племена платили дань разными продуктами отъ звѣроловства, земледѣлія, пчеловодства и другихъ промысловъ. Такъ, Древляне давали по черной куницѣ, Сѣверяне — по бѣлкѣ, Вятичи — по шелягу отъ рала, Радимичи, вмѣсто дани, исполняли особую земскую повинность — возили возы. Одни только Новгородцы платили гривнами.

Дружина.

Русскіе князья, призванные сѣверными племенами, пришли къ нимъ съ своими родичами и дружиной. При содѣйствіи этой дружины были покорены остальныя независимыя славянскія племена; посредствомъ ея же производилось управленіе покоренными землями.

Дружиною, въ тѣсномъ смыслѣ, называлось военное товарищество князя, его приближенные подручники, думцы, или совѣтники, которые сопутствовали князю въ походахъ и содѣйствовали ему въ управленіи землею; дружиною, въ обширномъ смыслѣ, называлось все вообще военное сословіе, люди ратные.

Дружина состояла изъ старшихъ и младшихъ членовъ.

Старшіе члены дружины назывались лѣпшими му-

жами и свѣтными боярами. Этимъ мужамъ князь раздавалъ города въ управленіе, назначалъ ихъ своими намѣстниками въ земляхъ покоренныхъ племенъ. Такъ Рюрикъ, по смерти братьевъ, раздаетъ города мужамъ: одному Полоцкъ, другому Ростовъ, третьему Бѣлоозеро; Олегъ сажаетъ своихъ мужей въ Смоленскѣ и Любечѣ. Вѣроятно, и въ другіе города Олегъ посылалъ своихъ мужей — намѣстниковъ, что видно изъ договора его съ Греками; послы Олеговы говорятъ греческому императору: «мы отъ рода русскаго, посланные отъ Олега великаго князя русскаго и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его свѣтыхъ бояръ.» Отъ Грековъ требуются уклады, или извѣстное количество дани, на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе. Въ городахъ этихъ сидѣли князья, «сущіе подъ Олегомъ.» Князья, для которыхъ Олегъ беретъ дань, называются въ договорѣ безъ различія мужами и свѣтлыми боярами. По этому можно думать, что они принадлежали къ его дружинѣ и управляли городами какъ его намѣстники, а не какъ самовластительные князья.

Вопросъ о происхожденіи и значеніи боярства остается пока еще не рѣшеннымъ.

Съ званіемъ боярина, по мнѣнію г. Костомарова, соединялось владѣніе землею, богатство и вліяніе на управленіе. Слово бояре употребляется въ смыслѣ первенствующихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ составу дружины. «Бояре, какъ кажется—говоритъ Костомаровъ —были старѣйшины земли или народа.» Это понятіе соединялось съ понятіемъ земли и народа. Такъ, разли-

чаются бояре по городамъ, бывшимъ центрами земли или ея отдѣловъ; напримѣръ: бояре вышегородскіе, бояре бѣлогородскіе. Это были лица, значеніе которыхъ соединялось съ мѣстностью, по какой они назывались. Что бояре отличались отъ мужей княжескихъ, это указывается въ житіи Владиміра, гдѣ говорится: «Св. Владиміръ князь ставилъ трапезу себѣ и боярамъ своимъ и всѣмъ мужамъ своимъ.»

Мнѣніе, что бояре были старѣйшины земли, не подтверждается лѣтописными извѣстіями. Несторъ отличаетъ бояръ отъ старцевъ: «Созва Володимеръ бояры своя и старци градскіѣ.» У Древлянъ, которые долго пользовались самоуправленіемъ, имѣли своихъ князей и мужей, державшихъ Древлянскую землю, мы не встрѣчаемъ слова «боярин.» Ольга покоривъ Древлянскую землю, «старѣйшинъ града изъима», говоритъ лѣтописецъ, т. е. велѣла схватить ихъ, а прочихъ людей однихъ велѣла перебить, а другихъ отдала въ рабство своимъ мужамъ. Равнымъ образомъ и то предположеніе, что понятіе боярина соединялось съ понятіемъ земли, и что бояре различались по городамъ, бывшимъ центрами земли, также не подтверждается лѣтописными извѣстіями. Лѣтописецъ дѣйствительно говоритъ о боярахъ вышегородскихъ, но называетъ ихъ, въ отличіе отъ бояръ стольнаго города, уменьшительнымъ именемъ болярцы. Къ этимъ болярцамъ обращается Святополкъ, когда задумалъ убить своихъ братьевъ, и находитъ между ними преданныхъ людей, которыхъ посылаетъ убить брата Бориса. Имена ихъ не туземныя: Ляшько, Еловить,

Путьша и Талець. Изъ этого извѣстія видно, какого рода люди стояли во главѣ мѣстной городской администраціи. Безъ сомнѣнія, подобные боляpцы не могли быть старѣйшинами земли. Какъ видно, въ города назначаемы были дружинники, княжескіе слуги, состоявшіе изъ разнаго сброда людей.

Нельзя точно опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находилась у насъ дружина къ князю: заключала-ль она договоръ съ нимъ, какъ дѣлали на западѣ германскія дружины [1]); или князь самъ предлагалъ извѣстныя условія дружинѣ и опредѣлялъ ей извѣстное вознагражденіе за услуги? Въ лѣтописи о Владимірѣ Св. говорится, что онъ очень любилъ дружину и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ и уставѣ земскомъ, раздавалъ въ управленіе города мужамъ храбрымъ и смышленнымъ, давалъ въ своихъ гридницахъ богатые пиры дружинѣ и не щадилъ для нея ни золота, ни серебра. Также поступали и прежніе князья, предшественники Владиміра; они тоже сажали своихъ мужей — подручниковъ въ покоренныхъ городахъ. Предъ походомъ князья спрашивали совѣта дружины и заключали миръ съ ея согласія. Вообще князь ничего не предпринималъ безъ совѣта и одобренія дружины. Игорь и Святославъ передъ битвами и при заключеніи договоровъ совѣтуются съ дружиною; такъ поступаетъ Владиміръ, когда задумалъ перемѣнить вѣру. Кромѣ того, князь долженъ былъ заботиться о со-

[1]) Тамъ дружина избирала храбраго вождя и отправлялась съ нимъ въ походъ съ условіемъ—раздѣлить поровну добычу и завоеванныя земли.

держанiи дружины — кормить и одѣвать ее; долженъ былъ дѣлиться съ нею данью и добычею. Такъ Олегъ беретъ дань съ Грековъ на дружину и на своихъ подручниковъ, управлявшихъ городами; Игорь, по требованiю дружины, отправляется за данью къ Древлянамъ. Изъ всѣхъ этихъ извѣстiй видно, что князь раздѣлялъ свою власть съ дружиной: при ея содѣйствiи управлялъ землею, производилъ судъ, давалъ народу нарядъ и охранялъ землю отъ внѣшнихъ враговъ. Въ вознагражденiе за услуги, князь удѣлялъ дружинѣ часть своихъ доходовъ, военной добычи и дани съ покоренныхъ племенъ, и заботился объ ея вооруженiи и содержанiи. По словамъ г. Костомарова, дружина княжеская, составлявшая высшiй классъ по значенiю и силѣ, была не кiевляне по происхожденiю, но пришельцы. Это обнаруживается въ былинахъ стараго времени Владимiрова цикла. Богатыри пріѣзжаютъ служить Владимiру—кто изъ Мурома, кто изъ Ростова, кто изъ Царьграда, кто изъ Ляховъ, кто изъ Угровъ. Каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности. Въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей, странствующихъ удальцовъ словами: «Гой, вы еси, добры молодцы! скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ; а по имени вамъ можно мѣсто дать, а по отечеству пожаловати.» Очевидно, что князь жаловалъ и мѣста, и должности, и званiе мужа княжа, или боярина. Такъ Владiмiръ, говоритъ лѣтописецъ, сотворилъ Яна Усмовича — кожемяку, одолѣвшаго великана Печенѣга, великимъ мужемъ.

По мнѣнію г. Соловьева, младшая дружина носила названіе гридьбы. Гридью, по его мнѣнію, называлось все военное сословіе, отчего покои княжескіе, гдѣ собиралась дружина, люди военные, называлась гридницею. По мнѣнію г. Костомарова, названіе гридьбы давалось только свитѣ князя. Въ Новгородѣ люди, носившіе это названіе, не принадлежали къ новгородскому гражданству, не жили въ городѣ, а пребывали на городищѣ. Слово гридь или гридьба. по мнѣнію г. Костомарова, есть литовское greitis—приспѣшникъ. Въ Русской Правдѣ упоминается еще огнищане. Г. Соловьевъ полагаетъ, что огнищанами въ Новгородѣ назывались старшіе члены дружины и значили тоже самое, что въ другихъ княжествахъ бояре. Огнищанинъ, по его мнѣнію, означалъ человѣка, жившаго при княжескомъ огнищѣ, домочадца княжескаго, человѣка близкаго къ князю, его думца. Г. Погодинъ считаетъ названіе огнищане однозначительнымъ со словомъ житые люди, т. е. люди, имѣющіе свой очагъ, свое огнище. По мнѣнію г. Костомарова, огнищане значатъ тоже, что княжескіе дворяне. Въ Русской Правдѣ слово огнищанинъ часто замѣняется словомъ княжъ-мужъ.

Къ дружинѣ княжеской принадлежали еще тіуны, отроки и бирючи. Тіунъ означало вообще приставника. Тіуны назначались къ разнымъ обязанностямъ: смотрѣть за княжескимъ домомъ, за его конюшней, за судомъ, за сборомъ княжескихъ доходовъ, за княжескими селами. Тіуны могли быть у князя и у бояръ. Тіуномъ могъ быть и человѣкъ свободный, если онъ становился въ

обязательныя отношенія съ своимъ хозяиномъ, и холопъ, т. е. человѣкъ несвободный. Отроки составляли домашнюю прислугу князя; они служили за столомъ князю и его гостямъ и были употребляемы для разныхъ порученій.

Земскія власти.

О бокъ съ княжескою дружиною, высшимъ служилымъ классомъ, мы видимъ разныя земскія власти, которыя носятъ названіе старцевъ, мужей нарочитыхъ, сотскихъ и десятскихъ. Вмѣстѣ съ дружинниками, въ лѣтописи перечисляются земскія власти въ такомъ порядкѣ: «устави Володимеръ на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити болярамъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ.» Ясно, что дружина княжеская, дѣлившаяся на два разряда—бояръ и гридей, различалась отъ земскихъ властей. Дѣленіе народа на тысячи, сотни, десятки существовало не у однихъ русскихъ Славянъ; у Поляковъ и Чеховъ мы находимъ такое же дѣленіе.

Домашняя и общественная жизнь.

Чит. лѣт. Препод. Нестора годы: 445, 446, 475, 477, 480.

До введенія христіанства нравы русскаго языческаго общества были просты и грубы. Жестокая месть Ольги Древлянамъ, усобицы дѣтей Святослава, поведеніе Владиміра—язычника достаточно характеризуютъ нравственное состояніе тогдашняго общества. Такая же грубость видна въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ семейныхъ отношеніяхъ, въ образѣ жизни и во всемъ быту.

Князья имѣли по нѣсколько женъ и наложницъ. О Владимірѣ говорится, что онъ, кромѣ пяти женъ, держалъ триста наложницъ въ Бѣлгородѣ, триста въ Вышгородѣ и двѣсти на Берестовомъ. «И бѣ не сытъ блуда, по выраженію лѣтописца, приводя къ себѣ мужь-

ски жены и дѣвицѣ растьляя.» Въ знакъ подчиненія, молодая жена, въ первый день своего замужества, снимала сапогъ своему мужу. Впрочемъ женщина въ этомъ періодѣ не была устраняема отъ общества, какъ въ позднѣйшее время, напротивъ, она пользовалась большой свободой; ей предоставлялся даже выборъ жениха, что видно изъ разсказа о Рогнѣдѣ, княжнѣ полоцкой. Такъ, Ольга управляла государствомъ, ходила съ войскомъ противъ Древлянъ, путешествовала въ Царьградъ, объѣзжала земли, давала уставы, опредѣляла дани; княжны имѣли свои дружины, свои города и села; женщины сопровождали мужей въ битвахъ и участвовали въ ихъ пирахъ. У князей, какъ уже сказано, были жены и наложницы; первыя имѣли больше преимуществъ, но между дѣтьми не полагалось различія: дѣти отъ женъ и наложницъ имѣли одинакія права.

Мертвыхъ погребали на горахъ, насыпали курганы надъ могилами и совершали надъ покойниками тризну (поминки), состоявшую въ военныхъ играхъ и пирахъ. Арабскіе писатели говорятъ, что Славяне и Руссы сожигали своихъ мертвецовъ вмѣстѣ съ разными пожитками, животными и женами.

Жилища въ это время носили разныя названія: терема, хоромы, избы (истопки), клѣти (холодные покои), загородные дворцы. Кромѣ того упоминаются: одрины (спальни), вѣжи (чердаки). Платье называлось портами, корзнами и лудами (епанча). Для платья употреблялись ткани льняныя, шерстяныя паволоки (шелков. матеріи) и мѣха.

*

Христіанство произвело существенный переворотъ въ быту славяно-русскаго общества. Оно измѣнило его общественныя и семейныя отношенія, его воззрѣніе на жизнь и человѣка; освятило государственную власть варяжскихъ князей, указавъ ей высшую, болѣе нравственную цѣль; соединило въ одинъ народъ, въ одно общество Славянъ и Варяговъ. Со введеніемъ христіанства начинается нравственно-религіозное образованіе и первые начатки письменности. Владиміръ Св. является ревностнымъ распространителемъ христіанства и соединеннаго съ нимъ образованія; Ярославъ самъ читаетъ книги и называетъ переводчиковъ для переложенія церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ. Духовенство при Владимірѣ и Ярославѣ получаетъ большое значеніе: духовные являются и наставниками князей въ дѣлѣ спасенія, и совѣтниками въ государственномъ управленіи.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства утверждается у насъ іерархія, по образу греческому. Русская церковь составила епархію, подвѣдомственную константинопольскому патріарху. Первенствующимъ лицомъ въ русской церкви былъ митрополитъ; ему подчинены были епископы и низшее духовенство. Въ разсматриваемомъ періодѣ митрополитами были у насъ Греки, за исключеніемъ Иларіона, назначеннаго Ярославомъ изъ русскаго духовенства, по случаю разлада съ Греками. Содержаніемъ для духовенства была десятина изъ княжескихъ доходовъ; кромѣ того, высшее духовенство могло имѣть движимое и недвижимое имущество. Права и обязанности духовенства опредѣлялись церковными уставами,

составленными по византійскимъ образцамъ (Номоканонъ, кормчая); изданіе этихъ уставовъ приписываютъ Владиміру Св. и Ярославу Мудрому. Духовенство дѣлилось на черное и бѣлое. Въ этомъ періодѣ возникли монастыри. Первый, по преданію, монастырь былъ Св. Михаила, потомъ Выдубицкій. Ярославъ построилъ Георгіевскій монастырь, а супруга его Ирина — Ирининскій. Уставы этихъ монастырей были также принесены изъ Греціи. Ко времени Ярослава относится весьма важное событіе въ религіозно-нравственной жизни русскаго общества — основаніе печерскаго монастыря и вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе у насъ аскетическаго пустынно-жительства.

Извѣстно, что монашество родилось на востокѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ христіанства благочестивые и восторженные люди обрекали себя на лишенія и чрезвычайно строгую жизнь. Аскеты—такъ называли этихъ благочестивыхъ энтузіастовъ (ασκητης—подвижникъ)— положили основаніе монашескимъ обществамъ. Эти подвижники искапывали пещеры или строили кельи одна подлѣ другой; живя отдѣльно, они собирались для религіозныхъ упражненій и такимъ образомъ составляли общины. Такъ возникли монашескія общества, получившія въ послѣдствіи опредѣленную организацію, извѣстную дисциплину и письменные уставы. Первый, обратившійся къ отшельничеству русскій человѣкъ, былъ Иларіонъ, священникъ села Берестоваго, котораго Ярославъ возвелъ потомъ въ кіевскіе митрополиты; но собственно основателемъ пещернаго монашескаго житія былъ Антоній, уроженецъ города Любеча. Въ житіи Антонія гово-

рится, что онъ путешествовалъ на Аѳонъ и тамъ принялъ иноческій санъ. Монахи греческіе, отправивъ его въ Русь, сдѣлали изъ него проповѣдника благочестія. Ему предсказали, что отъ него «черньци мнози имуть быти.» Другой святой мужъ, Ѳеодосій далъ сформированному Антоніемъ обществу уставъ студійскаго греческаго монастыря. Уединеніе, созерцаніе и разрывъ съ свѣтскимъ обществомъ были источникомъ и основною чертой монашества какъ на востокѣ, такъ и въ Россіи. Отъ членовъ монашеской общины требовалась безусловная покорность власти, добровольно признанной, отреченіе отъ міра и его благъ и подавленіе плоти. Средствами для достиженія идеала монашеской жизни были: постъ, трудъ, слезы, молитва, изнуреніе и всевозможныя лишенія и страданія. При этомъ предоставлялось на волю каждаго выбирать тотъ или другой способъ для достиженія нравственнаго совершенства. Какъ на западѣ, такъ и у насъ, монашество сначала вызвало негодованіе со стороны общества, не покидавшаго еще языческихъ вѣрованій, обычаевъ и привычекъ. На западѣ первые монахи сдѣлались предмѣтомъ презрѣнія и ненависти. У насъ было то же самое. Преподобный Ѳеодосій, обличая современное общество за его грѣховную жизнь, говоритъ: «не живемъ ли по язычески, когда во встрѣчу вѣримъ? Если кто встрѣтитъ чернца или свинью, не возвращается-ли назадъ? Не по язычески-ли мы это дѣлаемъ?» И въ то же время картина отшельнической жизни, картина суровыхъ подвиговъ, энтузіазмъ, самоотверженіе поражали воображеніе народовъ. Лѣтописецъ

сравниваетъ основателя отшельническаго житія въ Россіи Антонія съ великимъ Антоніемъ египетскимъ. «Ѣлъ онъ хлѣбъ сухой и въ мѣру пилъ воду, копалъ пещеру, не давалъ себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью, пребывая въ трудахъ, бдѣніи и молитвѣ.» Такая жизнь, какъ противоположность грубой, скотской жизни тогдашняго общества, не могла не дѣйствовать на воображеніе людей, искавшихъ въ христіанствѣ удовлетворенія высшимъ стремленіямъ души. Въ монашествѣ самымъ наглядным образомъ высказались идеальныя требованія христіанства. Вотъ въ чемъ заключалась обаятельная сила монашества для немногихъ избранныхъ и укоръ для массы, которая продолжала прежнюю жизнь, медленно отставая отъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ и привычекъ.

VI.

Удѣльный періодъ.

На удѣльную систему въ наукѣ русской исторіи существуетъ много воззрѣній.

По мнѣнію *Карамзина,* вмѣстѣ съ верховною княжескою властью утвердилась и система феодальная, или удѣльная, бывшая основаніемъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ только существовали народы

германскіе. Русская замля, говоритъ Карамзинъ, была собственностью князей; они могли, кому хотѣли, раздавать области, или удѣлы. Такъ многіе Варяги получили отъ Рюрика удѣлы, супруга Игоря имѣла Вышгородъ. Варяги, владѣвшіе городами на условіяхъ помѣстной системы, назывались князьями. Объ этихъ князьяхъ упоминается въ договорѣ Олега съ Греками. Святославъ первый, по мнѣнію Карамзина, вводитъ въ обыкновеніе давать сыновьямъ особые удѣлы и этимъ подаетъ несчастный примѣръ, бывшій причиною всѣхъ бѣдствій Россіи. Признавъ русскій государственный строй начальнаго періода нашей исторіи феодальнымъ, Карамзинъ дѣлаетъ однако слѣдующее замѣчаніе: «Германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ народамъ покореннымъ. Такъ по уставу солическому, за убіеніе Франка надлежало платить 200 су—вдвое, чѣмъ за убіеніе Римлянина. Но законы Ярослава не полагаютъ никакого различія между Россіянами варяжскаго племени и Славянами: симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что князья варяжскіе не завоевали нашего отчества, но были избраны Славянами управлять государствомъ.

По мнѣнію *Полеваго,* періодъ удѣловъ продолжался 170 лѣтъ, начинаясь со смертію Ярослава (1054 г.) и оканчиваясь нашествіемъ Монголовъ (1224 г.). Въ періодѣ до Ярослава Полевой видитъ западно-европейскій феодолизмъ, съ Ярослава систему удѣловъ, обладаемыхъ членами одного рода подъ властью старшаго въ родѣ (феодализмъ семейный). Система удѣловъ, по мнѣнію

Полеваго, составляетъ переходъ отъ феодализма къ монархіи. Отличіе воззрѣнія Полеваго отъ воззрѣнія Карамзина состоитъ въ томъ, что Полевой видитъ въ удѣльной Руси всѣ тѣ элементы и отношенія, изъ которыхъ сложилась историческая жизнь западно-европейскихъ народовъ въ средніе вѣка, т. е: городскія общины, феодальную аристократію и преобладаніе церкви.

По воззрѣнію г. *Погодина,* періодъ удѣльный занимаетъ время отъ кончины перваго единовластителя русской земли Ярослава (1054 г.) до вступленія на престолъ Іоанна III, слѣдовательно продолжается слишкомъ 400 лѣтъ. Политическій характеръ всего этого періода, по мнѣнію г. Погодина, есть дѣленіе, раздробленіе и происходившія отъ того междоусобія. Въ основаніи междукняжескихъ отношеній въ удѣльномъ періодѣ г. Погодинъ видитъ *наслѣдственное право,* состоявшее въ семейномъ обычаѣ, который искони передавался изъ рода въ родъ безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Г. Погодинъ не объясняетъ, откуда явился этотъ обычай, опредѣлявшій наслѣдственное право; былъ ли онъ туземный обычай или принесенъ варяжскими князьями. Равнымъ образомъ онъ не различаетъ началъ, опредѣлявшихъ ходъ нашей исторической жизни древняго времени. По мнѣнію г. Погодина, борьба между князьями шла за удѣлы, а не за родовыя отношенія; главною причиною, источникомъ и цѣлью всѣхъ княжескихъ войнъ были волости, т. е. владѣнія.

Г. *Устряловъ,* касательно пространства удѣльной системы раздѣляетъ мнѣніе г. Погодина, но присоедиия-

етъ и объясненіе происхожденія господствовавшихъ тогда началъ. За основаніе удѣльной системы г. Устряловъ примаетъ скандинавскій обычай, по которому каждый сынъ конунга имѣлъ право на конунгаръ, или удѣлъ. Этотъ обычай, опредѣлявшій порядокъ престоло наслѣдія въ Скандинавіи принесенъ Норманнами и въ основанную ими русскую державу. Вслѣдствіе сего уже Рюрикъ долженъ былъ раздѣлить покоренный участокъ земли славянской съ своими братьями на 3 удѣла. Святославъ также раздѣлилъ Русь между своими сыновьями на 3 удѣла, Владиміръ—на 8, а Ярославъ—на 5, по числу сыновей. Съ Ярослава удѣльная система утвердилась окончательно. Г. Устряловъ отличаетъ удѣльную систему отъ феодальной, находя между ними такое различіе: феодализмъ на Западѣ сопровождался борьбою королей съ вассалами, которые, воспользовавшись безсиліемъ королевской власти, обратили земли, пожалованныя на время, въ потомственное владѣніе и стремились къ полной независимости: въ этой борьбѣ принимаютъ участіе папы и городскія общины; первые поддерживаютъ феодальную систему, а послѣдніе содѣйствуютъ королямъ подавить ее. Наша удѣльная система, по мнѣнію г. Устрялова, представляетъ совершенно другія основанія. Князья русскіе, какъ члены владѣтельнаго дома, имѣли неоспоримыя права на удѣлы, въ которыхъ они при томъ были полновластными, независимыми владѣтелями. Старшій въ родѣ княжескомъ, или великій князь, хотя былъ главою Руси, но не могъ располагать удѣлами другихъ князей, которые считали себя равными ему государями, и только въ общихъ

дѣлахъ, касавшихся всей русской земли, признавали его посредникомъ. При такихъ основаніяхъ, наша удѣльная систела, по воззрѣнію г. Устрялова, представляетъ союзъ многихъ княжествъ, по праву независимыхъ, самостоятельныхъ, но соединенныхъ въ одно цѣлое вѣрою, языкомъ, господствомъ одного дома и убѣжденіемъ необходимости одной верховной власти. Ни бояре, ни духовенство, ни городскія общины не имѣли прямаго вліянія на образованіе и паденіе удѣльной системы. Она возникла отъ дѣлежа русской земли между многими линіями Рюрикова дома и пала подъ ударами князей московскихъ и литовскихъ. Удѣльная система, по мнѣнію г. Устрялова, представляетъ слѣдующіе главные моменты: a) споры дѣтей и внуковъ Ярослава за удѣлы; b) возвышеніе дома Владиміра Монамаха; c) борьба за первенство; d) раздробленіе Руси на независимыя княжества.

Историко-юридическая школа — во главѣ которой Эверсъ — опровергаетъ взгляды Карамзина и гг. Устрялова и Погодина тѣмъ, что не признаетъ вовсе дѣленія Руси на удѣлы до половины 13 вѣка и въ основаніи всѣхъ явленій и событій нашей древней исторіи видитъ *родовое начало*.

Эверсъ въ древней нашей исторіи до Ярослава видитъ патріархально родовой бытъ, свойственный каждому народу на первой ступени исторической жизни. Первые русскіе князья составляютъ владѣтельный родъ, отношенія между членами коего основываются на родовомъ началѣ: старшій въ родѣ является представителемъ, главою рода, великимъ княземъ; остальные родичи находятся

къ нему въ родственныхъ, сыновныхъ отношеніяхъ; весь родъ княжескій владѣетъ Русью собща, нераздѣльно, потому что на первой ступени общественной жизни частной собственности не существуетъ. Поэтому Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ не раздѣляютъ Руси на удѣлы, а владѣютъ ею цѣлымъ родомъ, какъ общею родовою собственностью. Святославъ, по мнѣнію Эверса, не дѣлилъ государства между своими сыновьями, а назначалъ ихъ только правителями областей, своими намѣстниками.—

Г. *Кавелинъ*—въ своей статьѣ «Юридическій бытъ древней Руси»—также признаетъ господство родоваго начала въ древней Руси; такъ называемая удѣльная система, по его мнѣнію, начинается послѣ смерти Ярослава. По истолкованію г. Кавелина, Ярославъ, князь чисто русскій, задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на родовомъ началѣ. По его наряду вся Русь должна была принадлежать одному княжескому роду; каждый князь, членъ рода, получалъ свою часть, но на какомъ основаніи владѣлъ ею—это неизвѣстно. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями (великимъ); ему, какъ старшему, должны бы подчиняться всѣ прочіе князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою; онъ былъ представителемъ единства княжескаго рода, главою всѣхъ князей и вмѣстѣ представителемъ политическаго единства Руси. По завѣщанію Ярослава, старшій сынъ его занимаетъ Кіевъ, какъ главный городъ; остальные князья—другіе города, но также, смотря по степени ихъ стар-

шинства. Слѣдовательно вмѣстѣ съ *іерархіею родовою* между князьями утверждается и *іерархія городовая* или *территоріальная*. Наслѣдство кіевскаго стола, по родовому началу, слѣдовало такому порядку: послѣ общаго родоначальника старшимъ въ родѣ княжескомъ (великимъ княземъ) былъ его старшій сынъ, потомъ второй, потомъ третій и т. д. Послѣ этого ближайшаго потомства родоначальника старшинство въ родѣ переходило къ старшему внуку родоначальника, потомъ ко второму, потомъ сыновьямъ втораго родоначальника по степени старшинства. Но при господствѣ этого чисто родоваго начала г. Кавелинъ замѣчаетъ зарождающимся и другое, называемое имъ *семейственнымъ* или *отчиннымъ*. По этому началу, старшій внукъ родоначальника присваиваетъ себѣ права старшаго дяди, основанныя на чистомъ родовомъ началѣ. Это отчинное начало наконецъ одерживаетъ верхъ надъ родовымъ и разлагаетъ родъ Ярослава на отдѣльныя самостоятельныя линіи. Съ раздробленіемъ рода Ярославова на отдѣльныя вѣтви, теряется политическое единство Руси, и она распадается на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга, изъ которыхъ каждая во главѣ своей имѣетъ особый княжескій родъ. Потомъ и эти отдѣльныя княжества раздробляются на мельчайшія части и обращаются въ вотчины князей, которыя они уже дѣлятъ между своими дѣтьми, какъ частную собственность. Такая перемѣна въ междукняжескихъ отношеніяхъ начинается съ Андрея Боголюбскаго, который представляетъ типъ вотчинника, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній.

Всѣ эти перемѣны въ государственной жизни удѣльнаго времени произошли, по мнѣнію г. Кавелина, тихо и незамѣтно; никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; всѣ измѣнія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту, развились органически изъ самаго патріархальнаго родового быта; по этому наша удѣльная исторія представляетъ совершенно естественное перерожденіе *кровнаго быта* въ *юридическій* и *гражданскій*. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій собща всею русскою землею; отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости: князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного княжества въ другое, считаясь между собою только по родству старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробляется на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли, или княжествомъ; князья начинаютъ смотрѣть на свои владѣнія, какъ на отчинны, какъ на наслѣдственную собственность, которою они могутъ распоряжаться по произволу. И такъ, по мнѣнію г. Кавелина, новыя отношенія между князьями на сѣверѣ происходятъ вслѣдствіе распаденія рода на отдѣльныя вѣтви или семьи, отъ чего происходитъ распаденіе территоріи на отдѣльныя части или отчины. Такимъ образомъ *родовыя отношенія* замѣняются *семейственными, отчинными* или *гражданско-юридическими*.

Г. *Соловьевъ* высказалъ свой взглядъ на удѣльный

періодъ въ своемъ сочиненіи «исторія отношеній между князьями Рюрикова дома». По взгляду г.Соловьева, исторія княжескихъ отношеній представляетъ два періода: первый до Андрея Боголюбскаго, а второй отъ Андрея Боголюбскаго до Іоанна III. Въ первомъ періодѣ г. Соловьевъ видитъ исключительное господство *родовыхъ отношеній;* во второмъ, съ Андрея Боголюбскаго, является попытка смѣнить родовыя отношенія *государственными*, отчего начинается борьба между князьями южной и сѣверной Руси; первые являются поборниками родовыхъ отношеній, а вторые—государственныхъ. Борьба эта при раздробленіи княжескаго рода на отдѣльныя вѣтви, сопровождается еще борьбою отдѣльныхъ княжествъ съ цѣлью усиленія одного на счетъ другаго, при чемъ окончательная побѣда остается на сторонѣ московскихъ князей. По мнѣнію г. Соловьева, до половины XIII в. Русь не была раздѣлена на удѣлы, а составляла общую, нераздѣльную собственность цѣлаго княжескаго рода; князья спорили между собою не за удѣлы, а за родовыя права. Самое слово удѣлъ не встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ до половины XIII вѣка, потому что въ это время, при господствѣ родовыхъ отношеній, не было понятія о выдѣлѣ, о частной собственности.

Г. Соловьевъ, подобно г. Кавелину, полагаетъ, что родовыя отношенія натурально, сами собою, преобразовались въ государственныя, на что впрочемъ, по его мнѣнію, имѣли вліяніе чисто мѣстныя условія сѣверной Руси и система новыхъ городовъ, построенныхъ князьями. На сѣверѣ является князь (Андрей Боголюбскій), который,

почувствовавъ матеріальную силу, требуетъ отъ младшихъ князей безпрекословнаго повиновенія; младшіе не хотятъ повиноваться ему, какъ государю и быть простыми его подручниками; отсюда начинается борьба, въ которой мало по малу младшіе должны были признать новыя отношенія и подчиниться старшему, какъ государю. Эта борьба родовыхъ отношеній съ государственными начинается въ XII в. и оканчивается полнымъ торжествомъ государственныхъ отношеній въ XII в., при Іоаннѣ IV. Отличіе воззрѣнія г. Соловьева отъ воззрѣнія г. Кавелина состоитъ въ томъ, что г. Соловьевъ не признаетъ посредствующаго начала между *началами родовымъ* и *государственнымъ*—такъ называемаго *семейственнаго* или *отчиннаго начала*. По мнѣнію г. Соловьева, родовыя отношенія преобразуются въ государственныя вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе построенія на сѣверо-востокѣ новыхъ городовъ. Въ южныхъ и западныхъ областяхъ Руси славянское населеніе было, по словамъ г. Соловьева, старыми хозяевами; князья же были пришельцами. На востокѣ, наоборотъ, Славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь, который строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы. Насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти то отношенія народонаселенія къ князю легли въ основу того сильнаго развитія власти, какое видимъ на сѣверѣ въ противоположность югу.

Г. *Костомаровъ* не признаетъ такъ называемыхъ

родовыхъ отношеній между князьями и порядка престолонаслѣдія по праву старшинства. По его мнѣнію, единственное право князя княжить въ Кіевѣ было избраніе народа. «Такъ называемая удѣльная система, говоритъ онъ, сколько ее ни старались уяснить, опредѣлить, до сихъ поръ не выяснилась для насъ. Мы придавали слишкомъ много значенія еще, такъ сказать, рудиментарнымъ правиламъ о столонаслѣдіи въ XI в.; а они у самыхъ князей были тогда еще не выработаны, не опредѣлены; народъ же, по всѣму видно, вовсе ихъ не сознавалъ; народъ зналъ одно собственное право—право выбора, и принималъ одинъ родъ, изъ котораго, по своему усмотрѣнію, дѣлалъ выборъ.»

Г. *Бѣляевъ*, въ своихъ «Разсказахъ изъ русской исторіи», ставитъ на первомъ планѣ земщину; власть же княжеская, по его словамъ, лежала, какъ бы на поверхности общества. Общество распоряжалось самостоятельно и только платило установленные доходы своему князю. Судъ и охраненіе внутренней безопасности общества принадлежали не князю, а самому обществу. Князь принималъ на себя обязанность суда, когда судомъ общества были недовольны, или когда средства общества для охраненія порядка оказывались недостаточными. Земцы сами защищались отъ набѣговъ непріятельскихъ, сами назначали войну съ сосѣдями или возмутившимися своими данниками—инородцами.

Такимъ образомъ, трудами исчисленныхъ историковъ, удѣльный періодъ прояснѣлъ и осмыслился; но наука еще ждетъ такихъ трудовъ, которые не страдали бы

односторонним построеніемъ всей исторіи на однихъ какихъ нибудь избранныхъ началахъ, и въ которыхъ разрозненныя черты и разнообразныя начала жизни удѣльнаго періода были бы изображены въ системѣ и полнотѣ. Г. Устряловымъ удачно описаны характеристическія черты удѣльной системы и вѣрно указаны ея моменты; историко-юридическая школа вѣрно указала на важнѣйшее начало (родовое), господствующее въ политической жизни удѣльнаго времени; г. Соловьевъ также вѣрно указалъ на мѣсто, гдѣ окрѣпло государственное начало, а также и на благопріятствовавшія ему условія; г. Костомаровъ основательно указываетъ на выборное начало, имѣвшее мѣсто въ государственномъ быту разсматриваемаго времени; но сдѣланныя всѣми поименованными учеными разъясненія нуждаются въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ и пополненіяхъ. Такимъ образомъ, соглашаясь, что обстоятельства, указанныя г.Соловьевымъ (колонизація, новые города) много помогли усиленію сѣверныхъ князей, мы должны замѣтить, что они не объясняютъ возникновенія самаго государственнаго начала. Андрей Боголюбскій, какъ извѣстно, погибъ мученическою смертію за несвоевременную попытку сдѣлаться самовластцемъ; онъ встрѣтилъ сопротивленіе въ дружинѣ и въ народонаселеніи: какъ видно, поселенцы на сѣверовостокѣ также не сочувствовали единовластію, какъ и старые обитатели въ югозападныхъ областяхъ. Одно только духовенство поняло то начало, во имя котораго дѣйствовалъ Андрей Боголюбскій. Лѣтописецъ такъ объясняетъ причину сумятицы въ Суздальской землѣ по убіеніи

Андрея Боголюбскаго: «не вѣряху бо, что князь не туне мечь носитъ: Божій бо слуга есть.....»

Равнымъ образомъ мы не можемъ вполнѣ согласиться съ заключеніями г. Костомарова о значеніи выборнаго начала въ удѣльномъ періодѣ, а еще менѣе съ произвольнымъ изображеніемъ г. Бѣляева правъ и значенія земщины. Дѣйствительно выборное начало имѣло мѣсто при занятіи тѣмъ или другимъ княземъ кіевскаго стола, но никогда это право не могло взять перевѣса надъ силою и даже надъ тѣмъ обычнымъ правомъ, которымъ руководились князья. Вообще мы нигдѣ не видимъ, во время удѣльнаго періода, сознательнаго ограниченія княжеской власти со стороны земщины; и въ самой земщинѣ не видимъ ясно пониманія своихъ правъ и обязанностей. Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что власть княжеская сталкивается съ волею народа, иногда уступаетъ ей, но чаще беретъ надъ нею перевѣсъ. Земщина во времена отдаленныя, равно какъ и во времена позднѣйшія, въ Московскомъ государствѣ, имѣла только голосъ совѣщательный: князья въ важныхъ случаяхъ созываютъ вѣче, или представителей народа, лучшихъ людей, предлагаютъ имъ разные вопросы; земщина или пассивно принимаетъ рѣшеніе власти, или отвѣчаетъ уклончиво, неопредѣленно. Земщина, обыкновенно, до послѣдней крайности терпитъ гнетъ княжеской власти и насилія со стороны администраціи, и только при благопріятныхъ случаяхъ,—большею частію по смерти нелюбимаго князя,—въ отомщеніе, грабитъ и изгоняетъ его дружину и сторонниковъ. Значеніе земщины условливалось положені-

*

Чит.лѣтоп.Пр. Нест., годы — 1067, 1093, 1095, 1097.

емъ власти и обстоятельствами, въ которыхъ находилась эта послѣдняя. Обыкновенно земцы созывались только въ такихъ случаяхъ, когда князь предпринималъ войну; согласіе земщины важно было въ этомъ случаѣ, потому что сами же земцы на свой счетъ отправлялись въ походъ. Мы не знаемъ случая, чтобы князь созывалъ вѣче при изданіи новаго закона и введеніи новаго устава. Князь, по старому обычаю, думалъ съ дружиною о строѣ земскомъ и объ уставахъ земскихъ. Такъ сыновья Ярослава совѣщаются съ своими мужами относительно замѣны права кровавой мести; Мономахъ, рѣшивъ сдѣлать дополненіе къ Русской Правдѣ, созываетъ для совѣщанія тысяцкихъ: кіевскаго, бѣлогородскаго, черниговскаго и переяславскаго. Судъ и расправа находились въ вѣдѣніи княжескихъ чиновниковъ—тіуновъ и рядовичей. Народъ постоянно жалуется на насиліе и на грабежъ княжескихъ слугъ. Такъ лѣтописецъ говоритъ, что при Всеволодѣ не доходила къ людямъ правда князя, начали тіуны грабить, людей продавать. Такимъ образомъ совершенно ясно, что даже община кіевская не имѣла значенія самостоятельной и сознательной политической силы. Причина такого ея безсилія заключалась въ отсутствіи въ странѣ земскаго боярства—независимаго класса большихъ землевладѣльцевъ. «Бояре кіевскіе, какъ справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ, были боярами не княжества, а князя....» «Бояре кіевскіе и дружинники князей, говоритъ г. Костомаровъ, не составляли пріемственныхъ туземныхъ сословій; новые пришельцы безпрестанно являлись—одни приходили, другіе уходили, переходили отъ одного князя

къ другому: сегодня въ Черниговѣ, завтра въ Кіевѣ, потомъ въ Галичѣ.... Отъ этого, занимая видное мѣсто при князьяхъ, они мало были связаны съ народомъ нравственными узами и думали о своихъ личныхъ выгодахъ на счетъ народа». Эта-то воинственная толпа изъ людей всякаго рода и всякаго состоянія, силою случая вырвавшаяся на верхъ, собственно и была дѣйствующею политическою силою, управлявшею дѣлами края и его судьбою.

Относительно вопроса о составныхъ элементахъ и дѣйствующихъ началахъ въ государственной и общественной жизни удѣльнаго періода мы должны сказать, что не можемъ согласиться съ гг. Кавелинымъ и Соловьевымъ, что бы политическій элементъ одинъ сосредоточивалъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси, и чтобы всѣ измѣненія, совершившіяся въ нашемъ политическомъ быту развились органически изъ одного родоваго начала. Мы видимъ три элемента въ образованіи Русскаго государства и русскаго общества: *элементъ варяжскій*—дружинный, *элементъ славянскій*—общинный и *элементъ христіанскій*—общечеловѣческій.

До Ярослава элементъ варяжскій преобладаетъ въ средѣ полической и общественной. Первые русскіе князья являются вождями дружины; въ ихъ личностяхъ и дѣйствіяхъ ясно обнаруживается норманскій характеръ. Силою оружія и административными мѣрами они соединяютъ славянскія племена, дѣлаютъ набѣги на Византію единственно съ цѣлію грабежа и полученія дани; вводятъ систему областнаго управленія; раздаютъ города

своимъ сподвижникамъ, лучшимъ мужамъ изъ дружины; управляютъ страною посредствомъ намѣстниковъ—посадниковъ. Князья кіевскіе опираясь на дружину и на заморскихъ союзниковъ (наемныхъ Варяговъ), стремятся къ самовластію, смотрятъ на младшихъ князей, какъ на подручниковъ, что—какъ мы видѣли—вызвало противодѣйствіе со стороны младшихъ князей и пробудило движеніе въ славянскихъ обществахъ, которыя также тяготились самовластительствомъ князей и зависимостью отъ Кіева. Съ Ярослава отношенія князей между собою утверждаются на родовомъ общеславянскомъ началѣ. По наряду Ярослава, старшій сынъ его Изяславъ получилъ Кіевъ, а остальные сыновья получаютъ другіе города, соотвѣтственно ихъ степени старшинства. Младшіе братья должны были находиться къ старшему въ сыновнихъ отношеніяхъ, должны были слушаться его какъ отца; старшій долженствовалъ быть посредникомъ между ними, сохранять нарядъ, стоять за единство рода и цѣлость русской земли. Но родовыя отношенія скоро обнаруживаютъ свою несостоятельность; родъ Ярослава распадается на отдѣльныя вѣтви, а вмѣстѣ съ нимъ распадается и территорія на отдѣльныя волости, или отчины. Одинъ только Кіевъ или собственно русская земля, составляетъ общую, нераздѣльную собственность цѣлаго княжескаго рода, и потому право ва престолъ кіевскій принадлежитъ старшему въ родѣ Ярослава; но и это право часто нарушается силою оружія и волею народа.

Вліяніе христіанства на ходъ нашей политической и общественной жизни было также велико. Христіанство

подавляетъ кровное, родовое начало и вноситъ духовный разумный принципъ въ политическую и общественную жизнь древней Руси; подъ вліяніемъ христіанства постепенно преобразуется государство, общество и человѣкъ; поэтому общество церковное въ нравственномъ отношеніи беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ свѣтскимъ и могущественно вліяетъ на верховную власть. Преобладаніемъ церкви въ нравственной и умственной сферѣ объясняются религіозное настроеніе эпохи, религіозный энтузіазмъ отдѣльныхъ личностей, умноженіе монастырей, борьба съ невѣрными; подъ вліяніетъ церкви измѣняется и понятіе о верховной власти. Греческое духовенство, вмѣстѣ съ церковною іерархіею, принесло къ нимъ свое воззрѣніе на государство, на происхожденіе и значеніе верховной власти. Оно смотрѣло на князей, какъ на помазанниковъ свыше, какъ на неограниченныхъ владыкъ. По старымъ славянскимъ понятіямъ князья были выборные правители, зависѣвшіе отъ народной воли; ученіе, принесенное изъ Византіи, стало придавать имъ значеніе, подобное значенію византійскихъ государей. Помощь духовенства является всюду, гдѣ только совершалось движеніе въ пользу единодержавія. Духовенство было на сторонѣ родоваго старѣйшинства князей и поддерживало его въ противорѣчіе праву свободнаго народнаго призыва. Зародышъ единовластія—въ принесенныхъ къ намъ еще въ X и XI вѣкахъ греческихъ понятіяхъ и больше всего—въ *Кормчей*, гдѣ еще въ эти, далекія отъ господства единодержавія, времена читали наши предки, что народы, которые не имѣютъ властелина, а управляются

сами собою—варвары. Уже при Владимірѣ св. начинается вліяніе духовенства въ этомъ духѣ. Епископы говорятъ Владиміру св., что онъ поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милованіе добрымъ; по ихъ совѣту Владиміръ отмѣняетъ виру за убійство и велитъ казнить разбойниковъ. Преподобный Несторъ, обличая Святополка за то, что онъ хотѣлъ сдѣлаться самовластцемъ, избивши братьевъ, высказываетъ такое воззрѣніе на власть верховную: «Помысливъ высокоумiемъ своимъ (Святополкъ), не вѣдая, что Богъ даетъ власть, кому хочетъ, поставляетъ царя и князя Вышній; и если какая земля управится предъ Богомъ, то поставляетъ ей царя или князя правдиваго, любящаго судъ и правду, и властителя устрояетъ и судью, правящаго судъ.» Митрополитъ Никифоръ, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Владиміру Мономаху, называетъ его отраслію царскою, помазанникомъ свыше, находитъ его совершеннымъ по всѣмъ силамъ души, сравниваетъ князя съ душею въ тѣлѣ человѣческомъ. Въ лѣтописныхъ сборникахъ позднѣйшаго времени находимъ сказаніе о посольствѣ Алексѣя Комнена къ Владиміру Мономаху. Въ сказаніи говорится, что Алексѣй Комненъ прислалъ Мономаху вѣнецъ царскій, бармы и чашу сердоликовую, изъ которой пилъ Августъ-Цезарь; что онъ называлъ Мономаха единокровнымъ себѣ, отраслію царей византійскихъ. Эти атрибуты царственнаго достоинства Мономаха, подарокъ византійской имперіи, переходили изъ рода въ родъ въ поколѣніи Мономаха. Московскіе князья, потомки Юрія Мономаховича, въ своихъ завѣщаніяхъ постоянно передаютъ

эти регаліи старшимъ своимъ сыновьямъ. Такимъ образомъ, при содѣйствіи духовенства, подъ вліяніемъ принесенныхъ понятій о верховной власти, родовыя между княжескія отношенія переходятъ въ государственныя. Стремленіе Боголюбскаго замѣнить родовыя отношенія государственными было не ново; онъ былъ продолжателемъ начатаго его предшественниками.

VII.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ Ярослава до половины XIII в.

Территорія.

Русская земля въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. всѣ Русскія владѣнія—раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ земель, или волостей: Русская земля въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. Кіевъ и его область, Черниговская, Суздальская, Смоленская, Полоцкая, Владимірская, Волынская и Галицкая земли.

Трудно опредѣлить границы Русской земли въ описываемую эпоху. Русскій Переяславль на Альтѣ и Трубежѣ былъ пограничный городъ; за нимъ начиналась переяславская украйна. Въ нынѣшней Полтавской губерніи, въ началѣ 12 в., упоминаются русскіе города:

Роменъ, Хоролъ, Прилуки. Граница русская на югѣ подвигалась впередъ при успѣхѣ въ борьбѣ съ Половцами, при неудачѣ — отодвигалась назадъ. Съ передвиженіемъ границы, новый городъ, возникавшій въ непріятельской землѣ, означалъ новую границу, а старая становилась внутреннею землею и заселялась. Крайнимъ городомъ на сѣверѣ была Ладога, на востокѣ — Владиміръ Залѣсскій, на западѣ — Туровъ. Русскія владѣнія въ нынѣшней Галиціи простирались до р. Сана. Ростовъ Муромъ, Тмуторокань были колоніями южнорусскихъ земель; первые два, находившіеся въ землѣ, населенной финскими племенами, долго не входили въ составъ русскихъ владѣній. Слово *волость* означало и княженіе (власть) и княжество (владѣніе), область, территорія, но чаще употреблялось въ смыслѣ владѣнія, княжества, административнаго участка. Волостью также называлась окружная земля въ противоположность городу.

Города. Каждая область имѣла центральный, главный городъ, мѣстопребываніе князя и другихъ властей — пригороды и села, зависѣвшіе отъ главнаго города. Объ отношеніи пригородовъ къ старѣйшимъ, главнымъ городамъ можно имѣть понятіе изъ одного мѣста лѣтописи, гдѣ говорится: «Новгородцы изъ начала, и Смоляне, и Кіевляне, и Полочане, и всѣ власти какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ», т. е. младшіе города, или пригороды подчинялись рѣшеніямъ вѣча старшаго города. Пригороды управлялись посадниками, посылаемыми изъ главнаго города. Съ половины XII вѣка пригороды начина-

ютъ отдѣляться отъ главныхъ городовъ; младшіе города обнаруживаютъ стремленіе имѣть своихъ князей и освободиться отъ подчиненности властямъ старшаго города. Обособленіе младшихъ городовъ совпадаетъ съ распаденіемъ княжескаго рода на отдѣльныя семьи. Зависимость пригородовъ отъ большихъ городовъ въ началѣ разсматриваемаго періода соотвѣтствовала зависимости младшихъ князей отъ старшихъ; старшій князь занималъ главный столъ, сидя въ главномъ городѣ княжества; князья младшіе занимали второстепенные города, смотря по степени старшинства. Съ ослабленіемъ кровной связи между членами княжескаго рода, съ обнаруженіемъ стремленія младшихъ князей освободиться отъ подчиненности старшимъ, происходитъ обособленіе младшихъ городовъ отъ старшихъ: пригороды становятся отдѣльными городами и получаютъ независимыхъ князей.

О русскомъ городѣ въ этомъ періодѣ сохранилось мало свѣденій. Какъ видно, городами назывались укрѣпленныя мѣста, основывавшіяся на границахъ, куда укрывалось сельское населеніе въ случаѣ нападенія кочевниковъ. Что касается до внѣшняго вида русскаго города въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: города внутренняго (днѣшній), огороженнаго стѣнами, и который назывался *дѣтинцемъ*, и города наружнаго (окольный, окромный), который назывался *острогомъ*; тотъ и другой имѣли ворота. Окрестности города, или дѣтинца, назывались предгородіемъ. Стѣны были каменныя и деревянныя, съ заборами, башнями (вѣжами) и воротами. Строенія тогда были

исключительно деревянныя; церкви каменныя и деревянныя.

Въ городахъ жили дружина (по преимуществу служилое и военное сословіе) и собственно граждане-горожане. Горожане состояли изъ людей торговыхъ и промышленныхъ — купцовъ и ремесленниковъ. Начальствующими лицами въ городѣ были: въ стольномъ, главномъ городѣ — князь, державшій подлѣ себя тіуна, въ пригородахъ—посадникъ, тоже, вѣроятно, имѣвшій подлѣ себя тіуна; кромѣ того тысяцкіе, сотскіе, десятскіе, старосты концовъ и улицъ, старосты отдѣльныхъ промысловъ. Изъ лицъ, употреблявшихся при управленіи и судѣ, встрѣчаемъ названія: подвойскихъ, бирючей, ябедниковъ, мечниковъ.

дружина.

Отъ смерти Ярослава до смерти Святополка дружина сохраняетъ прежнее значеніе: князья управляютъ землею при посредствѣ дружинниковъ; дружинникамъ поручаютъ судъ и расправу, собираніе дани, судныхъ пошлинъ и другія административныя обязанности: дружина составляетъ совѣтъ князя; съ нею онъ думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставахъ и ходилъ на войну. Князь не отдѣлялъ своихъ выгодъ отъ выгодъ дружины, ничего не щадилъ для послѣдней, ничего не откладывалъ собственно для себя, жилъ съ нею въ братскомъ, задушевномъ кружку, не скрывая отъ нея имѣнія, не тая думъ своихъ и намѣреній. Дружина составляла отборное войско и дворъ князя. При перемѣщеніи князя изъ одной волости въ другую перемѣщалась и дружина; если одинъ князь силою выгонялъ другаго изъ волости,

то изгонялась и дружина побѣжденнаго князя. При этомъ дружинникъ имѣлъ полную свободу переходить изъ службы одного князя въ службу другаго, что не считалось измѣной, по тогдашнимъ понятіямъ. Въ послѣдствіи обычай перехода даже возведенъ въ право: князья, въ своихъ договорахъ, обязываются не препятствовать имъ въ этомъ.

При такихъ отношеніяхъ, дружина долго не могла сдѣлаться осѣдлою, стать во главѣ земщины. Но съ 12 в., въ старыхъ вѣчевыхъ городахъ — Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, дружина начинаетъ дѣйствовать за одно съ земщиной. Въ этихъ городахъ дружинники начинаютъ пріобрѣтать осѣдлость, дѣлаются землевладѣльцами, земскими боярами. Такъ въ Кіевѣ была старая дружина, не смѣнявшаяся съ перемѣной князей; въ противоположность ей дружина, приходившая съ новымъ княземъ, называлась новою, пришлою. Первая обыкновенно дѣйствуетъ въ интересахъ народа, послѣдняя поддерживаетъ князя изъ личныхъ выгодъ. Такъ приведенная въ Кіевъ Святополкомъ дружина называется у лѣтописца «несмысленною», потому что давала дурные совѣты князю во вредъ землѣ и народу. Эту пришлую дружину лѣтописецъ обвиняетъ въ насиліяхъ и злоупотребленіяхъ. Когда Ольговичи овладѣли Кіевомъ, то привели съ собою черниговскую дружину, которая «заѣхала» старую кіевскую дружину и грабила народъ; отсюда произошла оппозиція Кіевлянъ Ольговичамъ и изгнаніе послѣднихъ изъ Кіева. Въ лѣтописи говорится, что Кіевляне, выгнавши Ольговичей, разграбили дома дружины

Игоря и Всеволода, взяли ихъ села и нашли много имущества въ домахъ ихъ и въ монастыряхъ. Подобное явленіе мы видимъ по смерти Юрія Долгорукаго: Кіевляне убиваютъ Суздальцевъ, дружину Юрія, пришедшую съ нимъ изъ Суздаля, грабятъ ея имущество въ городахъ и селахъ.

Съ XII в., съ княженія Святополка, измѣняется отношеніе князей къ народу. Въ Кіевѣ князь, въ важныхъ случаяхъ, призываетъ на совѣтъ не одну дружину, но весь народъ: духовенство, бояръ и людей градскихъ, объявляетъ походъ на вѣчѣ и заключаетъ миръ съ согласія народа. При вступленіи на столъ князя берутъ «рядъ», т. е. заключаютъ извѣстныя условія съ дружиной и народомъ. Въ чемъ состояли эти ряды, мы незнаемъ. Въ Новгородѣ и Псковѣ и вообще въ вѣчевыхъ городахъ власть князя при управленіи землею ограничивается вѣчемъ. Подобныя отношенія князя къ народу существовали и въ другихъ городахъ. Въ Руси восточной (въ Суздальской землѣ) дружина княжеская беретъ перевѣсъ надъ общиной, отчего и власть княжеская получаетъ болѣе силы и значенія. При содѣйствіи дружины, князья подавляютъ вѣчевое устройство городовъ и дѣлаются «самовладцами», по выраженію лѣтописца. Въ Руси западной, въ княжествѣ Галицкомъ, усиливается также служилое сословіе, вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ странъ Польши и Венгріи. Уже въ 12 в. боярство галицкое начинаетъ дѣйствовать въ сословномъ интересѣ, обособляется отъ князей и народа. Заразительный примѣръ сосѣдняго магнатства польскаго и венгерскаго про-

будилъ олигархическо-аристократическій духъ и въ галицкомъ боярствѣ.

По старому дружина раздѣлялась на старшую и младшую. Члены старшей дружины назывались *мужами*, *боярами* и были попреимуществу думцами, совѣтниками князя; младшая дружина называлась *молодь*, *молодые люди*, *гридьба*. Въ составъ дружины входила также и собственная прислуга князя, жившая постоянно при немъ, въ его домѣ: *отроки*, *дѣтскіе*, *пасынки*, *тіуны*, *мечники* и проч. Изъ бояръ князь назначалъ тысяцкихъ, воеводъ и посадниковъ. Бояре имѣли свои дома въ стольномъ городѣ княжества, имѣли также свои села. Какого рода были эти села; составляли-ли они отчины или временныя помѣстья, даваемыя князьями за службу—неизвѣстно.

Сельское населеніе, въ противоположность городскому, вообще называлось *смердами*. По прежнему оно раздѣлялось на свободное и не свободное. Послѣднее состояло изъ княжеской челяди, рабовъ, холопей и наймитовъ. Полный холопъ назывался обельнымъ, обелью, а въ Новгородѣ—одерень. Земщина.

О количествѣ народонаселенія русскихъ городовъ и волостей, въ описываемое время, нѣтъ показаній ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ источникахъ. Трудно опредѣлить и число самыхъ городовъ. Г. Соловьевъ насчитываетъ, по лѣтописи, до 300 городовъ во всѣхъ русскихъ областяхъ; г. Погодинъ насчитываетъ болѣе 200 городовъ и другихъ населенныхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, въ княжествахъ Кіевскомъ и Галицкомъ. Можно полагать, что населеніе этихъ городовъ

было немногочисленно. Междоусобныя войны и половецкіе набѣги истребляли много народа. Лѣтописецъ, изображая бѣдствія Руси, въ княженіе Святополка, отъ нашествія Половцевъ, говоритъ: «опустѣли города наши и села наши, и бѣгали мы предъ врагами нашими; лукавіи сыны Измаиловы жгли села, гумна и храмы; все опустѣло, и заросшія нивы сдѣлались жилищемъ звѣрей. Печальные, измученные, цѣпенѣя отъ холода, съ осунувшимися лицами отъ горя, жажды и голода, босые и нагіе, шли русскіе плѣнники по невѣдомой странѣ и со слезами повѣдали другъ другу: я изъ такого города, я изъ такой веси.» Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» читаемъ, что въ княжескихъ крамолахъ гибла и сокращалась жизнь людская; что въ Русской землѣ рѣдко слышались голоса земледѣльцевъ, но часто вороны каркали, раздѣляя трупы; часто вели рѣчь галки, собираясь летѣть на добычу. Это поэтическое изображеніе народныхъ бѣдствій вполнѣ подтверждается историческими фактами.

Если въ періодъ времени отъ 1055 года до 1228 вычислить года, въ которые велись усобицы, и въ которые ихъ не было, то первыхъ оказывается 80, а послѣднихъ 93; слѣдовательно, круглымъ числомъ усобицы имѣли мѣсто почти черезъ годъ, иногда же онѣ продолжались по 12 и 17 лѣтъ сряду. Часто усобицы сопровождались опустошеніемъ земли, разореніемъ городовъ, истребленіемъ и плѣномъ жителей. Такъ, въ лѣтописи находимъ, что Ярославичи, взявши копьемъ (приступомъ) Минскъ, мужей перерѣзали, а женъ и дѣтей отдали

войску «на щитъ», т. е. въ плѣнъ. Изяславъ Мстиславичъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ князей, воюя съ черниговскими князьями, говоритъ своей дружинѣ: «Вотъ мы села ихъ пожгли, взяли все ихъ имущество; если они не выйдутъ противъ насъ, то пойдемъ къ Любечу и возьмемъ все ихъ богатство.» Въ войнахъ княжескихъ почти всегда участвовали Половцы и другіе варварскіе народы, которые, за доставляемую помощь, обыкновенно грабили жителей и брали ихъ въ плѣнъ. Въ 1160 г. Половцы, приведенные Изяславомъ Давидовичемъ черниговскимъ на смоленскую волость, вывели оттуда больше 10 тысячъ плѣнныхъ, не считая убитыхъ. Походъ Изяслава Мстиславича на Ростовскую волость стоилъ послѣдней 7 тысячъ жителей. Вообще воевать, по тогдашнимъ понятіямъ, значило опустошать, жечь, грабить, брать въ плѣнъ. При такомъ положеніи общества, очевидно, не могла процвѣтать ни промышленность, ни торговля. Земледѣльческій, рабочій классъ подвергался всѣмъ тягостямъ общественныхъ бѣдствій: страдалъ и отъ Половцевъ, и отъ усобицъ, и отъ корыстолюбія княжеской дружины. Кіевляне въ княженіе Святополка, не могли воевать съ Половцами потому, что земля ихъ пострадала отъ рати и отъ продажъ, говоритъ лѣтописецъ. Новгородъ, несмотря на свою обширную торговлю, часто бѣдствовалъ отъ голода, когда прекращался подвозъ хлѣба изъ хлѣбородныхъ областей вслѣдствіе княжескихъ усобицъ. Подъ 1127 годомъ описалъ лѣтописцемъ страшный голодъ, бывшій въ Новгородѣ. Люди ѣли, говоритъ онъ, липовый листъ, кору

березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, падали мертвые отъ голода. Трупы валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду; отъ смрада нельзя было выйти изъ дому. Отцы и матери отдавали дѣтей своихъ даромъ иноземнымъ купцамъ. Жители частію перемерли, частію разошлись по чужимъ землямъ. Въ такой же степени была сильна смертность и въ случаѣ мора. Въ 1092 г., въ Кіевѣ, моровая язва истребила большую часть жителей. По словамъ лѣтописца, продавцы гробовъ отъ Филинова дня до масляной продали 7000 гробовъ.

Торговля.

О торговлѣ въ это время можно имѣть понятіе изъ лѣтописей и нѣкоторыхъ иностранныхъ извѣстій. Кіевъ, какъ извѣстно, былъ складочнымъ мѣстомъ греческихъ товаровъ. Торговля съ Греціей производилась по Днѣпру, но больше сухимъ путемъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, подъ 1170 г., говорится, что русскіе князья ходили противъ Половцевъ, которые отняли у нихъ «путь греческій.» Въ томъ же году князья выходили на встрѣчу «гречникамъ», т. е. купцамъ, шедшимъ съ греческими товарами,—чтобы защитить ихъ отъ Половцевъ. Въ лѣтописи нигдѣ не говорится о пребываніи купцовъ греческихъ въ Кіевѣ; по этому можно полагать, что Греки сами не ѣздили въ Кіевъ, а сбывали свои товары Русскимъ въ Константинополѣ и въ приморскихъ городахъ. Изъ иностранныхъ извѣстій видно, что въ Кіевѣ живали купцы изъ Регенсбурга, Эмса, Вѣны. Кромѣ Новгородцевъ и Кіевлянъ, заграничную торговлю вели жители Смоленска, Полоцка и Витебска. Объ этой торговлѣ мы знаемъ изъ договора смоленскаго князя Мсти-

слава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ (1229 г.) Изъ словъ договора видно, что около того времени доброе согласіе между Смолянами и Нѣмцами было нарушено по какому то случаю, и для избѣжанія подобнаго «разлюбья, и чтобы русскимъ купцамъ въ Ригѣ и на Готтскомъ берегу, а Нѣмцамъ въ Смоленской волости любо было и добросердье во нѣки стояло», написана была правда (договоръ). Нѣмцы и Русскіе условились: за убійство вольнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, а за холопа гривну; за поврежденіе частей тѣла по 5 гривенъ серебра; за вышибленный зубъ 3 гривны. Какъ скоро волоцкій тіунъ услышитъ, что нѣмецкій гость пріѣхалъ на Волокъ (между Двиною и Днѣпромъ), то немедленно долженъ послать приказъ Волочанамъ, чтобы перевезли гостей и заботились объ ихъ безопасности. Пріѣхавши въ городъ, нѣмецкій гость долженъ былъ дать княгинѣ поставъ полотна, а тіуну готскія перстатыя рукавицы. Нѣмцы торгуютъ безпошлинно и безпрепятственно могутъ отъѣзжать съ своими товарами въ другіе города; судныхъ пошлинъ ни у князя, ни у тіуна, ни у добрыхъ мужей не платятъ. За взвѣшиваніе товара платится вѣсовщику съ 24 пудовъ куна смоленская. При покупкѣ драгоцѣнныхъ металовъ Нѣмецъ платитъ вѣсовщику: за гривну золота ногату, за гривну серебра двѣ векши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну; при продажѣ ничего не платитъ. Если кто задолжаетъ многимъ лицамъ и окажется несостоятельнымъ, то изъ имущества должника производится уплата прежде

иностранному купцу, потомъ князю; остальнымъ дѣлятся всѣ другіе заимодавцы.

Между узаконеніями Руской Правды находимъ также статьи, относящіяся къ торговому сословію. Такъ, договоръ займа между лицами торговаго класса не требовалъ присутствія свидѣтелей для своей дѣйствительности; въ случаѣ же спора или запирательства должника, онъ долженъ былъ подкрѣпить свое показаніе присягой. Строгой отвѣтственности подвергался тотъ, кто не могъ возвратить, по своей винѣ, занятыхъ денегъ: заимодавецъ имѣлъ право продать такого должника; напротивъ, если кто разорялся вслѣдствіе неизбѣжнаго несчастія, то уплата должной суммы разлагалась на сроки.

Законы и судъ.

Для опредѣленія нравственнаго состоянія тогдашняго общества укажемъ на господствовавшія юридическія понятія, которыя вѣрнѣе всего характеризуютъ развитіе и общественныя отношенія извѣстной эпохи. Узаконенія назывались уставами, грамотами. Къ уставамъ, явившимся въ разсматриваемое время, принадлежатъ: измѣненіе, сдѣланное сыновьями Ярослава I въ «Правдѣ» отца ихъ относительно мести за убійство. Въ «Правдѣ» говорится, что трое Ярославичей—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собравшись вмѣстѣ съ мужами своими (тысяцкими) и отложили убіеніе за голову, а опредѣлили убійцѣ откупаться кунами, во всемъ же остальномъ положили держаться устава Ярослава. По этому же послѣднему, братъ, въ случаѣ убійства, долженъ былъ мстить за брата, отецъ за сына, дядя за племянника. Установленный Ярославичами платежъ ви-

ры за убійство не должно, впрочемъ, понимать такъ, что будто за преступленіе отвѣчали только денежной платой. Вира собственно была не наказаніе, а только доходъ князя за судопроизводство.

И такъ, родовая месть, остатокъ прежней родовой особности, перестаетъ юридически существовать на Руси въ началѣ второй половины XI в., но убійство, совершенное по личнымъ отношеніямъ одного члена общины къ другому, случайно, въ ссорѣ и дракѣ, на пиру въ нетрезвомъ видѣ, продолжаетъ считаться дѣломъ частнымъ, не считаясь уголовнымъ преступленіемъ: убійца такого рода продолжаетъ считаться полноправнымъ членомъ общины; только разбойника община выдаетъ князю на «потокъ» (заточеніе) со всѣмъ его семействомъ.

Количество денежной пени, опредѣляемой за смертоубійство, различно, смотря по званію. За убіеніе князя мужа, огнищанина и княжескихъ чиновниковъ полагалось съ убійцы виры 80 гривенъ. Община не отвѣчала за убійство. Замѣчательно, что вира за убіеніе огнищанина, тіуна княжескаго и стараго конюха у стада одинакова—80 гривенъ. Вира за убіеніе конюха установлена Изяславомъ по случаю убіенія его конюха Дорогобужцами. Княжескіе отроки сравнены, относительно виры за убіеніе ихъ, съ конюхами и поварами (40 гр.) За убіеніе княжескихъ старостъ и тіуновъ сельскихъ и ратайныхъ—12 гр.; за убіеніе рядовича княжескаго и боярскаго — 5 гр.; за убіеніе смерда — 5 гр. За убіеніе холопа и раба виры не платилось (но если холопъ убитъ безвинно, то полагалось князю продажи 12 гр.), между

тѣмъ какъ за убіеніе кормилицы, хотя бы она была холопка или раба, полагалось виры 12 гр. Если убійца не былъ отысканъ, то виру платила вервь (округъ), гдѣ былъ найденъ трупъ убитаго: 80 гривенъ, если убитъ князь мужъ, 40—если «людинъ.» Такая вира называлась дикою вирою.

Вора захваченнаго на мѣстѣ преступленія, дозволялось убить какъ собаку, «въ пса мѣсто.» Если додерживали вора до разсвѣта, то должны были представить его на княжескій дворъ; если воръ былъ взятъ и связанъ, а потомъ убитъ, то полагалось виры 12 гривенъ.

Къ описываемому времени относится ограниченіе ростовъ, сдѣланное Мономахомъ, по поводу, какъ видно, злоупотребленій, какія позволяли себѣ по этому предмету Жиды въ княженіе Святополка.

Обязанность суда и собираніе судныхъ пошлинъ князь поручалъ обыкновенно дружинникамъ: тіунамъ, посадникамъ, дѣтскимъ, отрокамъ и мечникамъ. Отношенія народа къ дружинѣ, о которыхъ мы уже говорили, достаточно показываютъ, каково могло быть правосудіе. Дружинники, особенно пришлые (такъ называемая новая дружина), не имѣя ничего общаго съ народонаселеніемъ страны, обыкновенно смотрѣли на судейскія должности какъ на кормленіе и старались извлекать изъ нихъ всевозможныя выгоды. Лѣтописецъ часто жалуется на злоупотребленія княжеской дружины. При Всеволодѣ Ярославичѣ, говоритъ онъ, не доходила къ людямъ правда князя, начали тіуны грабить, людей продавать. При Всеволодѣ Ольговичѣ княжескіе тіуны разо-

рили Кіевъ и Вышгородъ. При Ростиславичахъ, на сѣверѣ, посадники, поставленные изъ южнорусскихъ дѣтскихъ, разорили Владимірскую волость. Въ словѣ Даніила Заточника читаемъ: «не имѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи себѣ село близь княжа села, потому что тіунъ его какъ огонь, а рядовичи его какъ искры.» Дошло до насъ любопытное извѣстіе, какъ однажды Полоцкій князь спрашивалъ священника,—какая судьба ожидаетъ тіуна на томъ свѣтѣ, замѣчая при этомъ, что тіунъ несправедливо служитъ, взятки беретъ, людей мучитъ, отягощаетъ. Названіе должностнаго лица ябедникомъ приняло также дурное значеніе. Не умѣя, или не желая объяснить дурное состояніе правосудія, лѣтописецъ принужденъ сказать, что «гдѣ законъ, тамъ и неправды много.» И дѣйствительно, княжескій судъ дорого обходился общинѣ. Кромѣ виры и продажъ князю, платились еще и другія судебныя пошлины, которыя — по «Русской Правдѣ»—состояли въ вознагражденіи продуктами жизни или деньгами лицъ, принимавшихъ участіе въ судопроизводствѣ: такъ называемые *поконы вирные, наклады и уроки.* При Ярославѣ, вирнику съ отрокомъ полагалось на недѣлю 7 вѣдеръ солоду, баранъ или полть другаго мяса (что можно было замѣнить платою 2 ногатъ), 7 хлѣбовъ, по 7 уборковъ пшена и гороху, 7 голважень соли; кромѣ того, по двое курей на день и кормъ на 4 лошади. Но еще полагалось и особое денежное вознагражденіе въ количествѣ 8 гривенъ, да еще 10 кунъ [1]) перекладныхъ и гривна ссадная. Ме-

[1]) 25 Кунъ=Гривна.

тельнику при этомъ полагалось 12 векшей. Въ другой статьѣ, вѣроятно, замѣнившей вышеприведенную, вознагражденіе лицъ, отправлявшихъ правосудіе, опредѣлено слѣдующимъ образомъ: 12 гривенъ (вѣроятно, судьѣ или вирнику), 2 гривны отроку, писцу 10 кунъ, да еще 5 кунъ перекладнаго и 2 ногаты за мѣшокъ. «....А самому ѣхати съ отрокомъ на двоу коню, сути же на ротъ овесъ; а мясо дати овенъ или полоть, а инѣмь кормомь—что има чрево возметь.»

Нравственность. О нравственномъ состояніи общества можно судить по интереснымъ памятникамъ того времени. Завѣщаніе Мономаха представляетъ полный кодексъ тогдашней нравственности; оно такъ вѣрно изображаетъ намъ и пороки и добродѣтели своего времени. Нравственность, въ то время, опредѣлялась преимущественно выполненіемъ религіозныхъ обязанностей. Въ жизни многихъ князей мы видимъ сильное религіозное настроеніе, у другихъ благочестіе ограничивалось выполненіемъ внѣшнихъ обрядовъ; когда же дѣло шло объ удовлетвореніи страстямъ, то на заповѣди религіи и на служителей ея мало обращали вниманія. Владиміръ Галицкій сказалъ послу Изяслава, когда тотъ напомнилъ ему, что онъ цѣловалъ крестъ, а потомъ нарушилъ клятву: «а что мнѣ сдѣлаетъ сей крестецъ малый?» Не щадя сокровищей для сооруженія и украшенія церквей, въ то же время не считали за грѣхъ жечь и грабить церкви въ волостяхъ непріятельскихъ.

Вслѣдъ за людьми, которые шли въ монастыри для борьбы со страстями, шли туда и для удовлетворенія

страстямъ своимъ. Въ духовныхъ посланіяхъ встрѣчаемъ сильные укоры монахамъ, которые милуютъ свое тѣло, часто перемѣняютъ платье, подъ предлогомъ праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ и долго сидятъ за нею, ищутъ надъ старѣйшинами взять свою волю, собираются вмѣстѣ не Бога ради, не для того, чтобы разсуждать о полезномъ для спасенія души но для яростныхъ споровъ, для безстыдныхъ нападеній на эконома и келаря. Пастыри церкви вооружаются противъ обычая давать въ монастыряхъ пиры, на которые созывались мущины и женщины. Въ словѣ Даніила Заточника читаемъ: «многіе, отшедшіе отъ міра сего, паки возвращаются, аки псы на своя блевотины, на мірское гноеніе, обходятъ села и домы славныхъ міра сего, яко псы ласкосердіи. Идѣже, братцы, пирове, ту и чернецы и беззаконія.»

Повсюду, и между князьями, и между простыми людьми, видимъ борьбу новыхъ, лучшихъ, христіанскихъ понятій и стремленій со страстями, слабо обуздываемыми. Въ новорожденномъ обществѣ господствующимъ порокомъ было пьянство. Въ простомъ народѣ еще соблюдались разные языческіе обряды. Встрѣчаемъ извѣстія, что въ описываемое время продолжали приносить жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодцамъ; что были люди, которые имѣли по 2 жены; что простой народъ не бралъ для брака церковнаго благословенія, считая его обрядомъ, установленнымъ для князей и бояръ; что женщины носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, и если замѣчали охлажденіе любви въ мужьяхъ, то омывали тѣло свое

водою и эту воду давали пить мужьямъ. Особенно трудно было изгнать память о древней религіи изъ народныхъ увеселеній, пѣсенъ, плясокъ, игръ, которыя были языческаго происхожденія.

VIII.

Новгородская община.

О времени возникновенія новгородскаго народоправства существуютъ различныя мнѣнія:

Во первыхъ—то мнѣніе, что Новгородъ, съ самаго основанія Русскаго государства, стоялъ особнякомъ отъ всей остальной Руси и сохранялъ право свободнаго избранія князя и самоуправленія, которое было ему одному присущимъ и не было достояніемъ другихъ земель. Взглядъ этотъ совпадалъ съ тѣмъ предположеніемъ, что Новгородъ самъ призвалъ князей, а южныя земли были покорены, слѣдовательно и находились въ отношеніяхъ менѣе благопріятныхъ къ власти.

По мнѣнію Г. *Соловьева,* Новгородъ до второй четверти 12 в. находился въ зависимости отъ Кіева, и его мѣстная свобода возникла вслѣдствіе усобицъ между князьями, а не вслѣдствіе пожалованія Ярослава.

Г. *Костомаровъ* указываетъ элементы, изъ которыхъ развилось новгородское народоправство, и возводитъ его начало къ льготной грамотѣ Ярослава. По его мнѣнію, Новгородъ, послѣ того какъ сдѣлался въ немъ княземъ Владиміръ I, подпадаетъ въ такую зависимость, которая ставитъ его къ власти на низшую степень, чѣмъ другія земли, хотя эти послѣднія были покоренныя; даже въ послѣдующее время, уже послѣ Ярослава, тогда и несомнѣнно онъ освободился отъ зависимости, остались такіе слѣды отношенія его къ Кіеву, которые не показываютъ преимущества Новгорода въ правахъ предъ другими землями. Вообще въ основѣ новгородскаго устройства, по словамъ г. Костомарова, не лежитъ что нибудь исключительно принадлежащее одному Новгороду и совершенно чуждое другимъ землямъ; федеративное, или удѣльно-вѣчевое начало проникало жизнь и другихъ земель; только въ Новгородѣ оно проявилось осязательнѣе. Причиной этого явленія были слѣдующія обстоятельства: 1) географическое положеніе страны ставило Новгородъ внѣ тѣхъ потрясеній, какія испытывали другія страны: Новгородъ былъ отдаленъ отъ кочевыхъ дикихъ ордъ тюркскаго племени, сосѣдство которыхъ было столь гибельно для южной и средней Руси; новгородская земля не была проходною, какъ напр., Кіевская, Черниговская, Волынская, и потому не могла сдѣлаться поприщемъ перекрестныхъ столкновеній князей и племенъ; 2) Новгородъ расширялъ свои владѣнія, не встрѣчая соперничества; увеличеніе владѣній приносило ему богатство; сосѣдство съ моремъ и обширная заморская торговля, увеличивая богат-

ство и могущество Новгорода, способствовали развитію политическаго самосознанія.

На основаніи лѣтописныхъ извѣстій мы полагаемъ, что новгородское народоправство существовало уже въ древнѣйшія времена. Изъ разсказовъ Нестора видно, что первые русскіе князья стремились подавить или, по крайней мѣрѣ, обессилить народное самоуправленіе въ Новгородѣ; оттого правительственная и административная ихъ дѣятельность преимущественно была обращена на Новгородъ: онъ долженъ былъ ежегодно платить Кіевскому князю 2,000 гривенъ, а 1,000 давать гриднямъ—дружинѣ, которую Олегъ, уходя въ Кіевъ, оставилъ въ Новгородѣ для удержанія новгородскаго края въ подчиненіи; Ольга установила въ новгородской землѣ погосты и дани. Новгородомъ управляли княжескіе намѣстники — посадники, назначавшіеся изъ Кіева; князья—Владиміръ и Ярославъ управляли Новгородомъ на правахъ посадниковъ. Изъ разсказа Нестора о распредѣленіи Святославомъ управленія подчиненными землями между сыновьями видно, что Новгородцы сознавали свою древнюю автономію, и только могущество первыхъ кіевскихъ князей удерживало ихъ въ подчиненіи, которымъ Новгородъ видимо тяготился. Но вотъ является благопріятный случай: Послѣ смерти Владиміра завязывается борьба между Святополкомъ и Ярославомъ; Новгородцы принимаютъ сторону Ярослава и за оказанную услугу получаютъ отъ него льготную грамоту. До насъ не дошла эта грамота. Г. Соловьевъ полагаетъ, что она имѣла одно финансовое значеніе, освобождала Новгородцевъ отъ дани, которую они платили

кіевскимъ князьямъ. По мнѣнію г. Костомарова, эта грамота давала, или, лучше сказать, возвращала Новгороду старинную независимость, право самоуправленія и самосуда. Послѣднее предположеніе заслуживаетъ болѣе вѣроятія. Новгородъ и впослѣдствіи, охраняя свою независимость и гражданскую свободу, постоянно ссылался на Ярославову грамоту, какъ на свою древнюю великую хартію; имя Ярослава было всегда священнымъ въ Новгородѣ; мѣсто, гдѣ собиралось вѣче, мѣсто, съ которымъ по этому соединялось значеніе Новгородской свободы, называлось Ярославовымъ дворомъ. Ясно, что древнее право самоуправленія было возрождено Ярославомъ и получило отъ него законную санкцію.

Территорія.

Новгородъ въ отношеніи *пригородовъ* былъ господинъ: его княженіе называлось столъ. Вмѣстѣ съ пригородами онъ составлялъ единое политическое тѣло, и потому, заключая договоры, Новгородцы цѣловали крестъ разомъ за Великій Новгородъ и за всѣ его пригороды. Въ случаѣ войны пригороды обязаны были являться съ своими ополченіями по распоряженію новгородскаго большаго вѣча; но ополченія эти составляли отдѣльныя части общей поземельной рати. Пригороды были центрами управленія тянувшихъ къ нимъ территорій, называвшихся волостями пригородовъ.

Пригороды имѣли свои вѣча, свои народные классы, подъ тѣми же названіями, какъ и въ Новгородѣ, каждый

пригородъ имѣлъ свой торгъ, свое торговое мѣсто, и свою патрональную церковь. Какъ въ Новгородѣ, такъ и въ каждомъ пригородѣ, былъ свой дѣтинецъ, или крѣпость (собственно городъ); за предѣлами дѣтинца находился посадъ, который былъ отороженъ.

Слово *волость* вообще означало подвластную кому бы то ни было территорію. Въ обширномъ смыслѣ вся Новгородская земля была волостью Великаго Новгорода. Пригороды были центрами волостей, которыя, въ свою очередь, распадались на меньшія части, тоже называвшіяся волостями Въ тѣсномъ смыслѣ волостью называлось соединеніе поселеній, принадлежавшихъ къ одному владѣнію. Въ этомъ смыслѣ различались волости новгородскія, т. е. принадлежащія Великому Новгороду (казенныя, по теперешнему образу выраженія), волости Св. Софіи, т. е. владычнія, волости монастырскія и волости княжескія, иначе «князчина», т. е. такія, съ которыхъ доходы слѣдовали князю.

Обширнѣйшія и болѣе точныя единицы дѣленія новгородской территоріи были *земли*, о которыхъ, по мнѣнію г. Костомарова, образовались понятія не по какимъ нибудь правительственнымъ распоряженіямъ, а естественнымъ путемъ соображенія съ географическими и этнографическими особенностями. Позднѣйшее дѣленіе на *пятины*, сообразно пяти концамъ города, не существовало во времена независимости; по крайней мѣрѣ нигдѣ не встрѣчается названіе пятинъ; но тѣ самыя территоріи, которыя составляли послѣ пятины, назывались такими собственными именами, изъ которыхъ по-

томъ образовались для пятинъ прилагательныя: напримѣръ, Водь (см. Водская пятина), Шелонь (см. Шелонская пятина.)

Въ волостяхъ сельское населеніе дѣлилось на *погосты*. Въ договорахъ говорится, что смердъ долженъ возвратиться въ свой погостъ, а въ другихъ — въ свой потугъ: слѣдовательно погостъ и потугъ одно и то же. Погостъ означалъ главное мѣсто, куда тянули, т. е. отбывали свои повинности и считались принадлежащими,— на извѣстномъ пространствѣ живущіе сельскіе жители (смерды). Къ погосту принадлежали села, сельца, деревни, починки и выселки. Названіе *село* имѣло значеніе всякаго земледѣльческаго поселенія вообще, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ селомъ—а еще чаще сельцомъ—называлось имѣніе частнаго владѣльца, гдѣ онъ жилъ самъ или гдѣ имѣлъ усадебное заведеніе. Названіе *деревня* встрѣчалось чаще всего. Деревни были: владычнія, монастырскія, боярскія, Великаго Новгорода и своеземцевъ, т. е. частныхъ мелкихъ собственниковъ. Онѣ были не велики и состояли, побольшей части, изъ нѣсколькихъ дворовъ. Селяне, люди свободные, управлялись вѣчами. Вѣча собирались въ погостахъ. На вѣчахъ выборные старосты распоряжались сборомъ и раскладкой повинностей, обсуждали свои дѣла и творили свой судъ[1]).

[1]) По отношенію къ отбываемымъ повинностямъ принято было дѣленіе на *сохи*. Каждая соха заключала три *обжи*; а обжей называлось то, что можетъ вспахать одинъ человѣкъ съ одной лошадью. Одворелые, какъ люди несвободные, освобождались отъ дани. Освобождались также старосты, какъ люди должностные. Какая именно была обычная дань, неизвѣстно; но когда предстояла необходимость, тогда Новгородцы дѣлали распоряженіе собирать съ извѣстнаго

Сословія. Вся масса жителей Великаго Новгорода раздѣлялась на сословія, которыхъ границы не были строго опредѣлены законами. Въ обширномъ смыслѣ, народонаселеніе Новгорода дѣлилось на вятныхъ (большихъ) и меньшихъ, на духовныхъ и мірскихъ людей. При болѣе разнообразныхъ условіяхъ общественной жизни являлись болѣе дробныя подѣлы, и въ Новгородѣ обозначались слѣдующія группы: *огнищане, гридьба, княжескіе дворяне, бояре, дѣти боярскія, купцы, житые люди, земцы* собственно *черные люди: смерды* и *холопы*.

Существуютъ разныя мнѣнія о происхожденіи и значеніи этихъ сословныхъ снарядовъ.

Гридью, по мнѣнію г. Соловьева, называлась младшая дружина, въ обширномъ смыслѣ — все военное сословіе. Г. Костомаровъ слово гридь производитъ отъ литовскаго greitis—приспѣшникъ. Въ Новгородѣ гридью, по его мнѣнію, называлось военное сословіе, которое посылалось въ пригороды для ихъ защиты.

По мнѣнію гг. Соловьева, Погодина и Костомарова, названіе *огнищане* значитъ тоже, что княжескіе мужи. Слово огнищанинъ производятъ отъ огнища, очага. По мнѣнію г. Бѣляева, огнищанами назывались люди, имѣвшіе свое собственное огнище; огнищемъ же, по его пред-

---

количества дворовъ извѣстную сумму, напр.: съ десяти дворовъ по рублю. Для этого посылались нарочные, которые собирали эту дань черезъ старостъ, въ имѣніяхъ частной собственности — черезъ ключниковъ. Кромѣ платежа налоговъ, жители обязаны были давать корма и подводы гонцамъ и подъѣздникамъ, служить въ военной службѣ по «разрубкѣ», выходить на работу для постройки укрѣпленій. Отбываемыя по опредѣленнымъ правиламъ, въ опредѣленныхъ пунктахъ повинности назывались *тягломъ*; подчиненные имъ—тяглыми людьми.

положенію, называлась земля, расчищенная подъ пашню посредствомъ пала, т. е. выжиганія дикаго лѣса. По этому названіе огнищанъ носили въ Новгородѣ бояре-землевладѣльцы и вообще собственники, т. е. такіе люди, которые собственными своими средствами сдѣлали себѣ огнище, расчистили лѣсъ подъ пашню и населили расчищенное мѣсто. Мнѣніе г. Бѣляева не подтверждается фактами, и потому мы считаемъ его не болѣе, какъ остроумной догадкой. Если слово огнищанинъ происходитъ отъ огнища въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его г. Бѣляевъ, то отчего одни бояре получили названіе огнищанъ. Каждый вѣдь могъ расчистить лѣсъ посредствомъ пала и получить названіе огнищанина-землевладѣльца.

Имя *боярин*, по изслѣдованію г. Бѣляева, въ первый разъ упоминается въ Новгородской лѣтописи въ XII в., подъ 1118 годомъ; въ древнія же времена Новогородцы раздѣлялись на большихъ и меньшихъ людей; на этомъ основаніи г. Бѣляевъ полагаетъ, что слово боринъ есть ни что иное, какъ техническое, спеціальное обозначеніе слова большій, болій, отвуда бояринъ, болярииъ. По мнѣнію г. Соловьева, подъ именемъ бояръ, или большихъ, вятшихъ людей, въ Новгородѣ разумѣлись всѣ правительственныя лица, какъ отправляющія правительственныя должности, такъ и отставные, старые члены всѣхъ тѣхъ фамилій, которые успѣли сосредоточить въ своемъ кругу правительственныя должности. Что касается взгляда г. Костомарова на этотъ предметъ, то выводы его о положеніи боярства въ Новгородѣ и

вообще о взаимныхъ отношеніяхъ сословій шатки и нѣсколько непослѣдовательны. По его мнѣнію, бояринъ первоначально означалъ вообще владѣльца земли; но по мѣрѣ того, какъ другія отрасли хозяйства, а не одно владѣніе землею, становились источникомъ богатства, а вмѣстѣ съ нимъ вліянія и силы, то неизбѣжнымъ стало, что владѣлецъ земли былъ бояриномъ тогда только, когда его владѣніе было значительно, или же когда оно было дополнительнымъ, а не главнымъ признакомъ силы и богатства. Боярство, говоритъ г. Костомаровъ, не было званіемъ наслѣдственнымъ; оно пріобрѣталось умомъ, заслугами, вліяніемъ на дѣла и преимущественно богатствомъ; слѣдовательно каждый могъ достигнуть этого званія. Но такъ какъ верховная власть въ Новгородѣ находилась въ рукахъ всей массы народа, то значеніе боярства зависѣло отъ нея: бояринъ былъ бояриномъ, пока народу то было угодно; по этому боярство могло и не переходить на потомство, если народъ этого не хотѣлъ; могло оно не переходить и по владѣнію землею, т. е. можно было владѣть землею и не считаться бояриномъ, хотя бы предки и находились въ числѣ бояръ; можно было происходить отъ предковъ боярскаго званія, но вовсе не владѣть землею. Во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что бояре, въ смыслѣ вліятельныхъ и богатыхъ гражданъ-землевладѣльцевъ, составляли, вмѣстѣ со старыми посадниками, совѣтъ около двухъ главныхъ правительственныхъ лицъ — посадника и тысяцкаго, которыхъ выбирали также изъ бояръ: должности посадника и тысяцкаго давались дѣтямъ и внукамъ тѣхъ, которые

были облечены этими званіями. Такимъ образомъ, званіе, должности были наслѣдственны въ извѣстныхъ боярскихъ родахъ, и бояре составляли сильную корпорацію, рѣзко выдѣлявшуюся изъ остальной массы народонаселенія классъ. Пользуясь своимъ богатствомъ и вліяніемъ, боярство постепенно брало верхъ надъ массою и становилось если и не наслѣдственнымъ званіемъ, то сильнымъ правительственнымъ классомъ. Такимъ образомъ, Новгородское народоправство въ сущности было очень слабо, такъ какъ одинъ богатый, вліятельный классъ сталъ въ числѣ правленія. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключалась главная причина несостоятельности политической организаціи Новгорода и его безсилія въ борьбѣ съ Москвою. Мнѣніе наше подтверждается изслѣдованіями г. Бѣляева. Необходимымъ, чисто историческимъ слѣдствіемъ, говоритъ онъ, обширныхъ поземельныхъ боярскихъ владѣній и соединеннаго съ нимъ вліянія на общество было то, что бояре въ Новгородѣ постоянно держали въ своихъ рукахъ все управленіе и всѣ выборныя власти; такъ что, при всѣхъ перемѣнахъ посадниковъ и тысяцкихъ, выборъ всегда падалъ на того или другаго боярина, и всѣ сіи перемѣны выражали только споръ немногихъ боярскихъ фамилій, изъ которыхъ то та, то другая падала или возвышалась.

Дѣтьми боярскими, по мнѣнію г. Костомарова, назывались не только дѣти бояръ родителей, но и внуки и правнуки ихъ во всѣхъ развѣтвленіяхъ. Эти дѣти боярскія были, по его мнѣнію, незначительные землевладѣльцы-помѣщики и составляли обыкновенно новгород-

*

ское военное ополченіе. Г. Костомаровъ полагаетъ, что въ Новгородѣ раздавали земли дѣтямъ боярскимъ съ такою же обязанностью, какъ это дѣлалось въ прочихъ краяхъ Руси. По мнѣнію г. Бѣляева, значеніе дѣтей боярскихъ въ Новгородѣ было чисто семейное, а не государственное. Боярскіе дѣти не составляли особаго класса; это были молодые люди изъ боярскихъ фамилій, которые, по старинным обычаямъ, своевольничали на чужбинѣ, производили воинскіе походы и грабежи безъ новгородскаго слова; словомъ — были такъ называемые *повольники* [1]).

Торговый классъ обозначается въ Новгородѣ названіемъ *купцовъ*. Это не было сословіе въ томъ значеніи, какъ мы привыкли понимать это слово, т. е. отдѣлъ населенія съ особыми гражданскими правами. Въ Новгородѣ торговля была занятіемъ доступнымъ по праву для всѣхъ. Торговля, важнѣйшее занятіе Новгорода, есте-

---

[1]) Повольникомъ назывался каждый вольный человѣкъ, не связанный съ общиной, богатый и бѣдный, изъ боярской семьи и изъ купеческой, а равно изъ черныхъ людей. Дружины повольниковъ составлялись изъ самой буйной, неугомонной молодежи, которая не знала, куда дѣвать силу и молодечество. Предводителями и собирателями повольничьихъ дружинъ преимущественно были сыновья богатыхъ бояръ и купцовъ новгородскихъ. Повольничество, хотя и было иногда соединено съ грабежами и разбоями, не только не считалось безчестнымъ, но пользовалось большимъ уваженіемъ у Новгородцевъ. Какъ въ Скандинавіи викингамъ, такъ въ Новгородѣ повольникамъ пѣлись пѣсни, въ которыхъ воспѣвались ихъ удалые подвиги. И молодые люди, достигнувъ 18 или 20 лѣтняго возраста, другъ передъ другомъ спѣшили собирать дружины удалыхъ молодцевъ и съ ними пробовать свою удаль гдѣ нибудь на чужой сторонѣ: въ древности на Варяжскомъ морѣ, а позднѣе на Волгѣ или на берегахъ Студеннаго моря. Съ 14 в. повольники называются *ушкуйниками*, отъ употреблявшихся ими лодокъ, называемыхъ ушкулями.

ственно дѣлала купцовъ вліятельными, знатнѣйшими людьми, и они дѣйствительно являются важными участниками въ государственныхъ дѣлахъ.

Изъ массы торговцевъ, по достоинству, которое измѣрялось въ глазахъ народа богатствомъ и широтою торговыхъ оборотовъ, выдѣлялись *гости*, или *добрые купцы*.

Купцы въ Новгородѣ раздѣлялись на сотни и выбирали между собою старостъ для управленія своими торговыми дѣлами. Чтобы попасть въ члены какой нибудь новгородской купеческой общины, нужно было, по свидѣтельству уставной грамоты князя Всеволода Мстиславича (XII в.), вложить опредѣленную долю въ общинный капиталъ, именно — не менѣе 50 гривенъ серебра (или около 40 фунтовъ на нынѣшній вѣсъ). Такой взносъ давали только однажды, при самомъ вступленіи въ общину, и послѣ сего взнесшій капиталъ навсегда считался жилымъ купцомъ, (т. е. дѣйствительнымъ купцомъ) не только самъ, но и его потомство. Каждая купеческая община имѣла свою контору (называвшуюся общиной), гдѣ хранился общинный капиталъ; этой конторой завѣдывали выборные старосты общины.

Людьми житыми, по мнѣнію г. Костомарова, назывались собственно тѣ, которые имѣли свои дворы и осѣдлость въ Новгородѣ. Неизвѣстно, считались ли въ числѣ житыхъ людей бояре, имѣвшіе дома въ Новгородѣ, или подъ этимъ названіемъ разумѣлись только мастера и ремесленники-хозяева и вообще такіе домовладѣльцы, которые не могли считаться ни между боярами, ни между купцами. По мнѣнію г. Бѣляева, вящшіе, зажиточ-

ные купцы еще въ 12 в. назывались житыми людьми; съ XIV вѣка названіе лучшихъ, богатѣйшихъ купцовъ житыми людьми сдѣлалось постояннымъ и офиціальнымъ. Вся масса остальнаго свободнаго населенія носила названіе *черныхъ людей*.

Къ чернымъ людямъ собственно въ Новгородѣ должны были принадлежать *ремесленники-нехозяева*, не имѣвшіе своихъ домовъ и хозяйствъ и служившіе хозяевамъ изъ-за платы. Таковы были: рабочіе, плотники, каменьщики, гончари, кузнецы и другіе ремесленники.

Земледѣльческое населеніе носило общее названіе *селянъ*. Одни изъ нихъ имѣли собственные участки и назывались *земцы* или *своеземцы;* другіе жили на земляхъ Великаго Новгорода, платя поземельную дань Новгороду или его кормленникамъ, другіе—на владычнихъ и церковныхъ, третьи—на боярскихъ или вообще на земляхъ частныхъ собственниковъ, которыми могли быть: житые люди, купцы, дѣти боярскіе. Селяне, не имѣвшіе собственной земли, носили названіе *смердовъ*. Они были свободные люди, имѣли право оставлять занимаемые участки и переходить къ другимъ землевладѣльцамъ. Ихъ отношенія къ владѣльцамъ состояли иногда въ денежной платѣ, чаще—въ уступкѣ имъ части натуральныхъ произведеній за трудъ, смотря по условіямъ времени и мѣстности. Въ нѣкоторыхъ новгородскихъ краяхъ они назывались *поземщиками*, т. е. платившими *поземъ;* въ другихъ они были *половники*, т. е. получали половину произведеній (это было самымъ обыкновеннымъ); въ другихъ мѣстахъ были *третниками*, т. е. давали $^1/_3$

собранныхъ произведеній; наконецъ — *четниками*, т. е. давали 1/4 собраннаго. Иногда часть дохода платилась деньгами, другая часть хлѣбомъ (который считался коробьемъ), а третья часть разными другими предметами хозяйства, что называлось мелкимъ доходомъ. Къ нему относилось опредѣленное количество сыра, масла, льна, яицъ и пр. По извѣстіямъ, находящимся у нѣкоторыхъ благочестивыхъ отцевъ въ поученіяхъ, смерды часто терпѣли насилія отъ сильныхъ и богатыхъ. Въ XV в. положеніе ихъ сдѣлалось гораздо болѣе зависимыхъ. Въ договорѣ съ Казиміромъ постановлено не давать вѣры жалобамъ смердовъ на равнѣ съ рабами. Черные люди какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ непремѣнно «тянули» къ какой нибудь городской черной сотнѣ или къ сельской общинѣ—къ погосту, къ губѣ. Только домовладѣлецъ былъ гражданиномъ въ Новгородѣ; люди, не имѣвшіе опредѣленной доли общинной земли, назывались *изгоями*.

Правленіе. По мнѣнію г. Соловьева, слово *вѣче* означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякіе переговоры, а не означало именно *народное собраніе, народную думу*. Такой неопредѣленный характеръ, по мнѣнію историка, имѣло и новгородское вѣче. По мнѣнію г. Костомарова, подъ вѣчемъ разумѣлось вообще народное сходьбище; оно могло быть правосознательнымъ собраніемъ народа, разсуждающаго о своихъ дѣлахъ, и такимъ сходьбищемъ, которое выдѣлялось изъ общей массы народа — кружокъ, иногда въ противорѣчіи съ волею народа, мятежный скопъ. Въ Новгородѣ, отдѣльно отъ какого бы то

Вѣче.

ни былю другаго вѣча существовало *большое вѣче*, т. е. полное законное собраніе, и оно то юридически составляло верховную власть. Это вѣче установляло приговоры по управленію, заключало договоры съ князьями и иностранными землями, объявляло войну, заключало миръ, призывало князей, избирало высшихъ сановниковъ-владыкъ, посадниковъ и тысяцкихъ, дѣлало распоряженія о сборѣ войска и охраненіи страны, уступало въ собственность или кормленіе земли, опредѣляло торговыя права и качество монеты, установляло правила и законы. Всѣ граждане какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣчѣ дѣятельными членами.

Неизвѣстно, кто имѣлъ обязанность созывать вѣче. Случалось, созывалъ вѣче князь, но это не по какому нибудь особо признанному за нимъ праву, а потому, что князь, какъ правитель, естественно имѣлъ поводъ и необходимость говорить съ народомъ; обыкновенно же вѣче созывалось посадникомъ. Равнымъ образомъ неизвѣстно, существовалъ ли какой способъ собиранія голосовъ, или дѣла рѣшались крикомъ большинства. Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча въ Псковѣ, возвышеніе — куда вели ступени — служило трибуною, съ которой говорили къ народу. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту, для чего существовала должность вѣчеваго дьяка; къ грамотѣ прикладывалась печать. Обычнымъ и законнымъ мѣстомъ собранія правильнаго вѣча были: Ярославовъ дворъ и площадь у Софійской церкви. Вѣче собиралось по звону

колокола. По предположеніямъ г. Бѣляева, звонъ колокола для сбора вѣча преимущественно употреблялся только во время вражды партій, когда вдругъ являлось по нѣскольку вѣчей; правильное вѣче созывалось княземъ или посадникомъ, и для того князь или посадникъ посылалъ отъ себя бирючей или подвойскихъ, которые ходили по улицамъ и созывали людей; звонъ же колокола употребляли не для сбора гражданъ, а только для открытія вѣча, когда граждане были на обычномъ вѣчевомъ мѣстѣ. Граждане, собранные на правильное вѣче узаконеннымъ порядкомъ, пришедши на Ярославовъ дворъ, садились на приготовленныхъ для вѣча степеняхъ, вѣроятно, каждый конецъ и каждая улица особо съ своими старостами и сотскими.

Такое обстоятельное изображеніе вѣча находимъ въ «Разсказахъ изъ русской исторіи» г. Бѣляева. Изображеніе это совершенно произвольное. Лѣтописныя извѣстія, на которыхъ изслѣдователь основываетъ свой разсказъ, перетолкованы имъ невѣрно. На сидѣніе членовъ, говоритъ г. Бѣляевъ, указываетъ лѣтописное извѣстіе подъ 1359 г., въ которомъ сказано: «сотворися поторжь не мала на Ярославовѣ дворѣ, и сѣча бысть, понеже Славлѣне въ доспѣхахъ подсѣли и разогнали Зарѣчанъ, а тѣ безъ доспѣха были.» Неясное слово *подсѣли* въ разсказѣ лѣтописца нельзя понимать буквально, что Славлѣне сѣли. По смыслу разсказа выходитъ, что Славлѣне подоспѣли, пришли вооруженные (въ доспѣхахъ), а Зарѣчане были безъ доспѣха, безоружные. Допустивъ, что собравшіеся на вѣче граждане сидѣли,

изслѣдователь идетъ дальше и утверждаетъ, что садились на приготовленныхъ для вѣча степеняхъ (скамьяхъ). О степени, или трибунѣ, откуда говорилъ къ народу степенной посадникъ, дѣйствительно упоминается въ псковской лѣтописи. Лѣтописецъ описывая послѣднее вѣче въ Псковѣ, говоритъ, что дьякъ московскій Далматовъ, присланный въ Псковъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, сѣлъ на степени и объявилъ народу, собравшемуся на вѣче, волю великаго князя.

Князь. Главною обязанностью *князя* въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, была обязанность верховнаго судьи; но при исполненіи этой обязанности онъ долженъ былъ соображаться съ законами и обычаями, имѣвшими мѣсто въ странѣ; кромѣ того, князь долженъ былъ производить судъ въ присутствіи посадника. «А безъ посадника ти, княже, не судити», говорится въ новгородскихъ грамотахъ.

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ было право давать грамоты, скрѣплять своимъ именемъ извѣстныя права. Это право было также ограничено участіемъ посадника «А безъ посадника ти, княже, грамотъ не даяти.»

Третьимъ правомъ князя было право назначать правителей по волостямъ. Въ этомъ послѣднемъ правѣ новгородскій князь былъ ограниченъ, вопервыхъ, тѣмъ, что долженъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ посадникомъ; вовторыхъ, тѣмъ, что не имѣлъ права раздавать должностей своимъ приближеннымъ, а долженъ былъ назначать на мѣста правителей волостей природныхъ Новгородцевъ. «А что волостей всѣхъ новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи нов-

городскими», говорится въ договорныхъ грамотахъ. Кромѣ того, князь обязывался не лишать никого, безъ вины и суда, должностей и не нарушать грамотъ, данныхъ его предшественниками. Вообще договорныя грамоты показываютъ, что Новгородцы много заботились о томъ, чтобы обставить своихъ князей гарантіями, способными попрепятствовать чрезмѣрному расширенію ихъ власти. Для этого недозволялось пріобрѣтать имѣній въ Новгородской землѣ ни князю ни княгинѣ, ни членамъ княжеской дружины. «А въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородской.» См. Собраніе Государ. Грамотъ и договоровъ т. I.

Кромѣ князя, два лица были главными административными распорядителями въ Новгородѣ — *посадникъ* и *тысяцкій*.

Посадникъ.

Имя посадника въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 980 годомъ. «Ярополкъ (Святославичъ) посади въ Новгородѣ свои посадники, и бѣ владѣя единъ въ Руси», говоритъ лѣтописецъ. На основаніи этого извѣстія, мы полагаемъ, что посадникъ первоначально былъ княжескій намѣстникъ. Имя это въ первый разъ встрѣчается въ Новгородѣ; Впрочемъ слово посадникъ извѣстно было во всей Русской землѣ и не составляло исключительнаго достоянія В. Новгорода.

По мнѣнію г. Соловьева, до второй четверти XII в., посадники новгородскіе посылаемы были великими князьями изъ Кіева. Первоначально посадникъ новгородскій былъ тоже самое, что впослѣдствіи боярин-

намѣстникъ. Съ XII в. посадникъ въ Новгородѣ сталъ выборнымъ лицомъ, при чемъ князь не терялъ права требовать смѣны неугоднаго посадника, объявивъ вѣчу его вину.

Грамоты всегда писались отъ имени одного посадника. Когда упоминалось о какомъ нибудь событіи, то для опредѣленія времени его совершенія приводилось имя правившаго тогда посадника. Посадникъ правительствующій назывался *степеннымъ*. Степенной посадникъ имѣлъ свою печать, которою утверждалъ грамоты и дѣла, производившіяся въ его управленіе. Въ посадники выбирались исключительно одни бояре и притомъ изъ извѣстныхъ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ фамилій.

По изслѣдованіямъ г. Костомарова, въ древности посадники избирались на неопредѣленное время; смѣна посадника была нѣкоторымъ образомъ наказаніемъ; въ послѣдствіи стали мѣнять ихъ чаще, такъ что, по свидѣтельству Лянуа, посѣщавшаго Новгородъ въ XIV в., каждый годъ происходилъ выборъ. Посадникъ, оставляя должность, не лишался ея имени, и назывался старымъ посадникомъ въ отличіе отъ посадника, находившагося въ должности (степенной).

Права и обязанности посадника состояли въ слѣдующемъ: посадникъ былъ посредникомъ между княземъ и народомъ; безъ посадника князь не имѣлъ права ни судить ни управлять; подъ руководствомъ посадника происходили вѣчевыя совѣщанія, и онъ же — какъ полагаетъ г. Бѣляевъ, созывалъ вѣче, открывалъ собраніе, предлагалъ на разсмотрѣніе его вопросы, требовавшіе

вѣчеваго рѣшенія. Кромѣ того, посадникъ предводительствовалъ войскомъ.

Вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ выбирался и степенной тысяцкій. Въ чемъ состояла должность тысяцкаго и отличія его отъ должности посадника, опредѣлить трудно, потому что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣчаются извѣстія о первомъ санѣ, упоминается и о послѣднемъ. Тысяцкій, подобно посаднику, участвуетъ въ заключеніи договоровъ, во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ дѣлахъ общественныхъ, предводительствуетъ войскомъ. По нѣкоторымъ чертамъ, сохранившимся въ старыхъ памятникахъ, можно заключить, что тысяцкій имѣлъ спеціальное назначеніе завѣдывать преимущественно простымъ или чернымъ народомъ — давалъ ему судъ. Тысяцкіе, также какъ и посадники, выбирались вѣчемъ изъ боярскихъ фамилій, изъ тѣхъ же самыхъ, изъ которыхъ выбирались посадники. Тысяцкій.

Слово тысяцкій, по мнѣнію г. Костомарова, соединяется съ числовымъ дѣленіемъ у Славянъ. Тысяча означала не только строго это число, но и неопредѣленно самое большое количество, которое дѣлилось на сотни, означавшія меньшія и также неопредѣленныя количества. Въ договорныхъ новгородскихъ грамотахъ неоднократно употребляется выраженіе: «а купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ.» Изъ этого можно заключить, что дѣленіе по сотнямъ собственно принадлежало торговому классу; но кажется, что и другіе классы дѣлились тоже по сотнямъ.

Сотскіе, вмѣстѣ съ подчиненными имъ пятидесят- Сотскіе.

скими и десятскими, наблюдали за порядкомъ, ловили воровъ и разбойниковъ и передавали ихъ суду.

Старосты. Кромѣ сотскихъ, существовали старосты. Старосты упоминаются подъ 1016 г.; о нихъ говорится вмѣстѣ съ смердами, и это заставляетъ предполагать, что то были сельскіе начальники. Старосты вездѣ, по общему русскому обычаю, были хозяйственными начальниками. Въ Новгородѣ были пятиконецкіе старосты, т. е. старосты концовъ, (по числу послѣднихъ, ихъ было пять), надъ улицами были свои улицкіе старосты; равнымъ образомъ были старосты въ судахъ, пограничныхъ волостяхъ, (они назывались губскими старостами). Старосты въ волостяхъ завѣдывали разверсткою повинностей, а также всякими сборами и хозяйственными дѣлами. Существовало выраженіе «къ старостѣ тянути», означавшее подлежаніе государственнымъ повинностямъ. Вообще при всякомъ предпріятіи, при всякомъ соединеніи лицъ съ одною цѣлью, выбирался староста.

Подвойскіе. Бирючи. Въ числѣ низшихъ должностныхъ лицъ въ Новгородѣ упоминаются подвойскіе и бирючи. Подвойскіе исправляли разнаго рода порученія; неоднократно они являются гонцами съ объявленіемъ воли вѣча; подвойскіе также звали къ суду. Чиновники, извѣщавшіе народъ о распоряженіяхъ властей, созывавшіе на войну, назывались бирючами. Они исправляли вообще должность позывщиковъ, посыльщиковъ; они также брали подъ стражу.

Новгородская церковь. Новгородская церковь составляла часть общей русской церкви. До половины XII в. новгородскіе епископы

зависѣли отъ кіевскаго митрополита, который, по своему усмотрѣнію, назначалъ епископовъ въ Новгородѣ, судилъ ихъ и наказывалъ; съ 12 в. въ Новгородѣ стало обнаруживаться стремленіе къ церковной самостоятельности параллельно съ политическою. По смерти епископа Нифонта въ 1156 г., владыки новгородскіе стали избираться вѣчемъ, митрополиту предоставлялось только право посвященія избраннаго.

Въ избраніи владыкъ участвовали не одни духовные, но и всѣ міряне. Вѣче по этому поводу собиралось на дворѣ Св. Софіи, въ дѣтинцѣ. Обыкновенно собравшись начинали «гадати», т. е. разсуждать—кто достоинъ заступить мѣсто прежняго владыки. Всегда почти избирали трехъ кандидатовъ; жребій, какъ возглашеніе небесной воли, указывалъ, кто изъ трехъ достоинъ получить архипастырскій санъ. Въ 1192 году, при избраніи архіепископа Мартирія, положили на трапезу 3 жребія и послали слѣпца взять одинъ изъ нихъ; при избраніи Спиридона въ 1229 г. посылали брать жребій княжескаго сына. Но были иногда случаи, когда прежде бывшій владыка, предъ смертью или предъ добровольнымъ оставленіемъ должности, самъ указывалъ себѣ преемниковъ, изъ которыхъ Новгородцамъ оставалось только сдѣлать выборъ.

При избраніи владыкъ не соблюдалась строгость іерархическаго достоинства. Необходимо было одно — чтобы избираемое лицо было духовнаго званія; избирались же игумены, іеромонахи и простые чернецы, а также бѣлые священники. Владыки, избираемые въ свой

санъ по волѣ народа, уже тѣмъ самымъ зависѣли отъ народной власти, и исторія новгородской церкви представляетъ только два примѣра непослушанія и изгнанія владыкъ.

Владыки новгородскіе были верховными правителями церковнаго порядка и судьями въ духовныхъ дѣлахъ. Подъ ихъ вѣдомствомъ были всѣ люди церковные: монахи, монахини, попы, ихъ жены и дѣти, церковные служители, люди лишенные средствъ пропитанія по тѣлеснымъ недостаткамъ и питавшіеся отъ христіанскаго милосердія. Къ этому кругу церковныхъ людей причислялись отпущенные на волю рабы, монастырскіе служители и ихъ жены. Независимо отъ того, что непосредственно подлежало вѣденію владыки, судъ его простирался вообще на всю семейную жизнь. Наконецъ вліяніе владыки, независимо отъ суда, простиралось вообще на всѣ политическія дѣла Вел. Новгорода. Новгородъ со всею своею землею состоялъ подъ покровительствомъ Св. Софіи, былъ, такъ сказать, ея волостью, и Новгородцы, вмѣсто того чтобы выразиться: «умремъ за отечество, за свою землю» говорили: «умремъ за Св. Софію.» Успѣхъ на войнѣ приписывали Св. Софіи, военныя дѣйствія предпринимались по благословенію владыки. Владыка былъ олицетвореніемъ этого отвлеченнаго понятія, потому договоры и разныя постановленія заключались съ его благословенія. Участіе духовенства въ политическихъ дѣлахъ Новгорода оказывало благотворное вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно имѣло и вредное вліяніе въ отношеніи свободы и политической самостоятель-

ности Новгорода. Новгородскій народъ слишкомъ много ожидалъ отъ своего духовенства и давалъ ему черезчуръ большое значеніе; услуги духовенства были гораздо меньше полученнаго за нихъ матеріальнаго вознагражденія и того довѣрія, которымъ почтилъ его народъ. Новгородское духовенство, подобно боярству, оказалось не только неспособнымъ поддержать политическую самостоятельность Новгорода, но и сдѣлалось главнѣйшимъ виновникомъ паденія его либеральныхъ учрежденій. Древнее русское духовенство стояло за народъ противъ произвола и насилія власти, ратовало противъ рабства личнаго и политическаго; позднѣйшее духовенство одобряло рабство если не въ теоріи, то на практикѣ; само оно владѣло обширными землями и имѣло рабовъ, чѣмъ и возбуждало противъ себя ту ненависть, которая, въ позднѣйшее время, замѣчается въ новгородской черни противъ своего разбогатѣвшаго духовенства.

Войска, исключительно занятаго военнымъ ремесломъ, въ Новгородѣ не было; каждый Новгородецъ былъ воинъ; и купцы являлись въ битвахъ. Войско.

Наборъ войска опредѣлялся вѣчемъ, а производился по волостямъ и сохамъ. Въ случаѣ сопротивленія, непокорные наказывались пенями. Такъ въ 1200 году, Новгородцы заставили идти въ походъ ополченіе, собранное на Латышей; а когда ратники не хотѣли идти, то ихъ били и брали съ нихъ куны.

Войско, собранное по сохамъ, называлось «рубленнымъ, рубленными людьми», потому что собиралось по разрубкѣ, т. е. по расчисленію. Кромѣ рубленнаго вой-

ска, были охочіе люди. Изъ имѣній, принадлежавшихъ владыкѣ, собиралась рать, составлявшая особое владычное ополченіе, владычній полкъ. Княжескіе люди составляли также особый отдѣлъ и назывались дружиной, въ отличіе отъ всей остальной рати, которая называлась полкъ.

Слово полкъ принималось въ обширномъ и болѣе тѣсномъ смыслѣ; въ первомъ — оно означало все ополченіе, идущее на войну, за исключеніемъ княжеской дружины; въ послѣднемъ—значило отдѣлъ войска. Такъ ополченія пригородовъ и волостей составляли каждый особый полкъ и назывались по мѣстамъ, гдѣ собраны: Ладожане, Ружане, Новгородцы, Двиняне. Надъ полками начальствовали посводы, а начальникомъ всего ополченія былъ князь. Каждый полкъ имѣлъ свое знамя (стягъ), котораго и держался.

Вооруженіе было: остроконечные шлемы на головахъ, тяжелые кожанные щиты и брони. Сражались сѣкирами, палицами, сулицами и стрѣлами. Когда приходилось брать укрѣпленное мѣсто, то обступали его кругомъ и били въ стѣны орудіями, называвшимися пороки (это были тяжелыя бревна); кромѣ того ставили туры на колесахъ въ уровень съ непріятельскими стѣнами, бросали черезъ стѣны зажигательные снаряды (которые назывались огненными приметами). Вообще жечь составляло обычай войны. Добрые молодцы отправлялись по непріятельскимъ селамъ, брали что могли и сожигали жилища. При отправленіи въ походъ, Новгородцы всегда испрашивали благословенія владыки и придавали

священное значеніе походу: Война предпринималась какъ бы за Св. Софію и ея достояніе. Въ особенности войны съ иновѣрными имѣли религіозное значеніе.

Торговля.

Новгородцы искони занимались торговлею и промышленностью; самая мѣстность Новгорода тому способствовала: Новгородъ лежалъ на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное; по этому пути происходили торговыя сношенія съ Византіей и съ сѣверомъ Европы; Новгородъ служилъ складочнымъ мѣстомъ сѣверныхъ товаровъ, а Кіевъ—южныхъ.

Въ древнѣйшую эпоху Новгородцы вели торговлю съ Хозарами и волжскими Болгарами, и вѣроятно, съ Аравитянами. Это подтверждается тѣмъ, что и теперь въ новгородской губерніи находятъ арабскія монеты VI и VII вѣковъ. Торговля происходила посредствомъ мѣны. Главнымъ предметомъ ея были мѣха, которые Новгородцы получали отъ финскихъ племенъ, особенно отъ Веси. Новгородскіе промышленники, по свидѣтельству императора Константина Багрянороднаго, рубили зимою въ своихъ лѣсахъ лодки-однодеревки, привозили ихъ по Днѣпру въ Кіевъ и продавали Руссамъ. Въ лѣтописи дружина Святополка называетъ Новгородцевъ, пришедшихъ съ Ярославомъ, плотниками. Новгородъ также велъ торговлю съ Скандинавіею и со странами, лежавшими на южномъ побережьи Балтійскаго моря. Въ XII в. центромъ торговой дѣятельности на всемъ Балтійскомъ морѣ сталъ городъ (на островѣ Готландѣ) Висби; туда, въ значительномъ количествѣ, переселились нѣмецкіе промышленники и вступили въ одну корпорацію съ тузем-

цами; взаимная корысть сближала нѣмцевъ и Готовъ; товарищество готландское быстро возрастало и богатѣло. Важнѣйшій источникъ его обогащенія была торговля съ восточной Европой, которой туземнымъ центромъ былъ Новгородъ. Готландцы имѣли въ Новгородѣ свою факторію, называвшуюся готландскимъ дворомъ. Нѣмцы, вступившіе въ готландскую корпорацію, мало по малу стали брать первенство надъ туземцами и наконецъ совершенно ихъ вытѣснили, вмѣстѣ съ этимъ и торговля новгородская перешла въ руки Нѣмцевъ. Уже въ XII в., рядомъ съ готскимъ дворомъ, въ Новгородѣ возникъ другой — нѣмецкій. Оба двора зависѣли отъ нѣмецко-готской купеческой компаніи въ Висби. Въ XIII вѣкѣ, когда безпорядки въ Германіи, вредные для торговли, побудили города, для своей безопасности, соединиться въ союзы, и такимъ образомъ организовалась нѣмецкая Ганза съ городомъ Любекомъ во главѣ, нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ подчинился Любеку. Впрочемъ управленіе новгородскою факторіею зависѣло равномѣрно отъ Любека и Висби, а начальникъ факторіи назначался попеременно—разъ отъ Любека, другой отъ Висби.

Отношенія нѣмецкаго двора и вообще торгующихъ иностранцевъ къ Новгороду опредѣлялись въ договорахъ. Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать въ Новгородъ, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухопутныхъ купцовъ; какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ. Зимніе пріѣзжали осенью, вѣроятно, по послѣднему пути и зимовали въ Новгородѣ, весною же они отъѣзжали за море, на смѣну имъ пріѣз-

жали лѣтніе. Иностранцы могли свободно торговать не только въ Новгородѣ, но и на пути къ нему (по Невѣ съ Карелами и Ижорцами). Иностранцы и дворы ихъ— готландскій и нѣмецкій пользовались полной свободой торговли. Купля и продажа товаровъ ничѣмъ ни была стѣснена. Кромѣ того, иностранцы пользовались многими важными привилегіями. Преступникъ, скрывшійся въ гостинномъ дворѣ, не былъ выдаваемъ; за убійство, насиліе, произведенное во дворѣ, за нанесенный вредъ преступникъ подвергался тяжелой пени и наказанію; позовщики не смѣли входить въ него; могъ являться только посланный отъ тысяцкаго. Иностранецъ, обиженный русскимъ, жаловался тысяцкому и тіуну, которые и разбирали дѣло; Русскій, обиженный иностранцемъ, жаловался старшинѣ послѣдняго, причемъ одинъ только старшина имѣлъ право взять виновнаго подъ стражу. Никто изъ Новгородцевъ не имѣлъ права задержать у себя на дому иностранца, но долженъ былъ дать знать его старшинѣ, который и принималъ свои мѣры. Въ случаяхъ запутанности дѣла, оно рѣшалось по жребію; въ случаѣ долговаго иска, должникъ прежде обязанъ былъ удовлетворить иностраннаго заимодавца, а потомъ русскаго; въ случаѣ несостоятельности, должникъ отдавался иностранцу въ рабство со всѣмъ семействомъ: гость могъ увести его съ собою, если никто не соглашался на торгу выкупить его и заплатить долгъ. За убійство священника иностраннаго, ольдермена или посла убійца платилъ двойную пеню — 20 гривенъ; за убійство простаго человѣка — 10 гривенъ, за холопа — 2 гривны; за

рану, нанесенную свободному человѣку—2 гривны, холопу—1/2 гривны; за пощечину кому бы то ни было—1/2 гривны. Война Новгородцевъ съ сосѣдними странами нисколько не касалась иностранныхъ гостей, которые, во время ея, безпрепятственно могли выѣзжать куда хотѣли. Гость, желавшій возвратиться домой, платилъ гривну серебра въ пользу церкви св. Пятницы. На пути въ Новгородъ гостямъ оказывалось всевозможное пособіе, назначались надежные проводники, и вообще предотвращалась всякая задержка. Если на дорогѣ въ Новгородъ иностранцы терпѣли какой нибудь вредъ отъ новгородскихъ подданныхъ, то объ этомъ извѣщали мѣстнаго тіуна, который долженъ былъ явиться на мѣсто преступленія въ теченіи двухъ дней. Если же впродолженіе этого времени онъ не является, то преступника судили старшины иностранныхъ гостей. Каждое иностранное судно, нагруженное товарами, платило пошлины гривну кунъ; судно, нагруженное хлѣбомъ и мясомъ, платило 1/2 гривны, а нагруженное другими съѣстными припасами ничего не платило.

Духъ корпораціи, свойственный средневѣковой торговлѣ, побуждалъ вести торговлю на крайне эгоистическихъ и узкихъ основаніяхъ. Контора запрещала отдѣльнымъ членамъ общины вступать съ Русскими въ торговое общество, а также давать имъ въ кредитъ товары и деньги. Дѣятельность каждаго лица была связана и ограничена. Торговля должна была производиться съ вѣдома начальства конторы. Удаляя всякую конкуренцію, община располагала цѣнами товаровъ какъ продавае-

мыхъ, такъ и покупаемыхъ, по своему желанію, и потому продавала нѣмецкіе товары дорого, русскіе же покупала дешево. Чтобы удержать постоянно высокія цѣны на свои товары, запрещалось торговцамъ привозить товаровъ болѣе, чѣмъ сколько нужно было, чтобы такимъ образомъ не было большаго изобилія, которое повлекло бы за собою пониженіе цѣнъ. Съ другой стороны, для того, чтобы русскіе товары постоянно оставались въ низшей цѣнѣ въ сравненіи съ нѣмецкими, запрещалось купцу, для покупки ихъ, привозить болѣе 1000 марокъ, подъ опасеніемъ конфискаціи лишняго. Такимъ образомъ торговая нѣмецкая корпорація не допуская конкурренціи между своими членами и дѣйствовала, какъ одинъ человѣкъ, какъ одинъ покупатель. Ясно, что Русскіе должны были сбывать иностранцамъ свои товары по цѣнамъ, которыя опредѣляла нѣмецкая община, потому что продавать было нѣкому кромѣ нѣмецкаго двора. Предметы туземной торговли—обыкновенно сырые продукты—русскіе купцы получали отъ мелкихъ торговцевъ и сельскаго рабочаго народа и, безъ сомнѣнія, покупали по низкой цѣнѣ. Такимъ образомъ, торговые обороты страны мало приносили пользы первоначальнымъ покупателямъ и еще менѣе производителямъ: произведенія страны цѣнились очень низко, покупка иностранныхъ товаровъ обходилась очень дорого. Слѣдовательно новгородская торговля была болѣе выгодна для Нѣмцевъ, чѣмъ для края. Вотъ почему, не смотря на продолжительную торговлю В. Новгорода съ Нѣмцами, богатство края не увеличивалось. Новгородское купечество было

собственно факторомъ нѣмецкой корпораціи, помогало Нѣмцамъ эксплуатировать страну. Такъ какъ масса предметовъ заграничной торговли была очень ограничена и состояла преимущественно изъ предметовъ роскоши и притомъ большею частью дурнаго качества, (Нѣмцы, какъ видно, сбывали Русскимъ всякую дрянь), то эта знаменитая новгородская торговля съ просвѣщеннымъ западомъ чрезъ посредство Нѣмцевъ не вносила ничего въ народное богатство, не развивала потребностей въ народѣ и, разумѣется, не поощряла его къ торговой дѣятельности. Предметами западной индустріи пользовалась богатая новгородская аристократія, пріобрѣтая ихъ слишкомъ дорого и разорительно для страны; она богатѣла и роскошничала на счетъ труда тягловаго сельскаго населенія. Можно сказать, что торговлю съ Нѣмцами велъ собственно Новгородъ, а не новгородская земля, которая не участвовала въ выгодахъ этой торговли и потому оставалась чуждою торговымъ интересамъ своей метрополіи. При такихъ торговыхъ отношеніяхъ, очевидно, не могли завязаться дружественныя международныя отношенія между Нѣмцами и Русскими. Новгородцы и иноземцы смотрѣли другъ на друга съ подозрѣніемъ и недоброжелательствомъ. Случалось не разъ, что новгородскіе удальцы грабили нѣмецкій дворъ, и торговыя сношенія прекращались. Не разъ Новгородцы объявляли Нѣмцамъ, что если они будутъ привозить дурные товары, то послѣдніе будутъ конфискованы, а самихъ продавцовъ выгонятъ вонъ.

ОПЕЧАТКИ.

				Напечатано.	Должно читать.
Стр.	6	стрк.	9	Видукиндъ	Видикундъ.
—	27	—	3	было первой степенью	было первой ступенью
—	29	—	13	Даждьбогогъ	Дажьбогъ
—	30	—	3	скотнымъ богомъ	скотьимъ богомъ
—	32	—	12	Оршузду	Ормузду.
—	35	—	9	хранителями въ тайнѣ	хранителями тайнъ
—	38	—	7	самикъ	семикъ
—	45	—	4	то есть среди	то есть среда
—	47	—	13	«Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ»	«Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами»
—	49	—	13	еще бо ся звахуть ти Варязи	сице бо ся звахуть ти Варязи
—	54	—	8	Чечеринъ	Чичеринъ.
—	66	—		Чит. лѣт. преп. Нест. годы: 445, 446, 475, 477, 480.	Чит. лѣт. преп. Нестора, годы: 945, 946, 975, 977, 980.
—	68	—	12	Называетъ переводчиковъ	вызываетъ переводчиковъ
—	80	—	9	торжествомъ государственныхъ отношеній въ XII в.	торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI в.
—	83	—	1	не вѣряху бо	не вѣдяху бо
—	86	—	8	въ славянскихъ обществахъ	въ славянскихъ общинахъ
—	112	—	12	сословныхъ снарядовъ	сословныхъ разрядовъ
—	115	—	11	въ числѣ правленія	въ челѣ правленія
—	125	—	5	отличія его	отличія ея
—	130	—	11	составляли каждый	составляли каждое
—	134	—	15	онъ не является	онъ не являлся
—	135	—	12	не допуская конкуренціи	не допускала конкуренціи

YC 76904

U. C. BERKELEY LIBRARIES

CD47133505

M304449

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY